



ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры новага і наваейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Нур-Султан, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Center of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodski T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ

АД РЭДАКЦЫІ

EDITORIAL

В Беларуси 2022 г. объявлен Годом исторической памяти. Редакция издания «Журнал БГУ. История» последовательно реализует свой вклад в расширение возможностей научного познания прошлого и его активного воздействия на состояние и динамику общественного развития. Историческая наука является социальным инструментом, который выполняет функцию не только политики, обращенной в прошлое, но и науки, формирующей будущее. Сегодня, когда активно идет процесс национально-государственного строительства, история совершенно естественно находится в центре внимания.

Современная историографическая мысль сохраняет значимость одного из ведущих направлений социальных и гуманитарных наук, является основой самоидентификации, позволяет доказать состоятельность государственности мирными средствами. История способствует национальному единству, обоснованию закономерности многовекового процесса становления и развития белорусской государственности.

В данном номере представлены материалы, исследующие разнообразные области исторической науки.

В разделе «История Беларуси» опубликована статья А. М. Лукашевича «Непредсказуемая стабильность: губернаторский корпус в Белорусско-Литовском крае при Павле I в 1796–1801 гг.». В ней представлен обобщенный портрет гражданских губернаторов Белорусско-Литовского края в период правления Павла I. Анализируются социальные характеристики чиновников, установлены условия и мотивы их назначения и увольнения. Отмечается, что в кадровой политике Павел I продолжил екатерининскую практику назначения губернаторами бывших военных, что объяснялось как политиче-

скими (нелояльность части населения), так и этно-конфессиональными (наличие иудеев, католиков, униатов, православных) особенностями края. Показано, что при назначении чиновников большую роль играли происхождение, протекция и наличие военного опыта. Однако продолжительность пребывания в должности при Павле I зависела от деловых качеств губернаторов.

В статье З. В. Антонович «Архівы органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.» проводится компаративный анализ организации деятельности архивов органов административно-территориального управления и духовного суда христианских конфессий, действовавших на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. На широкой источниковой основе автор приходит к выводу о том, что архивное дело в органах конфессионального управления христианских конфессий в конце XVIII – начале XX в. в целом соответствовало действующему законодательству Российской империи, за исключением отдельных аспектов для каждого из периодов, а внимание руководства конфессий и научной общественности XIX – начала XX в. позволило сохранить отдельные объемные документальные комплексы с высоким информационным потенциалом, что открывает значительные возможности для диверсификации научных исследований в проблемной области.

Материал А. А. Гужаловского «Больш не табу: лібералізацыя сексуальнай культуры ў БССР перыяду хрушчоўскай адлігі» представляет результаты анализа основных тенденций развития сексуальной культуры в белорусском обществе периода хрущевской оттепели. На основании изучения архивных материалов и периодики тех лет характеризуется

сексуальное поведение населения БССР, преимущественно молодежи. В этой сфере происходили серьезные изменения: снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера семейно-брачных отношений, ослабление моральных запретов, размывание гендерных стереотипов и т. д. Вместе с личностным раскрепощением либерализация сексуальной культуры принесла негативные тенденции в виде увеличения числа разводов и аборт, количества нежелательных беременностей и повышения уровня заболеваемости.

Раздел «Историография» открывает статья О. В. Метель «Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг.». В контексте трансформации советских религиоведческих исследований середины XX в. в ней рассматривается история открытия Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Реконструировав основные направления научно-исследовательской деятельности института, автор приходит к выводу о том, что сотрудники учреждения ориентировались на изучение наиболее актуальных и практически значимых сюжетов, связанных с атеистическим воспитанием или религиозной ситуацией в современном мире. Именно поэтому деятельность института обеспечила существенное сужение исследовательского поля советского религиоведения, которое с середины 1960-х гг. стало развиваться в пространстве советской философии.

Также в данном разделе представлена статья С. Б. Криха «“Проигравший” учебник: А. И. Немировский и преподавание истории Древнего мира в советской школе». В ней рассказывается об учебнике по истории Древнего мира, написанном А. И. Немировским в начале 1960-х гг. Благодаря тому что сохранилась авторская рукопись, возможен сравнительный анализ начального текста и того текста, что

в 1962 г. вышел в виде учебника для вечерних школ. Его сопоставление с учебником для школ, изданным в то же время Ф. П. Коровкиным, показывает, что степень унификации нарратива в советской историографии была велика, особенно в сфере преподавания истории, а отдельные оригинальные моменты, принадлежащие перу А. И. Немировского, были почти полностью нивелированы при редакторской правке.

В статье В. Н. Шайдурова, Н. А. Сапроновой, Ю. М. Гончарова, Т. А. Новгородского «Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.)», опубликованной в разделе «Этнология», рассматриваются основные этапы формирования и развития цыганского сообщества в Сибири в конце XVIII в. – XX в. Авторы пришли к следующему выводу: основным фактором возникновения цыган и роста их численности в регионе стали миграции, важную роль в которых сыграли белорусские цыгане. На основе различных источников характеризуются мероприятия органов власти в отношении цыганского населения, направленные на его гомогенизацию и интеграцию в экономические и социокультурные процессы Сибири.

В завершающем номер разделе «Археология» представлена работа О. С. Румянцевой, И. А. Сапрыкиной и А. Н. Белицкой «Производственный комплекс поселения Абидня позднеаримского времени: первые результаты комплексного исследования». Авторами были изучены свидетельства производства, выявленные на поселении Абидня. Работа включала анализ морфологии тиглей, изучение химического состава их поверхности и остатков содержимого методами рентгенофлуоресцентного анализа и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализатором, а также исследование планиграфии находок, которые могли быть связаны с производством (тиглей, льячек, литейных форм, бус красного глухого стекла, отходов производства и др.).

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BEARUSIAN HISTORY

УДК 94(476+470).071«1796/1801»

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОМ КРАЕ ПРИ ПАВЛЕ I В 1796–1801 гг.

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен обобщенный портрет гражданских губернаторов Белорусско-Литовского края при Павле I в 1796–1801 гг. Анализируются социальные характеристики (происхождение, вероисповедание, возраст, образовательный уровень, карьера, награды) восьми литовских, белорусских и минского гражданских губернаторов. Установлены условия и мотивы их назначения и увольнения. Отмечается, что для губернаторского корпуса Белорусско-Литовского края при Павле I были характерны как общероссийские тенденции (частая сменяемость, более высокий чин по Табели о рангах, отсутствие четко установленного размера пенсий), так и свои особенности (региональная и конфессиональная принадлежность, пожилой возраст (в среднем 50 лет)). Сделан вывод о том, что в кадровой политике Павел I продолжил екатерининскую практику назначения губернаторами бывших военных, что объяснялось как политической (нелояльность части населения), так и этноконфессиональной (наличие иудеев, католиков, униатов, православных) спецификой края. На основе социокультурных характеристик (количество обязанностей, восприятие времени, личностные качества, материальное обеспечение, семейное положение и интересы) реконструирована повседневная жизнь губернаторов. Сделан вывод о том, что при назначении чиновников большую роль играли происхождение, протекция и наличие военного опыта, однако продолжительность пребывания в должности при Павле I зависела от деловых качеств губернаторов. Отмечается, что некоторые начальники, не имея управленческого опыта, совершали многочисленные ошибки, что приводило к недовольству императора и, как следствие,

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Непредсказуемая стабильность: губернаторский корпус в Белорусско-Литовском крае при Павле I в 1796–1801 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;2:7–19. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-7-19>

For citation:

Lukashevich AM. Unpredictable stability: the governor's case in the Belarusian-Lithuanian Region under Paul I in 1796–1801. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;2:7–19. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-7-19>

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history. lukashevand@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

к преждевременным отставкам. В то же время правление Павла I оказалось достаточно эффективным в Белорусско-Литовском крае с точки зрения достижения управленческих результатов.

Ключевые слова: гражданский губернатор; Белорусская губерния; Литовская губерния; Минская губерния; Я. И. Булгаков; И. Г. Фризель; З. Я. Карнеев; Г. М. Осипов; С. С. Жегулин; М. С. Белокопытов; П. И. Северин; П. М. Тарбеев.

Благодарность. Автор выражает благодарность Н. Л. Семёновой за предоставленные сведения о литовском губернаторе И. Г. Фризеле в период его службы в Оренбурге.

НЕПРАДКАЗАЛЬНАЯ СТАБІЛЬНАСЦЬ: ГУБЕРНАТАРСКІ КОРПУС У БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІМ КРАІ ПРЫ ПАЎЛЕ I У 1796–1801 гг.

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены абагульнены партрэт грамадзянскіх губернатараў Беларуска-Літоўскага краю пры Паўле I у 1796–1801 гг. Аналізуюцца сацыяльныя характарыстыкі (паходжанне, веравызнанне, узрост, адукацыйны ўзровень, кар’ера, узнагароды) васьмі літоўскіх, беларускіх і мінскага грамадзянскіх губернатараў. Устаноўлены ўмовы і матывы іх прызначэння і звальнення. Адзначаецца, што для губернатарскага корпуса Беларуска-Літоўскага краю пры Паўле I былі характэрныя як агульнарасійскія тэндэнцыі (частая змяняльнасць, больш высокі чын па Табелі аб рангах, адсутнасць дакладна ўстаноўленага памеру пенсій), так і свае асаблівасці (рэгіянальная і канфесійная прыналежнасць, сталы ўзрост (у сярэднім 50 гадоў)). Зроблена выснова аб тым, што ў кадравай палітыцы Павел I працягнуў кацярынінскую практыку прызначэння губернатарамі былых вайскоўцаў, што тлумачылася як палітычнай (неляльнасць часткі насельніцтва), так і этнаканфесійнай (наяўнасць іўдзеяў, каталікоў, уніятаў, праваслаўных) спецыфікай краю. На аснове сацыякультурных характарыстык (колькасць абавязкаў, успрыманне часу, асабістыя якасці, матэрыяльнае забеспячэнне, сямейнае становішча і інтарэсы) рэканструювана паўсядзённае жыццё губернатараў. Зроблена выснова аб тым, што пры прызначэнні чыноўнікаў вялікую ролю адыгрывалі паходжанне, пратэкцыя і наяўнасць ваеннага вопыту, аднак працягласць знаходжання на пасадзе пры Паўле I залежала ад дзелавых якасцей губернатараў. Адзначаецца, што некаторыя начальнікі, не маючы кіраўніцкага досведу, дапускалі шматлікія памылкі, што прыводзіла да незадаволенасці імператара і, як следства, да заўчасных адставак. У той жа час кіраванне Паўла I аказалася дастаткова эфектыўным у Беларуска-Літоўскім краі з пункту гледжання дасягнення кіраўніцкіх вынікаў.

Ключавыя словы: грамадзянскі губернатар; Беларуская губерня; Літоўская губерня; Мінская губерня; Я. И. Булгаков; И. Г. Фризель; З. Я. Карнеев; Р. М. Осипов; С. С. Жегулин; М. С. Белокопытов; П. И. Северин; П. М. Тарбеев.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку Н. Л. Сямёнавай за прадстаўленыя звесткі аб літоўскім губернатара І. Г. Фрызель падчас яго службы ў Арэнбургу.

UNPREDICTABLE STABILITY: THE GOVERNOR'S CASE IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN REGION UNDER PAUL I IN 1796–1801

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents a generalised portrait of civil governors of the Belarusian-Lithuanian Region under Paul I in 1796–1801. The social characteristics (origin, religion, age, educational level, career, awards) of eight Lithuanian, Belarusian and Minsk civil governors are analysed. The conditions and motives for the appointment and dismissal of these officials are established. It is noted that the governor corps of the Belarusian-Lithuanian Region under Paul I was characterised by both all-Russian tendencies (frequent turnover, a higher rank according to the Table of Ranks, the absence of a clearly established amount of pensions), and some features (regional and confessional affiliation, elderly age (50 years on average)). It is concluded that in the personnel policy, Paul I continued Catherine's practice of appointing former military governors, which was explained both by political (disloyalty of part of the population) and ethno-confessional (Jews, Catholics, Uniates, Orthodox) features of the region. The daily life of governors is reconstructed on the basis of socio-cultural characteristics (number of duties, perception of time, personal qualities, material support, marital status and interests). It is concluded

that the origin, patronage and military experience played an important role in the appointment. However, the duration of tenure under Paul I depended on the business qualities of the governors. It is noted that some bosses, having no managerial experience, made numerous mistakes. They led to dissatisfaction with the emperor and, as a result, to premature resignations. At the same time, the reign of Paul I turned out to be quite effective in the Belarusian-Lithuanian Region in terms of achieving managerial results.

Keywords: civil governor; Belarusian province; Lithuanian province; Minsk province; Ya. I. Bulgakov; I. G. Frizel; Z. Ya. Karneev; G. M. Osipov; S. S. Zhegulin; M. S. Belokopytov; P. I. Severin; P. M. Tarbeev.

Acknowledgements. The author is grateful to N. L. Semenova for providing information about the Lithuanian governor I. G. Frizel during his service in Orenburg.

Введение

В современной историографии достаточно много внимания уделяется губернаторскому корпусу Российской империи. Активное изучение данной проблемы приходится на три последних десятилетия. За этот период были изданы несколько монографий и десятки статей, в которых исследуется функционирование института губернаторства в различных регионах на протяжении XVIII – начала XX в.¹ С учетом обширности историографии в статье рассматриваются только работы, посвященные губернаторскому корпусу или отдельным его представителям, служившим в Беларуси при Павле I.

Российские историки с разной степенью полноты изучали вопросы взаимодействия высших, центральных и местных учреждений управления, особенности взаимоотношений губернаторов и вице-губернаторов, чиновников местной администрации и дворянства [1; 2]. Одно из центральных мест занимает проблема кадрового обеспечения губернаторского корпуса. В ней выделяются несколько аспектов: критерии (формальные и неформальные), по которым происходили отбор и назначение губернаторов [3; 4], условия и обстоятельства их карьерного роста [1], причины и механизмы увольнений с губернаторской должности [5], а также социальный (социокультурный) облик руководителей губернской администрации [6, с. 73–139; 7]. Учеными предпринимались попытки анализа всего губернаторского корпуса Российской империи в XVIII – начале XX в. [8]. Однако такой подход отмечался недостатками: потерей некоторых персоналий, усреднением данных, утратой региональной специфики и особенностей комплектования корпуса в различные периоды.

Функционированию чиновничьего аппарата в Белорусско-Литовском крае в конце XVIII – начале XIX в. в белорусской историографии уделяется значительно меньше внимания. В постсоветский период этой проблемой занимались Е. К. Анищенко [9], П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич [10], Н. А. Заикин [11], И. Н. Трестьян [12].

Вопросы реорганизации екатерининской системы управления на территории Беларуси в 1796–1801 гг., создания военного управления и его взаимодействия с гражданской администрацией рассматривались нами ранее: в ряде статей исследуются милитаризация управления при Павле I, введение института военного губернаторства, раскрывается такой элемент военно-территориального управления, как военные инспекции (1796–1806), анализируются функциональные обязанности инспекторов. Ранее нами было доказано, что Павел I возложил функции военных губернаторов на военных инспекторов, они же осуществляли общий надзор за гражданским управлением [13].

Данные выводы были повторены в диссертационной работе И. Н. Трестьян «Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.)». Однако сложно согласиться с утверждением исследователя о том, что полномочия военных губернаторов «остались практически такими же, как и у генерал-губернаторов», некорректным нам представляется и использованный в работе термин «военно-губернаторский корпус»².

Несомненный интерес вызывают публикации, в которых представлен обобщающий портрет губернаторов в Беларуси, в частности работы, посвященные исследованию минских губернаторов [14], а также изучению губернаторов конца XVIII – первой половины XIX в. [12]. Однако в последнем случае портрет получился обезличенным, что не позволяет провести его верификацию и корректировку. Кроме того, не выполнен подробный анализ губернаторского корпуса при Павле I.

Цель нашей статьи – выявить основные принципы кадровой политики Павла I в Белорусско-Литовском крае, которые нашли отражение в подборе, назначении и увольнении гражданских губернаторов, а также определить общие социокультурные характеристики этих чиновников.

¹Все даты приводятся по юлианскому календарю.

²Трестьян И. Н. Эволюция системы местных органов государственной власти на территории Беларуси (1772–1856 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2018. С. 13, 15.

Поскольку в отношении Белорусской, Минской и Литовской губерний конца XVIII в. не совсем корректно использовать термин «Беларусь» (они включали в состав территорию как современной

Беларуси, так и Литвы), в статье употребляются обобщения «Белорусско-Литовский край», «белорусско-литовские губернии», «белорусско-литовские земли».

Методология исследования

При подготовке статьи использовались различные методы исследования: просопографический, историко-сравнительный, картографический (что позволило создать авторскую карту), а также метод истории повседневности. В основу положен просопографический метод, позволивший создать коллективную биографию (портрет) социальной группы, обладающей определенным набором общих черт [15]. Для этого была сформирована база персональных данных (характеризующих происхождение, вероисповедание, возраст, образовательный уровень, карьеру, награды) по всем членам группы – гражданским начальникам Белорусской губернии (Г. М. Осипов (1739 г. – 8 марта 1802 г.), С. С. Жегулин (ок. 1733 г. – 12 мая 1823 г.), М. С. Белокопытов (1730-е гг. – после 1807 г.), П. И. Северин (6 июля 1757 г. – 5 октября 1830 г.), П. М. Тарбеев (Торбеев, 1740-е гг. – после 1802 г.)), Минской губернии (З. Я. Карнеев (24 марта 1748 г. – 9 марта 1828 г.)) и Литовской губернии (Я. И. Булгаков (15 октября 1743 г. – 7 июля 1809 г.), И. Г. Фризель (19 мая 1760 г. – 23 сентября 1810 г.)).

Одновременно исследование губернаторского корпуса осуществлялось через призму истории повседневности (с помощью методов социальной

психологии и культурологии), что позволило реконструировать образ жизни чиновников, проанализировать их поведение и эмоциональные реакции на различные события [16]. С этой целью были выделены несколько ключевых маркеров: количество выполняемых обязанностей, специфика восприятия времени, личностные качества губернатора, материальное обеспечение, семейное положение и интересы.

При изучении повседневных практик чиновничества конца XVIII в. большую роль играют источники личного происхождения (мемуары и воспоминания Г. И. Добрынина³, Ф. П. Лубяновского⁴, Н. О. Кутлубицкого⁵, А. Чарторыйского⁶, а также частная переписка Я. И. Булгакова⁷ и М. И. Голенищева-Кутузова⁸).

Для восполнения пробелов в биографиях губернаторов использовались опубликованные и архивные документальные источники (формулярные списки⁹, указы о назначениях¹⁰, рапорты¹¹ и др.¹²), которые дополнялись официальными данными из справочников конца XVIII – начала XIX в.¹³ Все даты назначений и увольнений чиновников, высочайших наград и взысканий, а также пожалований именными установлены (уточнены) по указам Павла I Сенату¹⁴.

Результаты и их обсуждение

Поскольку белорусско-литовские земли окончательно вошли в состав Российской империи только в 1795 г., они находились на особом положении. Это предопределило специфику их управления, а именно наличие здесь институтов генерал-губернаторства (наместничества) (1772–1796) и военного

губернаторства (1796–1822) при сохранении гражданского управления губернаторами (правителями наместничеств в 1777–1796 гг.).

Генерал-губернаторы назначались императрицей Екатериной II, являлись ее доверенными лицами и были ответственны только перед ней.

³Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилёве и в Витебске. 1752–1823 : в 3 ч. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1752–1872. X, 380 с.

⁴Лубяновский Ф. П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М. : Тип. Грачева и К°, 1872. 319 с.

⁵Кутлубицкий Н. О. Рассказы генерала Н. О. Кутлубицкого о временах Павла I // Рус. арх. 1912. № 8. С. 509–538.

⁶Чарторыйский А. Воспоминания и письма. М. : Захаров, 2010. 595 с.

⁷Письма Я. И. Булгакова к И. А. Алексею (1798–1802) // Рус. арх. 1898. № 1. С. 50–55.

⁸М. И. Кутузов: документы / под ред. Л. Г. Бескровного. М. : Воен. изд-во, 1950. Т. 1. 853 с.

⁹Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 6. Д. 255.

¹⁰РГИА. Ф. 796. Оп. 80. Д. 481 ; Там же. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 870 ; Из рескриптов императора Павла I. 1798 г. // Рус. старина. 1904. № 9. С. 692–700 ; Приказы первых трех дней царствования императора Павла, отданные при паролке великому князю Александру Павловичу // Рус. старина. 1870. Т. 1. С. 418–419.

¹¹Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 333. Оп. 1. Д. 676. Л. 47–47 об.

¹²РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 86, 120, 128.

¹³Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, також де кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1796 год. СПб. : Гос. воен. коллегия, 1796. 546 с. ; Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1798 год. СПб. : [б. и.], 1798. 91 с. ; Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1799 год. СПб. : [б. и.], 1799. 95 с. ; Список состоящим в гражданской службе чинам второго, третьего, четвертого и пятого классов на 1800 год. СПб. : [б. и.], 1800. 102 с.

¹⁴Сенатский архив : в 15 т. Т. 1. Именные указы императора Павла I. СПб. : Сенат. тип., 1888. 746 с.

Назначение и увольнение гражданских губернаторов также совершались от имени монарха. Официально они находились в подчинении Сенату, что делало их достаточно самостоятельными фигурами в управленческой иерархии.

К моменту вступления на престол Павла I (с 6 на 7 ноября 1796 г.) территория бывшего Великого княжества Литовского была разделена на пять наместничеств (Могилёвское, Полоцкое, Минское, Виленское, Слонимское), объединенных в три генерал-губернаторства (Белорусское; Минское, Волыньское, Брацлавское и Подольское¹⁵; Литовское). При этом два наместничества, Виленское и Слонимское, находились еще в стадии формирования.

В ходе административно-территориальной реформы, осуществленной 12 декабря 1796 г. (см. рисунок), Павел I упразднил наместничества. Основной единицей вновь стали губернии. Все кадровые перестановки в управленческом корпусе на местах император произвел в первые 40 дней правления. Со службы были уволены белорусский генерал-губернатор П. Б. Пассек (17 декабря 1796 г.¹⁶), а также минский, волыньский, брацлавский и подольский генерал-губернатор Т. И. Тутолмин (1 декабря 1796 г.)¹⁷. Причем П. Б. Пассеку запретили въезд в обе столицы, а Т. И. Тутолмин по подозрению в злоупотреблениях вскоре был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, а его имения конфискованы¹⁸.

Из екатерининских генерал-губернаторов, в подчинении которых находились белорусско-литовские земли, свою должность сохранил только один – князь Н. В. Репнин. Это объясняется близостью данного сановника к «малому двору»: с 1754 г. он был женат на княжне Н. А. Куракиной – племяннице графа Н. И. Панина, который являлся наставником великого князя Павла Петровича. Более того, 9 ноября 1796 г., на третий день после вступления на престол, Павел I произвел Н. В. Репнина в генерал-фельд-маршалы¹⁹. Впрочем, несмотря на благосклонность императора, в 1798 г. и князь Н. В. Репнин покинул службу. Сановник не смог выполнить дипломатическую миссию по созданию антифранцузской коалиции в Берлине и Вене и 26 ноября 1798 г. был уволен со службы «с мундиром».

Своих должностей 17 декабря 1796 г. также лишились правители Могилёвского и Полоцкого наместничеств (Г. И. Черемисинов и М. П. Лопатин) [9, с. 95–96], а правитель Минского наместничества И. Н. Неплюев еще 3 декабря 1796 г. был назначен

шефом Киевского кирасирского полка [10, с. 22; 17, с. 177].

В ходе реформы часть функций генерал-губернаторов (командование войсками, политический контроль за состоянием дел в крае и настроениями местного населения) были переданы в руки военных губернаторов [13, с. 210–214]. При этом в системе управления образовался своеобразный перекосяк: новообразованная Литовская губерния (объединившая Виленское и Слонимское наместничества) подчинялась генерал-губернатору (с 1797 г. – военному губернатору), а Минская губерния и Белорусская губерния (объединившая Полоцкое и Могилёвское наместничества) оказались в руках гражданских губернаторов. Учитывая это обстоятельство, Павел I сосредоточил полную власть над краем в руках начальников Литовской губернии.

Объединение достигалось путем назначения инспектора по инфантерии (пехоте) Литовской военной инспекции (часто возглавлявшего и Смоленскую инспекцию) литовским военным губернатором, а по совместительству и управляющим гражданской частью Литовской губернии. Поэтому все литовские военные губернаторы при Павле I были генералами: Н. В. Репнин (30 октября 1794 г. – 26 ноября 1798 г.), Б. П. Ласси (26 ноября 1798 г. – 26 октября 1799 г.), И. П. Горич (13 ноября – 19 декабря 1799 г., исправляющий должность), М. И. Голенищев-Кутузов (19 декабря 1799 г. – 18 июня 1801 г.)²⁰.

В связи с упразднением института генерал-губернаторства в центральной и восточной части Беларуси существенно возросло значение гражданских губернаторов. И если выбор кандидатов в Литовскую губернию (Я. И. Булгаков, 6 января 1797 г. – 19 декабря 1798 г.)²¹ и Минскую губернию (З. Я. Карнеев, 8 января 1797 г. – 14 марта 1808 г.) [17, с. 137–139] оказался удачным, то назначенцы в Белорусскую губернию не оправдали надежд, сменились пять человек. Ответственность за это лежала на Сенате, который в конце XVIII в. осуществлял подбор кандидатов на губернаторскую должность. Через генерал-прокурора кандидатуры представлялись на рассмотрение монарху, который утверждал свой выбор именным указом Сенату²². При этом на подбор кандидатур значительное влияние оказывала протекция. Так, Я. И. Булгаков получил место литовского губернатора благодаря бывшему начальнику по дипломатической службе князю Н. В. Репнину²³.

¹⁵ НИАБ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 676. Л. 47–47 об.

¹⁶ Сенатский архив. Т. 1. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 438.

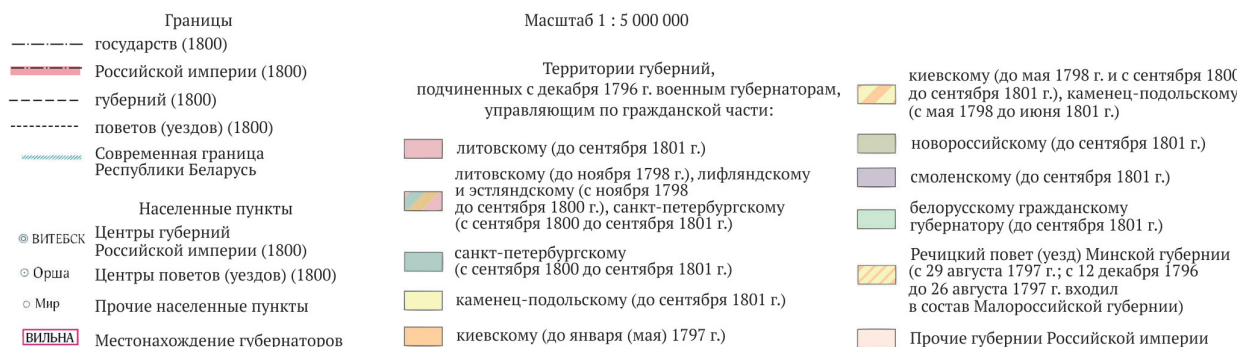
¹⁹ Приказы первых трех дней царствования императора Павла... С. 419.

²⁰ М. И. Кутузов. Т. 1. С. 501, 509–510, 615; *Кутлубицкий Н. О.* Рассказы генерала Н. О. Кутлубицкого... С. 509–538.

²¹ Сенатский архив. Т. 1. С. 64, 478.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1809. Д. 178.

²³ Бартенева П. Яков Иванович Булгаков. Историко-биографический очерк // Рус. арх. 1898. № 1. С. 47.



Административно-территориальные преобразования на присоединенных к Российской империи землях в декабре 1796 – сентябре 1801 г. (составлено по: Сенатский архив : в 15 т. СПб. : Сенат. тип., 1888.

Т. 1 : Именные указы Павла I. 746 с. ; Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий. СПб. : Геогр. деп., 1800. 44 с.)

Administrative and territorial transformations in the lands annexed to the Russian Empire in December 1796 – September 1801 (compiled according to: Senate archive : in 15 vols. St. Petersburg : Senat. tip., 1888.

Vol. 1 : Nominal decrees of Paul I. 746 p. ; The Russian atlas, consisting of forty-three maps and dividing the empire into forty-one provinces. St. Petersburg : Geogr. dep., 1800. 44 p.)

Одной из важнейших задач правления Павла I являлось повышение эффективности системы управления. И хотя монарх не сформулировал определенные критерии ее оценки, требование было достаточно простым: точное, неуклонное и своевременное исполнение высочайших указаний. В связи с этим представляет интерес анализ возможностей гражданских губернаторов.

Эффективность управления отчасти зависела от количества выполняемых обязанностей. Гражданский губернатор, как блюститель неприкосновенных верховных прав самодержавия, гарантировал точное исполнение законов, осуществлял общее руководство деятельностью губернских учреждений. Помимо привычных обязанностей (проведение рекрутских наборов, сбор налогов, ремонт дорог²⁴, борьба с эпидемиями²⁵, контроль за проведением дворянских выборов²⁶ и др.), губернаторам приходилось решать и новые задачи. При Павле I они отвечали за подготовку российской армии сначала к военным действиям в составе 2-й антифранцузской коалиции 1798–1802 гг., а затем к войне с Великобританией, защищали права местного населения от злоупотреблений военных²⁷, участвовали в решении этноконфессиональных проблем Белорусско-Литовского края. Так, З. Я. Карнеев подготовил документ, послуживший основанием для прекращения насильственного перевода униатов в православие [10, с. 27–28; 11, с. 132–133], а И. Г. Фризель разработал проект реформы еврейского быта²⁸.

Впрочем, гражданский губернатор не должен был выходить за пределы своих полномочий. В противном случае об этом становилось известно императору и следовало наказание. Так, когда белорусский губернатор С. С. Жегулин, в прошлом генерал-майор, по привычке отдал ряд поручений комендантам, 21 марта 1798 г. ему был объявлен выговор. «Нужным почитаю подтвердить вам, – говорилось в рескрипте Павла I, – чтобы вы впредь ограничили себя исполнением только должности своей по гражданской части, не делая никаких военным чиновникам препоручений, не свойственных им по воинскому уставу, который рекомендую вам читать чаще для познания, что, по силе оно, не должны вы мешаться в части военной службы»²⁹.

Наличие многочисленных служебных функций накладывало отпечаток на повседневность чиновника, важной характеристикой которой является специфика восприятия времени (объем делопроиз-

водства, продолжительность рабочего дня, организация труда). Ежедневно губернатор просматривал множество документов, вел переписку с вышестоящими лицами и ведомствами, контролировал деятельность подчиненных структур, решал вопросы взаимодействия с военными властями. Кроме пребывания в губернском правлении, он председательствовал в Приказе общественного призрения и возглавлял несколько комитетов. Поэтому рабочий день чиновника не был унифицирован: чаще всего он начинался с 5:00 до 6:00 утра (иногда график смещался) и длился до позднего вечера [1, с. 515–517]. Подобная практика была характерна для Павла I, который принимал с докладами столичных чиновников уже с 5:30 до 6:00 утра³⁰. Обычно весь день губернатор посвящал работе, прерываясь лишь на короткое время на обед. Исключение составляли дни, когда он совершал объезд губернии в целях ревизии присутственных мест и других учреждений. Поэтому на своевременное и оперативное исполнение своих обязанностей у губернатора часто не хватало времени и сил.

Определенное влияние на эффективность управления оказывали и личностные качества чиновника. Учитывая пограничное положение края, губернаторы должны были разбираться в сложной этноконфессиональной структуре населения, принимать решения в трудных ситуациях, а также уметь брать на себя ответственность. Все это зависело от трудоспособности (возраста и здоровья), уровня знаний (образования) и наличия административного опыта.

В действительности не все назначенцы обладали подобными качествами, особенно высоким уровнем знаний. Так, из восьми губернаторов шесть получили домашнее образование и один губернатор (Г. М. Осипов) – среднее. Из общего ряда выделялся только Я. И. Булгаков, который с золотой медалью окончил университетскую гимназию, а затем и Московский университет³¹. Превалирование домашнего образования в XVIII – первой четверти XIX в. было обычным явлением, поскольку науки в дворянской среде не пользовались популярностью. Более того, к началу XIX в. в Российской империи существовало всего несколько учебных заведений, большинство из них составляли кадетские (шляхетные) корпуса [18, с. 18–31]. Подобный перекося объяснялся и тем, что военная служба считалась более престижной, а гражданская являлась своеобразной наградой за военные заслуги.

²⁴РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 128.

²⁵Там же. Д. 86.

²⁶Там же. Д. 120.

²⁷М. И. Кутузов. Т. 1. С. 518–519, 525, 546, 567, 569.

²⁸Гессен Ю. И. История еврейского народа в России : в 2 т. 2-е изд. Л. : Тип. К.-О. Ленингр. губпрофсовета, 1925. Т. 1. С. 136–138.

²⁹Из рескриптов императора Павла I. 1798 г. ... С. 693.

³⁰Лубяновский Ф. П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского... С. 93, 104.

³¹Бартенев П. Яков Иванович Булгаков... С. 29–30.

При этом два губернатора в молодости были масонами (З. Я. Карнеев, П. И. Северин), что обусловило их гуманистические взгляды. Так, З. Я. Карнеев выступал за религиозную толерантность в Минской губернии и являлся инициатором создания военно-учебного заведения в Минске [10, с. 25–27; 19, с. 759], а П. И. Северин впоследствии поддержал идею создания Белорусского вольного экономического общества и передал в распоряжение казны (с денежной компенсацией) Коровяинское староство³².

На служебную и общественную активность губернатора большое влияние оказывало его материальное обеспечение. Оно определялось содержанием (регламентировалось штатным расписанием и состояло из жалованья, «столовых» и «прогонных»), наличием (или отсутствием) дополнительных льгот за службу в некоторых регионах (например, в Сибири [20, с. 89]), а также наличием недвижимости.

По штатам губерний 1-го разряда (утвержден 31 декабря 1796 г.), к которым были отнесены Минская и Белорусская губернии, жалованье губернатора устанавливалось в размере 1800 руб. в год. Еще 1200 руб. выделялось ему в качестве «столовых»³³. Литовская губерния была отнесена ко 2-му разряду. По ее штату, утвержденному 6 февраля 1797 г., жалованье губернатора устанавливалось в размере 2250 руб. в год (для сравнения: вице-губернатор – чиновник 5-го класса – получал 1875 руб.), что было на 20 % больше, чем у начальников Белорусской и Минской губерний. При этом вместо «столовых» литовскому губернатору определялись «деревни»³⁴.

Пожалование имений зависело исключительно от воли императора. Например, И. Г. Фризель 7 февраля 1797 г. получил 250 мужских душ в Гродненской экономии в награду «за усердную службу и труд» в должности начальника казенного отделения Верховного правления ВКЛ³⁵. После назначения чиновника литовским губернатором (декабрь 1798 г.) новых пожалований не последовало. Более того, находясь в достаточно стесненных материальных обстоятельствах, И. Г. Фризель был вынужден продать имение³⁶.

В то же время начальники Белорусской губернии удостоились более значимых пожалований: Г. М. Осипов уже в должности сенатора получил 600 душ в Тверской губернии (1797), С. С. Жегулин – 497 душ в Минской губернии (1797), П. И. Севе-

рин – 400 душ в Белорусской губернии (1800)³⁷. Еще 1500 душ в Полоцкой губернии получил Я. И. Булгаков (1790). З. Я. Карнееву Павел I пожаловал 5000 дес. земли в Саратовской губернии (1800)³⁸.

Поведение чиновника было обусловлено склонностью (или ее отсутствием) к обогащению. Так, по воспоминаниям Г. И. Добрынина, среди пяти белорусских губернаторов подобным пороком обладал П. И. Северин: «Хорошо знал курс монеты, ловок был ее приобретать, и всегда ему ее недоставало. <...> При всем этом столько был скрытен, что никому не дал себя понять, в каких соотношениях был он со нравственностью»³⁹.

В целом анализ имущественного положения гражданских губернаторов свидетельствует о том, что они зависели в основном от служебного жалованья. Неслучайно Павел I использовал этот рычаг для повышения управленческой эффективности: 15 апреля 1797 г. для достижения бездоимочного поступления податей (налогов) и рекрутов он ввел персональную имущественную ответственность губернаторов («своими именьями»)⁴⁰. И как показала практика, в 1798–1800 гг. рекрутские наборы в Белорусской, Минской и Литовской губерниях впервые проходили без недоимок⁴¹. Впоследствии этот инструмент давления монарх использовал и при решении иных вопросов (строительстве казарм, заготовке дров для войск и т. д.).

Впрочем, иногда Павел I возлагал на чиновников материальную ответственность и за необдуманные решения. Так, когда С. С. Жегулин в нарушение высочайшего приказа решил с помощью крестьян привести в порядок дорогу, по которой следовал император, тот был возмущен. Павел I из собственных средств заплатил обывателям 1 тыс. руб. и приказал удержать у губернатора и вице-губернатора «за треть жалованья» (т. е. за 4 месяца), а земским чиновникам пригрозил лишением мест⁴².

Неудивительно, что отставка часто становилась болезненной для чиновника. А поводом для нее при Павле I могли послужить как объективные (состояние здоровья, назначение на вышестоящую должность), так и субъективные (недовольство монарха) обстоятельства. Часто болезнь использовалась только в качестве предлога. Например, литовский губернатор Я. И. Булгаков уже в январе 1798 г., когда

³²РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 690.

³³Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2. С. 394, 396.

³⁴Сенатский архив. Т. 1. С. 100 ; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 44, ч. 2. С. 398.

³⁵РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1809. Д. 178. Л. 13.

³⁶Там же.

³⁷Сенатский архив. Т. 1. С. 158, 237, 661 ; РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 690 ; Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 330.

³⁸Сенатский архив. Т. 1. С. 661.

³⁹Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 321.

⁴⁰ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. С. 774–776 ; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6. Л. 86, 273–273 об.

⁴¹НИАБ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 3. Л. 24–24 об. ; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 26. С. 868.

⁴²Сенатский архив. Т. 1. С. 222 ; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 128.

его покровитель князь Н. В. Репнин перестал пользоваться влиянием, начал обдумывать благопристойный предлог, чтобы оставить службу. Просьба совета у своего друга сенатора И. А. Алексеева, бывший дипломат 23 января 1798 г. писал: «Горестно будет, ежели, столько служа, отбросят ни с чем, а еще горестнее, ежели исключат без всякой причины. Боюсь и того, чтоб просьбы моей не приняли за нежелание продолжать службу или за какую досаду; но Бог свидетель, что здоровье мое расстроилось до такой степени, что я не могу уже быть так исправен, как был доселе»⁴³.

Наиболее частыми причинами отставок являлись упущения по службе: халатное отношение к исполнению своих обязанностей, несвоевременное или ненадлежащее исполнение высочайших повелений, оказание внимания уволенным сановникам. Своеобразным рекордсменом по взысканиям среди рассматриваемых губернаторов стал С. С. Жегулин: с мая 1797 по ноябрь 1798 г. он получил не менее трех императорских выговоров⁴⁴. «С крайним негодованием моим увидел я глупость вашу в присылке с эстафетом нарочным, не по обыкновенной почте, – говорилось в рескрипте Павла I от 13 ноября 1798 г., – донесение совсем пустое и ничего не значащее от 1-го ноября и твердо приказываю вам от подобных старых глупостей впредь воздерживаться»⁴⁵. В итоге 12 декабря 1798 г. С. С. Жегулин был уволен со службы с обращением получаемого жалованья «в пенсион»⁴⁶.

Внеплановые отставки приводили к кадровой чехарде среди гражданских губернаторов. Так, в Белорусской губернии при Павле I сменились пять чиновников: Г. М. Осипов (17 декабря 1796 г. – 8 января 1797 г.)⁴⁷, С. С. Жегулин (6 января 1797 г. – 12 декабря 1798 г.)⁴⁸, М. С. Белокопытов (12 декабря 1798 г. – 4 июня 1799 г.)⁴⁹, П. И. Северин (3 июля 1799 г. – 29 декабря 1800 г.)⁵⁰, П. М. Тарбеев (29 декабря 1800 г. – 3 июля 1802 г.)⁵¹. Средняя продолжительность службы на губернаторской должности в Белорусско-Литовском крае составляла около 2 лет и 4 месяцев.

Подобная тенденция наблюдалась и в других регионах империи. Например, в Оренбургской губернии при Павле I сменились три гражданских губернатора: М. И. Баратаев (1795–1799), И. О. Курис (1799–1800) и Г. И. Глазенап (1800–1801) [4, с. 12].

Впрочем, персональная ответственность губернаторов имела и положительные стороны. Очень интересную оценку системы местного управления при Павле I дал князь А. Чарторыйский, адъютант великого князя Александра Павловича в 1798 г.: «В провинциях губернаторы, генерал-губернаторы и все военные, боясь, чтобы злоупотребления, которые они позволяли себе, не дошли до сведения императора... стали более обращать внимания на свои обязанности, изменили тон в обращении с подчиненными, избегали позволять себе слишком вопиющие злоупотребления. В особенности могли заметить эту перемену жители польских провинций»⁵².

Губернаторы, уходившие в отставку, в качестве пенсии старались получить полный размер жалованья. Однако в конце XVIII в. это зависело от императора. Те чиновники, которые отставались за какие-либо упущения или из-за нерасположения монарха, часто в качестве пенсии получали половину жалованья (например, Г. И. Черемисинов, М. П. Лопатин, М. С. Белокопытов⁵³). За заслуги Павел I жаловал дополнительную пенсию. Так, З. Я. Карнеев 11 мая 1797 г., помимо ордена Святой Анны 2-й степени, за отличное состояние Минской губернии во время посещения ее императором был награжден пенсией в размере 1000 руб. в год сверх жалованья⁵⁴.

Таким образом, в 1796–1801 гг. Белорусскую, Минскую и Литовскую губернии возглавляли восемь человек. Средний возраст губернаторов на момент назначения на должность составлял 50 лет (данная цифра условна, так как точная дата рождения двух губернаторов неизвестна). По социальному происхождению семь чиновников принадлежали к дворянскому сословию (З. Я. Карнеев происходил из украинской шляхты, являлся сыном ротмистра Ахтырского слободского казачьего полка), один чиновник (Г. М. Осипов) был сыном священника. К моменту получения губернаторской должности все чиновники имели права потомственного дворянства. Что касается региональной принадлежности, то шесть человек из восьми происходили из великорусских, один – из украинских и один – из прибалтийских губерний. По вероисповеданию шесть губернаторов являлись православными и два – лютеранами (см. таблицу).

⁴³Письма Я. И. Булгакова к И. А. Алексееву (1798–1802) // Рус. арх. 1898. № 1. С. 50.

⁴⁴Сенатский архив. Т. 1. С. 222, 693, 695.

⁴⁵Из рескриптов императора Павла I. 1798 г. ... С. 695.

⁴⁶Сенатский архив. Т. 1. С. 475; *Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 320.

⁴⁷Сенатский архив. Т. 1. С. 40, 68.

⁴⁸Там же. С. 65, 475.

⁴⁹Там же. С. 475, 532.

⁵⁰Там же. С. 531, 699.

⁵¹Там же. С. 699.

⁵²*Чарторыйский А.* Воспоминания и письма. С. 107.

⁵³Сенатский архив. Т. 1. С. 40, 352.

⁵⁴Там же. С. 224.

Социальные характеристики губернаторов Белорусско-Литовского края

Social characteristics of governors of the Belarusian-Lithuanian region

Губернатор	Возраст назначения на пост губернатора, лет	Срок пребывания на посту губернатора, дни	Срок выслуги до назначения губернатором, лет	Происхождение		Вероисповедание
				Социальное	Географическое (по административному делению на 1800 г.)	
М. С. Белокопытов	Около 58	170	54	Из дворян	Одна из великорусских губерний	Православие
Я. И. Булгаков	53	712	35	Из дворян	Москва	Православие
С. С. Жегулин	44	705	38	Из дворян	Одна из великорусских губерний	Православие
З. Я. Карнеев	48	3350	28	Из украинской шляхты	Слободско-Украинская губерния	Православие
Г. М. Осипов	57	22	40	Сын священника	Смоленская губерния	Православие
П. И. Северин	42	544	24	Из дворян	Москва	Лютеранство
П. М. Тарбеев	Около 60	551	44	Из дворян	Одна из великорусских губерний	Православие
И. Г. Фризель	38	813	24	Из дворян	Ревель	Лютеранство

Примечание. Составлено по: Сенатский архив. Т. 1. С. 40, 65, 68, 475, 531, 532, 699 ; *Добрынин Г. И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 318–330 ; *Бартенев П. Яков Иванович* Булгаков... С. 28–49 [6, с. 73–139; 10, с. 23–38; 19, с. 758–759].

Среди губернаторов три чиновника (М. С. Белокопытов, З. Я. Карнеев, И. Г. Фризель) начали губернаторскую службу действительными статскими советниками, один человек (С. С. Жегулин) – генерал-майором (IV класс по Табели о рангах), два (Я. И. Булгаков, П. И. Северин) – тайными советниками и два (Г. М. Осипов, П. М. Тарбеев) – генерал-лейтенантами (III класс, с переименованием в тайные советники). В целом при Павле I чин губернаторов был примерно на один класс выше обычного. При увольнении положение выглядело следующим образом: один чиновник (М. С. Белокопытов) остался в чине действительного статского советника, шесть – в чине тайного советника и один (Я. И. Булгаков) – в чине действительного тайного советника (II класс). Таким образом, за время службы в Белорусско-Литовском крае чин и класс у четырех губернаторов повысились, а у четырех не изменились. Впоследствии из восьми губернаторов один (М. С. Белокопытов) закончил службу с чином действительного статского советника, пять – с чином тайного советника и два (Я. И. Булгаков, Г. М. Осипов) – с чином действительного тайного советника.

Для составления обобщающего портрета губернатора важное значение имеет информация о его предшествующей должности и совокупной продолжительности службы. В частности, один чиновник

(Г. М. Осипов) занимал должность генерал-губернатора, что по иерархии екатерининской эпохи было выше губернаторской должности (вероятно, этим объясняется его быстрое перемещение в Сенат), один (С. С. Жегулин) находился на должности правителя, два (З. Я. Карнеев, М. С. Белокопытов) служили вице-губернаторами, один (Я. И. Булгаков) был посланником в Варшаве, затем состоял при императрице, один (И. Г. Фризель) являлся почт-директором, еще два находились на военной службе (П. И. Северин – член Военной коллегии, П. М. Тарбеев – шеф Аренсбургского гарнизонного батальона)⁵⁵.

До назначения на губернаторскую должность шесть чиновников имели опыт гражданской службы (в том числе один – дипломатической), а у двух (П. И. Северин, П. М. Тарбеев) был опыт только военной службы. При этом пять губернаторов имели опыт и военной, и гражданской службы, и только один дипломат (Я. И. Булгаков) никогда не служил в военном ведомстве. Назначение бывших военных на должности гражданских губернаторов в Белорусской, Минской и Литовской губерниях было обусловлено не только общепринятой практикой, но и спецификой края, ранее принадлежавшего Речи Посполитой.

Продолжительность службы до назначения на губернаторскую должность в Белорусско-Литов-

⁵⁵Список Воинскому департаменту... на 1796 год. С. 56, 63, 420, 482 ; Список состоящим в гражданской службе... на 1798 год. С. 10, 30 ; Список состоящим в гражданской службе... на 1799 год. С. 9, 28 ; Список состоящим в гражданской службе... на 1800 год. С. 23 ; *Бартенев П. Яков Иванович* Булгаков... С. 28–49.

ском крае колебалась от 24 до 54 лет и в среднем составляла более 35 лет. Неудивительно, что после окончания срока губернаторства только три чиновника (самые молодые – З. Я. Карнеев, И. Г. Фризель, П. И. Северин) продолжили службу по гражданскому ведомству, а пять чиновников вышли в отставку. При этом И. Г. Фризель после увольнения в 1801 г. вернулся на службу через 5 лет и в 1806–1809 гг. занимал должность оренбургского гражданского губернатора⁵⁶. Подобное решение было обусловлено тяжелым материальным положением чиновника. Еще более неожиданным оказалось возвращение на службу П. И. Северина. Через 22 года после отставки 10 июля 1822 г. он был назначен в 8-й департамент Сената и оставался в должности до смерти в 1830 г.⁵⁷ Подобное назначение можно объяснить только проекцией со стороны сына, ставшего известным дипломатом. При этом З. Я. Карнеев сначала был назначен в Сенат, а затем в Государственный совет⁵⁸.

Для дополнения коллективного портрета губернаторов большой интерес представляют награды, которыми они были отмечены в течение службы (в конце XVIII – первой трети XIX в. пожалование орденов было достаточно редким явлением, при этом не существовало строгой последовательности награждений).

Несмотря на то что семь губернаторов имели военный опыт, только три из них (И. Г. Фризель, С. С. Жегулин, П. М. Тарбеев) удостоились ордена за время службы в армии. При этом С. С. Жегулин получил за выслугу орден Святого Георгия 4-й степени⁵⁹. Более частыми были награды за гражданскую службу. До назначения в Белорусско-Литовский край за административную деятельность в других регионах империи орденов удостоились пять человек (М. С. Белокопытов, Я. И. Булгаков, С. С. Жегулин, З. Я. Карнеев, Г. М. Осипов). Наиболее частым было награждение орденом Святого Владимира 2, 3 и 4-й степени. При этом Г. М. Осипов, являясь смоленским и псковским генерал-губернатором, в 1796 г. удо-

стоился ордена Святого Александра Невского. Аналогичную награду получили Я. И. Булгаков (1797) и З. Я. Карнеев (1820) [17, с. 139]. Этот орден стал высшим для всех рассматриваемых чиновников. Следует также отметить, что при Павле I не производились награждения орденами Святого Владимира и Святого Георгия. Новый монарх предпочитал жаловать ордена Святой Анны 1-й и 2-й степени (З. Я. Карнеев, П. М. Тарбеев), а также орден Святого Иоанна Иерусалимского (З. Я. Карнеев, П. М. Тарбеев). В целом из восьми губернаторов рекордсменами по орденам являлись З. Я. Карнеев (шесть наград) и Я. И. Булгаков (пять орденов, в том числе два польских), меньше всего орденов было у С. С. Жегулина и М. С. Белокопытова (по одному)⁶⁰.

К социокультурным маркерам следует отнести семейное положение губернаторов и их интересы в обыденной жизни. Чаще всего гражданские губернаторы приезжали на службу вместе с семьями (если дети были несовершеннолетними). При этом супруги чиновников играли значительную роль в общественно-культурной жизни края (занимались попечительством, благотворительностью и др.). Пожилые губернаторы (М. С. Белокопытов, П. М. Тарбеев) вели довольно затворнический образ жизни. Так, по воспоминаниям Г. И. Добрынина, 60-летний П. М. Тарбеев был достаточно замкнут: «Столов и балов у него никогда не бывало, но для малого количества лиц был он каждодневно гостеприимчив, не скуп и ласков»⁶¹.

Поскольку большинство чиновников были в зрелых годах, многие являлись женатыми (П. И. Северин трижды). Однако были и официальные холостяки (например, Я. И. Булгаков, имевший троих внебрачных детей), что можно рассматривать как специфику военной или дипломатической службы: она часто приводила к запоздалому вступлению в брак или отказу от него. В то же время у семейных губернаторов было в среднем пять детей, что являлось особенностью эпохи.

Заключение

Таким образом, для губернаторского корпуса Белорусско-Литовского края при Павле I были характерны как общероссийские тенденции (частая сменяемость, более высокий чин по Табели о рангах, отсутствие четко установленного разме-

ра пенсий), так и свои особенности (региональная и конфессиональная принадлежность, пожилой возраст). В целом проведенный анализ позволил составить обобщающий портрет гражданского губернатора.

⁵⁶РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1809. Д. 178. Л. 13.

⁵⁷Мурзанов Н. А. Список сенаторов, 22 февраля 1711 – 15 января 1911 // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб.: Сенат. тип., 1911. Т. 5. С. 149.

⁵⁸РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 255.

⁵⁹Список Воинскому департаменту... на 1796 год. С. 63, 482.

⁶⁰Список Воинскому департаменту... на 1796 год. С. 56, 63, 420, 482; Список состоящим в гражданской службе... на 1798 год. С. 10, 30; Список состоящим в гражданской службе... на 1799 год. С. 9, 28; Список состоящим в гражданской службе... на 1800 год. С. 23; Бартенев П. Яков Иванович Булгаков... С. 28–49.

⁶¹Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина... С. 330.

На эту должность назначался мужчина, происходивший из дворянского рода, уроженец одной из великорусских губерний, в зрелом возрасте (около 50 лет), в чине действительного статского советника (IV класс), православный, получивший домашнее образование, имеющий обязательный опыт военной службы. Навыки гражданского управления были желательны, но необязательны. Эти характеристики подтверждают общероссийскую тенденцию: правительство делало ставку на людей, имевших управленческий (хотя бы военный) опыт и находившихся еще в работоспособном возрасте (хотя среди губернаторов были пожилые чиновники). Таким образом, в кадровой политике Павел I продолжил екатерининскую практику назначения губернаторами бывших военных, часто с боевым опытом, что объяснялось как политическими (недоверие части населения), так и этноконфессиональными (наличие иудеев, католиков, униатов, православных) особенностями края.

Условия службы требовали от губернатора высокой работоспособности: он много времени проводил в разъездах, часто трудился с утра до позднего вечера. В силу особенностей края чиновникам приходилось выполнять ряд дополнительных монарших поручений: разрабатывать проекты реформ, осуществлять взаимодействие с военными и др. В этих условиях важное значение отводилось организации быта.

Существенное влияние на эффективность управления оказывало материальное положение губерна-

торов, которое зависело от денежного содержания (жалованье составляло 1800 или 2250 руб.) и земельных пожалований. Однако не все чиновники получали имения, а у тех, у кого они были, средний размер имения не превышал 436 мужских душ. В среднем на губернаторской должности в Белорусско-Литовском крае чиновник находился около 2 лет и 4 месяцев и покидал свой пост в чине III класса, имея за службу не менее одного ордена.

Основными причинами отставки губернаторов выступали болезнь, упущения по службе или перевод на иную должность. В отличие от других регионов империи (например, в Оренбургской области карьерное движение происходило по горизонтали, в другие губернии) в Белорусско-Литовском крае наблюдалось перемещение по вертикали (как вверх, так и вниз, т. е. в Сенат или на пенсию). Те чиновники, которые находились в наиболее трудоспособном возрасте (38–48 лет), продолжили гражданскую службу и впоследствии получили чины III–II классов.

Особенностью губернаторов при правлении Павла I было и то, что не все они состояли в законном браке, что можно рассматривать как последствия продолжительной военной (дипломатической) службы. В то же время у женатых губернаторов было много детей. В этом случае губернатор и его семья выполняли ряд светских обязанностей, участвовали в официальных мероприятиях и приемах, богослужениях, попечительских советах. Пожилые губернаторы вели более уединенный образ жизни, что не способствовало налаживанию коммуникации с местным обществом.

Библиографические ссылки

1. Писарькова ЛФ. *Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы*. Москва: РОССПЭН; 2007. 743 с.
2. Тот ЮВ. Павел I и реорганизация местного управления на рубеже XVIII–XIX вв. *Клио*. 2013;11:59–64.
3. Любичанковский СВ. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881). В: Злобин ЮП, редактор. *Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. К 200-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области*. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет; 2004. с. 33–45.
4. Семёнова НЛ. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX века). *Новый исторический вестник*. 2016;2:10–26.
5. Бикташева АН. Механизмы увольнения губернаторов России. Опыт Казанской губернии первой четверти XIX в. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2006;2:123–128.
6. Кононов ВА. *Смоленские губернаторы, 1711–1917*. Смоленск: Маджента; 2004. 398 с.
7. Семёнова НЛ. *Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.* Санкт-Петербург: Нестор-История; 2020. 206 с.
8. Лысенко ЛМ. *Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века)*. 2-е издание. Москва: Московский государственный педагогический университет; 2001. 358 с.
9. Анішчанка ЯК. *Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гады)*. Мінск: Веды; 1998. 211 с.
10. Бригадин ПИ, Лукашевич АМ. *Минские губернаторы: история власти*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. 351 с.
11. Заикин НА, Лукашевич АМ. Захар Карнеев: административная деятельность в Минске (по документам НИАБ). *Беларускі археаграфічны штогоднік*. 2006;7:131–137.
12. Трестьян ИН. Кадровый состав корпуса гражданских губернаторов на территории Беларуси (1772–1856 гг.). *Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2018;2:23–28.
13. Лукашевич АМ. Эволюция военного управления в белорусских губерниях Российской империи (1796–1812). *Архіварыус*. 2012;10:210–225.
14. Лукашевич АМ. Минские губернаторы: обобщающий портрет (1793 – февраль 1917). У: Каваленя АА, рэдактар. *Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам Магдэбургскага права). Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 4–5 верасня 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларуская навука; 2010. с. 126–129.

15. Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии. Крылова ЮП, переводчик. В: Чудинов АВ, редактор. *Французский ежегодник*. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. с. 126–137.
16. Пушкарева НЛ. История повседневности и частной жизни глазами историка. *Социальная история*. 2003;5: 16–18.
17. Снапковский ЮН, составитель. *Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства, 1793–1917*. Минск: Беларусь; 2016. 416 с.
18. Бригадин ПИ, Лукашевич АМ. *Военная школа в Беларуси, XVIII – первая четверть XIX в.* Минск: БГУ; 2004. 120 с.
19. Снапковский ЮН, Яцкевич ДЛ, составители. *Могилёвская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917)*. Минск: Беларусь; 2014. 840 с.
20. Архипова АИ. Некоторые аспекты повседневности губернаторов Якутской области. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2020;4:87–92. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-87-92.

References

1. Pisar'kova LF. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy* [Public administration of Russia from the end of the 17th to the end of the 18th century. The evolution of the bureaucratic system]. Moscow: ROSSPEN; 2007. 743 p. Russian.
2. Tot YuV. [Pavel I and the reorganisation of local government at the turn of the 18th–19th centuries]. *Klio*. 2013;11: 59–64. Russian.
3. Lyubichankovskii SV. [Principles of selection of officials for the position of head of the Orenburg region (1781–1881)]. In: Zlobin YuP, editor. *Problemy istorii Orenburgskogo kraia XVIII–XX vekov. K 200-letiyu uchrezhdeniya Orenburgskoi gubernii i 70-letiyu obrazovaniya Orenburgskoi oblasti* [Problems of the history of the Orenburg region of the 18th–20th centuries. To the 200th anniversary of the establishment of the Orenburg province and the 70th anniversary of the formation of the Orenburg region]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University; 2004. p. 33–45. Russian.
4. Semenova NL. Civilian governors in Orenburg province: the mechanism and motives of their appointment and dismissal (end of 18th – first quarter of the 19th century). *The New Historical Bulletin*. 2016;2:10–26. Russian.
5. Biktasheva AN. [Mechanisms for the dismissal of Russian governors. The experience of the Kazan province in the first quarter of the 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2006;2:123–128. Russian.
6. Kononov VA. *Smolenskie gubernatory, 1711–1917* [Smolensk governors, 1711–1917]. Smolensk: Madzhenta; 2004. 398 p. Russian.
7. Semenova NL. *Sotsiokul'turnyi oblik vysshego rukovodstva Orenburgskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Sociocultural image of the top leadership of the Orenburg province at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2020. 206 p. Russian.
8. Lysenko LM. *Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and governor-generals of the Russian Empire (18th – early 20th century)]. 2nd edition. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2001. 358 p. Russian.
9. Anishchanka JaK. *Belarus' u chasy Kacjaryny II (1772–1796 gady)* [Belarus in the years of Catherine II (1772–1796 years)]. Minsk: Vedy; 1998. 211 p. Belarusian.
10. Brigadin PI, Lukashevich AM. *Minskie gubernatory: istoriya vlasti* [Minsk governors: the history of power]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University; 2009. 351 p. Russian.
11. Zaikin NA, Lukashevich AM. [Zakhar Karneev: administrative activity in Minsk (according to the documents of the National Historical Archives of Belarus)]. *Belaruski arheagrafichny shtogodnik*. 2006;7:131–137. Russian.
12. Trestian IN. [Personnel structure of the corps of civil governors in the territory of Belarus (1772–1856)]. *Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija*. 2018;2:23–28. Russian.
13. Lukashevich AM. [The evolution of military administration in the Belarusian provinces of the Russian Empire (1796–1812)]. *Arhivaryus*. 2012;10:210–225. Russian.
14. Lukashevich AM. [Minsk governors: a generalising portrait (1793 – February 1917)]. In: Kavalenja AA, editor. *Minsk i minchane: dzesjac' stagoddzjaw gistoryi (da 510-goddzja atrymannja Menskam Magdjeburgskaga prava). Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjency; 4–5 verasnja 2009 g.; Minsk, Belarus* [Minsk and Minsk: ten centuries of history (to the 510th anniversary of Minsk's Magdeburg right). Materials of the International scientific-practical conference; 2009 September 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. p. 126–129. Russian.
15. Dyuma ZH. [On the study of elites in modern historiography]. Krylova YuP, translator. In: Chudinov AV, editor. *Frantsuzskii ezhegodnik*. Moscow: Editorial URSS; 2001. p. 126–137. Russian.
16. Pushkareva NL. [The history of everyday life and private life through the eyes of a historian]. *Sotsial'naya istoriya*. 2003;5:16–18. Russian.
17. Snapkovskii YuN, compiler. *Minskie gubernatory, vitse-gubernatory i gubernskie predvoditeli dvoryanstva, 1793–1917* [Minsk governors, vice-governors and provincial marshals of the nobility, 1793–1917]. Minsk: Belarus'; 2016. 416 p. Russian.
18. Brigadin PI, Lukashevich AM. *Voennaya shkola v Belarusi, XVIII – pervaya chetvert' XIX v.* [Military school in Belarus, 18th – first quarter of the 19th century]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 120 p. Russian.
19. Snapkovskii YuN, Yatskevich DL, compilers. *Mogilevskaya guberniya: gosudarstvennye, religioznye i obshchestvennye uchrezhdeniya (1772–1917)* [Mogilev province: state, religious and public institutions (1772–1917)]. Minsk: Belarus'; 2014. 840 p. Russian.
20. Arkhipova AI. Some aspects of the everyday life of the governors of the Yakutsk region. *Issues of social-economic development of Siberia*. 2020;4:87–92. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-87-92. Russian.

АРХИВЫ ОРГАНОВ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

З. В. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится компаративный анализ организации деятельности архивов органов административно-территориального управления и духовного суда христианских конфессий, действовавших на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в. На основании изменений в нормативном регулировании выделяются два общих периода в развитии архивов православных, униатских, римско-католических, протестантских консисторий и Литовского синода. Эти периоды связаны с принятием Устава духовных консисторий для православной церкви, а также с разработкой инструкций по делопроизводству консисторий для инославных церквей в 1840-х гг. Отмечается, что второй период для каждой консистории можно разделить на этапы в соответствии с развитием конфессионального управления в сфере делопроизводства и архивного дела. На широкой источниковой основе делается вывод о том, что архивное дело в органах конфессионального управления христианских конфессий в конце XVIII – начале XX в. в целом соответствовало действующему законодательству Российской империи, за исключением отдельных аспектов для каждого из периодов, а внимание руководства конфессий и научной общественности XIX – начала XX в. позволило сохранить отдельные объемные документальные комплексы с высоким информационным потенциалом, что открывает значительные возможности для диверсификации научных исследований в проблемной области.

Ключевые слова: консистория; архив консистории; архив православной консистории; архив римско-католической консистории; архив униатской консистории; архивы евангелических церквей; архивариус.

АРХІВЫ ОРГАНАЎ ЕПАРХІЯЛЬНАГА КІРАЎНІЦТВА ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЙ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.

З. В. АНТАНОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Праводзіцца кампаратыўны аналіз арганізацыі дзейнасці архіваў органаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда хрысціянскіх канфесій, якія дзейнічалі на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. На падставе змен у нарматыўным рэгуляванні выдзяляюцца два перыяды развіцця архіваў праваслаўных, уніяцкіх, рымска-каталіцкіх, пратэстанцкіх (евангелічных) кансісторый і Літоўскага сінода. Гэтыя перыяды звязаны з прыняццем Статута духоўных кансісторый для праваслаўнай царквы, а таксама з распрацоўкай інструкцый па справаводстве кансісторый для інаслаўных цэркваў у 1840-я гг. Адзначаецца, што другі перыяд для кожнай кансісторый можа быць падзелены на этапы ў адпаведнасці з развіццём канфесіянальнага кіраўніцтва ў галіне справаводства

Образец цитирования:

Антановіч ЗВ. Архівы органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2022;2:20–29.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-20-29>

For citation:

Antonovich ZV. Archives of diocesan bodies of Christian confessions in Belarus in the late 18th – early 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;2: 20–29. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-20-29>

Автор:

Зинаида Васильевна Антонович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Zinaida V. Antonovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of source studies, faculty of history.
zinantonowicz@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0702-1915>

і архіўнай справы. Абапіраючыся на мноства крыніц, аўтар прыходзіць да высновы аб тым, што архіўная справа ў органах канфесіянальнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій у канцы XVIII – пачатку XX ст. пераважна адпавядала дзеючаму заканадаўству Расійскай імперыі, за выключэннем асобных аспектаў для кожнага з перыядаў, а ўвага кіраўніцтва канфесій і навуковай грамадскасці XIX – пачатку XX ст. дазволіла захаваць асобныя значныя дакументальныя комплексы высокага інфармацыйнага патэнцыялу, што адкрывае значныя магчымасці для дыверсіфікацыі навуковых даследаванняў у праблемнай галіне.

Ключавыя словы: кансісторыя; архіў кансісторыі; архіў праваслаўнай кансісторыі; архіў рымска-каталіцкай кансісторыі; архіў уніяцкай кансісторыі; архівы евангелічных цэркваў; архіварыус.

ARCHIVES OF DIOECES BODIES OF CHRISTIAN CONFESSIONS IN BELARUS IN THE LATE 18th – EARLY 20th CENTURY

Z. V. ANTONOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author of the article conducts a comparative analysis of the organisation of the archives of the bodies of administrative-territorial leadership and the spiritual court of Christian denominations in the Belarusian lands in the late 18th – early 20th century. Based on the changes in the regulations, two general periods of development of the consistory' archives and the Lithuanian Synod are distinguished. It's connected with the development of the Statute of spiritual consistories for Orthodox and instructions on the records management of consistories for other Christian denominations based on first mentioned in the 1840s. The second period can be divided into stages according to the development of the confessional leadership of each of the confessions. Based on a wide source, the author of the article concludes that archives in the bodies of the confessional leadership of Christian denominations in the late 18th – early 20th century corresponded to the legislation of the Russian Empire, and the attention of the confessional leadership and the scientific community of the 19th – early 20th century allowed to preserve significant documentary complexes of high information potential. The results would help expand the source base and diversify scientific research.

Keywords: consistory; archive of the consistory; archive of the Orthodox consistory; archive of the Roman Catholic consistory; archive of the Greek Catholic consistory; archives of the Evangelic churches; archivist.

Уводзіны

Гісторыя беларускай архіўнай справы выклікае цікавасць сучасных навукоўцаў. Развіццё нарматыўнага рэгулявання захоўвання дакументаў і адпаведнасць яму дзейнасці архіваў арганізацый, камплектаванне, улік і апісанне спраў дазваляюць ацаніць інфармацыйны патэнцыял архіўных фондаў арганізацый, уключаных у склад Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь, і пашырыць крыніцавую базу даследаванняў. Сярод такіх дакументальных комплексаў вылучаюцца матэрыялы дзейнасці органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій канца XVIII – пачатку XX ст. Гэтыя органы займалі значнае месца на грамадска-палітычнай арэне Расійскай імперыі. Для некаторых інаслаўных канфесій яны з'яўляліся выключнымі ў сусветнай практыцы, а асобныя з іх пакінулі аб'ёмную дакументальную спадчыну.

У Расійскай імперыі фарміраванне структуры епархіяльнага кіраўніцтва пачынаецца з рэформ Пятра I, у выніку якіх была створана Маскоўская духоўная дыкастэрыя. Праз 20 гадоў яна будзе пераўтворана ў кансісторыю і стане ўзорам для ар-

ганізацыі органаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда не толькі ў праваслаўных епархіях, але і ў аналагічных адзінках іншых хрысціянскіх канфесій [1, с. 126–137]. Пры гэтым, калі ў першай трэці XVIII ст. нарматыўнымі актамі былі рэгламентаваны функцыі і паўнамоцтвы кансісторый, архіўная справа ў іх засяроджвалася на вызначэнні штатаў і фармуляванні агульных патрабаванняў да забеспячэння захаванасці матэрыялаў дзейнасці, а падзаконныя нарматыўныя і метадычныя дакументы агульнадзяржаўнага характару адсутнічалі. Шэраг даследчыкаў адзначаюць, што ў адрозненне ад архіва Сінода, які аформіўся ў 1738 г. [2, с. 23], кансісторскія архівы XVIII ст. былі слаба ўпарадкаванымі, а пасада архіварыуса адсутнічала, у тым ліку ў Маскоўскай і Наўгародскай кансісторыях [3; 4], фарміраванне ж архіваў кансісторый і Літоўскага евангелічна-рэфарматарскага сінода (далей – Літоўскі сінод), юрысдыкцыя якіх ахоплівала тэрыторыю сучаснай Беларусі, пакуль застаецца мала даследаванай. Адпаведна, мэтай гэтай работы з'яўляецца

параўнанне арганізацыі архіваў у органах епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій. Гэта патрабуе вылучэння спецыфікі дзейнасці архіваў згаданых органаў шляхам параўнання іх нарматыўнага рэгулявання, а таксама кампаратыўнага аналізу падыходаў да іх кадровага забеспячэння, камплектавання, уліку, стварэння даведачнага апарату і выкарыстання, фактараў захаванасці матэрыялаў дзейнасці (умоў фізічнага захоў-

вання, перамяшчэння архіваў, правядзення экспертызы каштоўнасці дакументаў і інш.). Акрамя таго, выклікае цікавасць уплыў вышэйшага кліру на арганізацыю архіваў згаданых органаў. Тэрытарыяльныя межы даследавання абумоўлены юрысдыкцыяй органаў епархіяльнага кіраўніцтва, якім падпарадкоўваліся прадстаўніцтвы канфесій на беларускіх землях пасля падзелаў Рэчы Паспалітай.

Метадалогія даследавання

Цэласныя комплексы матэрыялаў дзейнасці органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях не захаваліся, што патрабуе ад сучаснага даследчыка ажыццяўляць ацэнку рэпрэзентатывнасці захаванай спадчыны для правядзення шматаспектнага вывучэння, а таксама высвятляць прычыны сучаснага стану архіўных фондаў кансісторый і Літоўскага сінода¹. Пры гэтым асабліваю цікавасць прадстаўляе арганізацыя архіўнай справы падчас існавання згаданых устаноў, таму што склад архіваў адлюстроўвае пазіцыю фондаўтваральнікаў, кожны з якіх з'яўляецца ўнікальным. Адпаведна, з прыцягненнем гісторыкагенетычнага метаду ў даследаванні прасочваецца развіццё нарматыўнага рэгулявання кадровай палітыкі і арганізацыі архіўнай справы ў кожным органе епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій.

Гісторыка-параўнаўчы метады выкарыстаны для выяўлення спецыфікі арганізацыі архіўнай справы ў органах епархіяльнага кіраўніцтва і дазваляе зрабіць вынікі не толькі з пазіцыі адной канфесіі, але і з пазіцыі ўсіх органаў, якія распаўсюджвалі паўнамоцтвы на вызначаных тэрыторыях. Улічваючы тое, што архіўная справа ўяўляе сабой комплекс мерапрыемстваў, накіраваных на назапашванне,

выкарыстанне і перадачу будучым пакаленням матэрыялаў юрыдычнай або фізічнай асобы, аб'ектамі параўнання выступілі адпаведнасць вядзення архіваў агульнадзяржаўнай і канфесіянальнай нарматыўнай базе дзейнасці, склад штатаў архіваў і патрабаванні да прызначэння асоб на вакантныя пасады, камплектаванне, арганізацыя захоўвання, правядзенне экспертызы каштоўнасці, апісанне і сістэматызацыя спраў, а таксама арганізацыя іх выкарыстання архівамі органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій у канцы XVIII – пачатку XX ст. Пры гэтым нарматыўныя дакументы агульнадзяржаўнага характару прадстаўлены актамі заканадаўства як па стварэнні і арганізацыі дзейнасці кансісторый і Літоўскага сінода, так і па рэгламентацыі архіўнай справы. Канфесіянальная нарматыўная база ўвасобілася ў статутах духоўных кансісторый² і інструкцыях па справаводстве³. У матэрыялах справаводства адлюстраваны кадравы склад архіваў органаў епархіяльнага кіраўніцтва (у фармулярных спісах служачых канцылярый кансісторый, справах па іх прызначэнні і інш.), а таксама асаблівасці арганізацыі архіўнай справы (у вопісах спраў, ведамасцях, рапартах архіварыусаў і інш.), якія фарміруюць прадстаўленне аб кожным з калегіяльных органаў.

Вынікі даследавання

У перыяд падзелаў Рэчы Паспалітай на яе тэрыторыі заставаўся толькі адзін епархіяльны цэнтр праваслаўнай царквы – Магілёўская епархія (пад кіраўніцтвам Г. Каніскага). У 1772 г. Віцебская, Полацкая і Дзвінская правінцыі былі далучаны да Пскоўскай епархіі, Магілёўская епархія была перайменавана ў Магілёўскую, Мсціслаўскую і Аршанскую епархію⁴. Паступова дзейнасць праваслаўных епархій аднаўлялася, у іх складзе ўтвараліся кан-

сісторыі і фарміраваліся архівы. Апошняму пытанню Сінод прысвячаў шмат увагі. Так, у 1785 г. епіскапу і каад'ютару пераяслаўскаму і барыспальскаму Віктару (Садкоўскаму) указам Сінода загадвалася арганізаваць працу кансісторыі, пачаўшы з адбору штатаў. У іх склад прадпісвалася адбіраць манахаў Троіцкага манастыра, адным з асноўных патрабаванняў да якіх было веданне польскай мовы. Акрамя таго, у сувязі са зменай тэрытарыяльных

¹Нац. гіст. арх. Беларусі (НГАБ). Ф. 136, 937, 1781, 2301, 2531, 3245, 1952; Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). F. 606, 1218; Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka. F. 93; Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos. F. 40; Latvijas Valsts vēstures arhīvs. F. 629.

²Устав духовных консисторий. СПб.: Синод. тип., 1843. 193 с.; Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего синода и Правительствующего сената / сост. М. Н. Палибин. СПб.: Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1900. 232 с.

³LVIA. F. 694. Ap. 1. B. 1686, 1687; Там жа. F. 694. Ap. 1. B. 1686. P. 11v. – 13.

⁴Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851 (ПСЗРИ I). Т. 19. Ст. 13921, 13922.

меж епархii епіскап павінен быў прыняць справы Пераяслаўскай, Магілёўскай і Кіеўскай кансісторый, якія перадаваліся ў падпарадкаванне ўтворанай епархii⁵.

Справаводства праваслаўных кансісторый было арганізавана з моманту іх утварэння. Пры гэтым увага акцэнтавалася на вядзенні рээстраў уваходнай і зыходнай дакументацыі, якія ўключалі і дазвалялі ўлічваць фрагменты дакументаў, што адпавядала традыцыі калегскага справаводства⁶. Шэраг матэрыялаў трапілі ў склад архіва Мінскай праваслаўнай кансісторый ў сувязі з затрыманнем архіепіскапа Віктара (Садкоўскага) у 1792 г. у Польшчы. Пасля вызвалення ён быў намінаваны на пасаду архіепіскапа Мінскага, Ізяслаўскага і Брацлаўскага (з 1795 г. на пасаду архіепіскапа Мінскага і Валынскага) і накіраваны ў Слуцк. Адначасова было ўзнята пытанне пра зварот архіва, што быў у архіепіскапа. Прывезены з Варшавы архіў 3 жніўня 1793 г. прыняў пісар Стэфан Сімановіч, якому дапамагалі два канцылярысты. Пісар адзначаў, што справы перадаваліся па двух рээстрах на польскай і рускай мовах, але былі неўпарадкаваны. Рээстры на рускай мове былі складзены ў Пераяслаўлі, затым справы былі перададзены ў Слуцк, аднак з 9 чэрвеня да 18 красавіка 1785 г. справы нават не апісаны. У перапісцы аб лёсе архіва адзначаецца наяўнасць ранейшых варыянтаў рээстраў, што адпавядала палажэнням распаўсюджанага на беларускія землі Генеральнага рэгламенту, які прадпісваў весці рээстры і змест спраў⁷. Першы рээстр склаў перакладчык Манудзевіч⁸ у пачатку жніўня 1791 г., другі – сакратар Танскі ў Варшаве⁹. Кансісторыя вельмі ўважліва паставілася да прыёму-перадачы спраў. У перадатачны рээстр увайшлі 82 справы па адміністрацыйнай дзейнасці і асабовым складзе духавенства. Таксама ў рээстры адзначалася, што атрыманы неўлічаныя справы, шэраг матэрыялаў не паступілі. Да страчаных адносіліся такія дакументы, як стаўленая грамата ўніяцкага епіскапа Афанасія Шэпціцкага, стаўленыя граматы за першую палову XVIII ст., фундушы на прызначэнне ругі. Па прадстаўленым рээстры не былі перададзены шэраг спраў маёмасна-гаспадарчага характару за XVIII ст., у тым ліку

пацвярджэнні на маёмасць¹⁰. Пазней некаторыя запатрабаваныя справы знайшліся ў Варшаве, але яны былі ў дрэнным фізічным стане і ўключаліся ў асобны рээстр.

Пасады пратакаліста, павытчыкаў (канцылярыстаў) і архіварыуса Мінскай і Валынскай праваслаўнай кансісторый былі ўтвораны ў выніку распараджэння ад 5 снежня 1795 г. У дакуменце таксама адзначалася, што ўсе справы павінны быць уключаны ў вопісы і рээстры. Пры гэтым кансісторыя сутыкнулася з праблемай запаўнення створанай вакансіі архіварыуса, таму што архіў не быў упарадкаваны з 1785 г. Святару Іаану Беяноўскаму было даручана разабраць справы¹¹. У 1795 г. планавалася перамясціць кансісторыю ў Мінск, але для гэтага не былі падрыхтаваны памяшканні. Адначасова архіў камплектаваўся справамі з Жытомірскай кансісторый¹². Ордэрам Мінскай праваслаўнай кансісторый ад 10 студзеня 1799 г. прадпісваўся парадак апэратыўнага захоўвання і фарміравання спраў. Архіў першапачаткова даручаўся канцылярысту прыказнога стала Андрэю Логвінаву, але ў сувязі з напружанасцю на месцы яго непасрэднай працы 4 сакавіка перадаручаны канцылярысту Гаўрыле Маркоўскаму¹³. Гэта было апраўданым крокам з улікам таго, што ў хуткім часе архівы кансісторый пачалі камплектавацца метрычнымі кнігамі аб народжаных, шлюбаваных і памерлых.

Адміністрацыйна-тэрытарыяльныя рэарганізацыі праваслаўных епархій і адпаведныя перамяшчэнні іх архіваў працягваліся да 1840-х гг., а суаднесці іх межы з губернскімі ўдалося толькі ў пачатку XX ст. са стварэннем Гродзенскай епархii¹⁴. У 1833 г. была адноўлена Полацкая праваслаўная епархія, адна з самых старажытных і вядомых [5, с. 93–94, 135], аднак яна была аднесена да 3-га класа і ў яе штатах таксама не было пасады архіварыуса¹⁵.

Апошняя для першай паловы XIX ст. адміністрацыйна-тэрытарыяльная рэарганізацыя адбылася ў 1840 г.¹⁶ і супала з ліквідацыяй уніяцкай царквы і выданнем Статута духоўных кансісторый (далей – Статут), які дэталізаваў арганізацыю архіўнай справы. У перавыданні Статута 1883 г. пазначаныя падыходы не змяніліся¹⁷. У прыватнасці,

⁵ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 20. Арк. 1 адв., 3.

⁶ Там жа. Спр. 42043, 42044, 42085, 42086 і інш.

⁷ Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 19. Л. 707–707 об.

⁸ Імя высветліць не ўдалося.

⁹ Імя высветліць не ўдалося.

¹⁰ НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 288. Арк. 3–37.

¹¹ Там жа. Спр. 547. Арк. 2–3 ; Там жа. Спр. 186. Арк. 1.

¹² Там жа. Спр. 976. Арк. 8–9, 13–14 адв., 26 адв.

¹³ Там жа. Спр. 1086. Арк. 4–6.

¹⁴ История Брестской епархии [Электронный ресурс]. URL: pravbrest.by/история (дата обращения: 06.12.2021).

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885 (ПСЗРИ II). Т. 8. Ст. 6161.

¹⁶ ПСЗРИ II. Т. 15. Ст. 13395.

¹⁷ Устав духовных консисторий... ; Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего синода и Правительствующего сената...

у абедзвюх яго рэдакцыях разглядаліся пытанні фарміравання дакументаў у справы, парадку перадачы іх у архіў і стварэння ўмоў для захоўвання. Тым не менш на практыцы кожная кансісторыя самастойна вырашала арганізацыйныя пытанні. Напрыклад, у Мінскай кансісторыі дакументы захоўваліся як на полках, так і ў скрыні [6, с. 11]. Па звестках А. П. Сапунова, архіў Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі змяшчаўся ў званіцы [6, с. 7], але ўжо ў пачатку XX ст. – у пакоях на двух паверхах будынка кансісторыі. Справы былі сістэматызаваны па запатрабаванасці (метрычныя кнігі праваслаўных і ўніяцкіх цэркваў захоўваліся ў адным пакоі з выданнем «Поўны збор законаў Расійскай імперыі») і па абмежаванні доступу (сакрэтная дакументацыя захоўвалася ў асобнай шафе, найбольш старажытныя дакументы 1575–1820 гг. – у скрыні), што адпавядала дзеючаму заканадаўству. На ніжнім паверсе захоўваліся рэгістрацыйна-ўліковыя матэрыялы, архіўная, ўліковая, распарадчая дакументацыя дзяржаўных органаў і Сінода, а таксама кліравыя ведамасці (даныя па асабовым складзе духавенства)¹⁸. Аднак у справахдачы аб стане Магілёўскай епархіі за 1908 г. адзначалася, што архіў знаходзіўся на паўпадвальным паверсе, сухім і бяспечным ад агню¹⁹. Даведачны апарат абмяжоўваўся храналагічным рээстрам і алфавітным паказальнікам²⁰. Апошняя набывае актуальнасць з ростам дакументаабароту, асабліва па зваротах прыватных асоб. Напрыклад, у Мінскай праваслаўнай кансісторыі на пачатак 1817 г. па прашэннях прыватных асоб не завершанымі справаводствам заставаліся 64 справы, на працягу года паступілі 313 спраў, а да 1 студзеня 1818 г. трэба было вырашыць 103 справы. Аналагічна ўзрасла колькасць судова-следчых спраў (з 26 у 1817 г. да 57 у 1818 г.). За год паступілі 86 спраў²¹. Пры гэтым у Статуце не былі акрэслены падыходы да экспертызы каштоўнасці дакументаў, што прыводзіла да павелічэння фізічных аб’ёмаў архіва і складанасцей у арганізацыі яго выкарыстання.

У 1842–1843 гг. таксама быў вызначаны штат праваслаўных кансісторый 1-га і 2-га класаў, у які асобна ўключалася пасада архіварыуса з заробкам у памеры 200 руб. Архіварыусам Мінскай кансісторыі стаў Кіпра Сускі²². У хуткім часе ён звярнуўся да Сінода з просьбай аб прызначэнні памочніка,

які б валодаў польскай мовай²³. На працягу ўсяго існавання кансісторыі сутыкаліся з праблемамі камплектавання штатаў архіваў з-за невялікіх заробкаў і неадпаведнай падрыхтоўкі, што было звязана ў тым ліку з перавагай, якая аддавалася святарскім дзесям пры фарміраванні штатаў²⁴. Сітуацыя абвастрылася з пачаткам Першай сусветнай вайны. Кадравыя складанасці архіва, напрыклад Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі, апісаны ў яго рэвізіі за 1917 г., дзе адзначана, што ў 1916 г. справы не перадаваліся па прычыне прызыву служачых на вайну²⁵.

Акрамя выканання непасрэдных абавязкаў, архіварыус фіксаваў пашкоджанні спраў, якія перадаваліся з падначаленых устаноў. Так, архіварыус Мінскай кансісторыі адзначаў, што з 25 метрычных кніг, якія перадаваліся з ведання трэцяга стала кансісторыі, 3 мелі пашкоджанні шнура і пячаткі, у дрэнным стане былі перададзены метрычныя кнігі Юркоўскай царквы за 1828–1834 гг.²⁶ Пашкоджанні былі абумоўлены не толькі інтэнсіўным выкарыстаннем кніг у архіве кансісторыі, але і ўмовамі іх перамяшчэння і захоўвання. Напрыклад, у архіве Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі ў пачатку XX ст. захоўваліся 2602 справы Беларускай кансісторыі за 1800–1841 гг.²⁷ Акрамя іх, у архіве кансісторыі меліся справы епіскапаў Іаана Красоўскага, Якава Мартусевіча і Васілія Лужынскага, адміністратара Ісаі Шулякевіча²⁸ [7].

Статут таксама прадугледжваў апісанне і сістэматызацыю спраў. Для вырашэння гэтых задач у некаторыя кансісторыі прыцягваліся супрацоўнікі епархіяльных семінарыяў і дасведчаныя святары, як адбывалася, напрыклад, у Наўгародскай епархіі ў 1869 г. (у канцы XIX – пачатку XX ст. гэту працу працягнуў яе архіварыус М. Нікольскі) [4, с. 172–173]. У беларускіх кансісторыях апісанне і даследаванне архіваў ажыццяўляліся створанымі ў 1830–60-я гг. статыстычнымі камітэтамі, якіх цікавіла старажытная частка архіваў, а таксама архіварыусамі. Так, пры апісанні архіва Мінскай праваслаўнай кансісторыі член Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта А. П. Сапуноў адзначаў, што прысутнічаюць толькі 6 кніг вопісаў, якія ахопліваюць найбольш старажытную частку архіва з 1742 г. [6, с. 11]. Верагодна, яны былі складзены ў 1840-я гг. пад уздзеяннем патрабаванняў Статута. Аднак архіў змяшчаў

¹⁸НГАБ. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 5–6.

¹⁹Там жа. Спр. 139. Арк. 17–56.

²⁰Устав духовных консисторий... Ст. 347–356.

²¹НГАБ. Ф. 136. Воп. 1. Спр. 4698. Арк. 2.

²²Там жа. Спр. 16310. Арк. 6 адв., 13–16.

²³Там жа. Спр. 15691.

²⁴ПСЗРИ І. Т. 23. Ст. 17161.

²⁵НГАБ. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 845. Арк. 1–1 адв.

²⁶Там жа. Спр. 34. Арк. 14–15 адв.

²⁷Там жа. Спр. 1. Арк. 1–4.

²⁸Там жа.

таксама шэраг неапісаных спраў [6, с. 11]. На матэрыялах, якія захоўваліся ў архіве Полацкай епархіі, два значныя даследаванні падрыхтаваў А. П. Сапуноў [5; 8]. Архіў Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі быў упарадкаваны яе сакратаром В. А. Александровічам у 1889–1900 гг. А. П. Сапуноў адзначаў, што падчас яго наведвання апошняй са згаданых кансісторый у архіве працаваў дацэнт Кіеўскай духоўнай акадэміі Ф. І. Цітоў [6, с. 7]. У канцы XIX – пачатку XX ст. пад уздзеяннем развіцця метадзікі архіўнай справы ў Расійскай імперыі, а таксама зыходзячы з грамадскай цікавасці складаўся навукова-даведачны апарат кансісторый. У прыватнасці, ён быў прадстаўлены алфавітамі, у аснове якіх ляжала храналагічна-алфавітная прыкмета. Яны ўключалі дату і нумар справы, яе змест і адзнакі, як у Магілёўскай кансісторыі²⁹.

З шэрагам аналагічных праблем захоўвання матэрыялаў уласнай дзейнасці сутыкнуліся кансісторыі ўніяцкай царквы, нягледзячы на іх існаванне да 1839 г. У адпаведнасці з заканадаўчымі актамі Расійскай імперыі кансісторыі з’яўляліся дарадчымі калегіяльнымі органамі пры іерарху³⁰, таму вельмі цікавая сітуацыя склалася ў 1780–1784 гг. у Беларускай (Полацкай) кансісторыі. Калі яна была ўтворана³¹, полацкі ўніяцкі арцыбіскуп Ясон Смагаржэўскі быў пазбаўлены расійскага падданства. Іраклій Лісоўскі быў прызначаны на гэту пасаду толькі ў 1784 г. Епархіяй кіравала кансісторыя. Яе паўнамоцтвы былі абмежаваны дзяржаўнымі ўладамі да вырашэння кадравых пытанняў ніжэйшага кліру. Напрыклад, калі пасада святара царквы была вакантнай, у прыхаджан высвятлялі, якога святара яны жадаюць – праваслаўнага або ўніяцкага. У апошнім выпадку яго прызначала кансісторыя [5, с. 117]. У 1795 г. ліквідаваны Полацкая, Мінская і Віленская епархіі [5, с. 119], затым з чатырох уніяцкіх епархій (Луцкай, Брэсцкай, Віленскай і Полацкай) утвораны дзве – Беларускай і Літоўскай (з перадачай дакументаў папярэднікаў) [5, с. 135].

Рэвізіі дзейнасці кансісторый, у тым ліку арганізацыі архіўнай справы, рэдка ініцыяваліся. Адна з рэвізій ажыццяўлялася па даручэнні імператара Аляксандра I ўніяцкім мітрапалітам Іасафатам Булгакам з неафіцыйнай мэтай праверкі скаргаў на епіскапа Іаана Красоўскага [9, с. 50]. Па выніках рэвізіі яму было прадпісана вярнуцца з маёнтка Судзіловічы, дзе ён знаходзіўся з 1812 г., у маёнтка Струнь разам з кансісторыяй. Яго папярэднік

мітрапаліт Іраклій Лісоўскі знаходзіўся ў в. Студзенец Мсціслаўскага павета. У 1780–1806 гг. кансісторыя была ў Ануфрыеўскім архімандрыцкім (базыльянскім) манастыры [9, с. 30, 51]. Нягледзячы на планы перамяшчэння органаў епархіяльнага кіраўніцтва ў Полацк, да канца існавання кансісторыя знаходзілася ў маёнтку Струнь. В. Лужынскі пачаў сваю дзейнасць у Беларускай уніяцкай епархіі ў 1833 г. менавіта з яе рэвізіі [9, с. 50]. Справаводства і архіўная справа ў Беларускай кансісторыі адпавядала патрабаванням Генеральнага рэгламенту па арганізацыі захоўвання спраў і складання архіўнай дакументацыі. Таксама вяліся рэестры ўваходнай і зыходнай дакументацыі з капіраваннем дакументаў, што павышала інфармацыйны патэнцыял матэрыялаў, улічваючы іх рассяянасць пераважна паміж архівамі праваслаўных кансісторый пасля ліквідацыі ўніяцкіх³².

У лютым 1839 г. адбыліся дзве падзеі, якія паўплывалі на архівы Беларускай і Літоўскай уніяцкіх кансісторый. Спачатку царквы Валынскай і Кіеўскай губерняў, якія ўваходзілі ў Беларускую епархію, перайшлі ў склад Літоўскай епархіі³³, пры гэтым справы перададзены не былі. Наступнай падзеяй стаў Полацкі царкоўны сабор. Пасля ліквідацыі кансісторый лёсы іх архіваў вырашаў Сінод³⁴. У адпаведнасці з вопісам спраў, складзеным у 1841 г., у архіве Беларускай кансісторыі налічваліся 1689 спраў, 782 з іх у 1828–1841 гг. былі перададзены ў Літоўскую кансісторыю³⁵. Метрычныя кнігі ліквідаваных уніяцкіх царкваў падначаленых тэрыторый, копіі і экстракты з іх (звыш 1000 спраў) у пачатку XX ст. захоўваліся ў архіве Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі³⁶.

У рымска-каталіцкіх дыяцэзіях, як і ў іншых інаслаўных канфесіях, дзейнасць архіваў першапачаткова рэгламентавалася на канфесіяльным узроўні. На агульнадзяржаўным узроўні акрэсліваліся паўнамоцтвы іерархаў і ўтвараліся кансісторыі. Гэта відавочна з першых дакументаў. Так, рымска-каталіцкаму біскупам, які яшчэ не быў прызначаны ў 1772 г., было даручана кіраваць царквой і прадпісана абавязак на рэгламент 1769 г., аднак у апошнім адсутнічалі звесткі пра ўтварэнне калегіяльнага органа – кансісторыі, таму ўказ утрымліваў адпаведныя звесткі³⁷. У 1773 г. арцыбіскупам стаў С. Богуш-Сестранцэвіч, яго рэзідэнцыяй і месцам знаходжання кансісторыі прызначаны Магілёў. Пры гэтым арцыбіскуп

²⁹НГАБ. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 54.

³⁰ПСЗРИ I. Т. 19. Ст. 13922.

³¹Там жа. Ст. 15028.

³²НГАБ. Ф. 3245. Воп. 1. Спр. 54.

³³ПСЗРИ II. Т. 14. Ст. 11995.

³⁴Там жа. Ст. 12467.

³⁵НГАБ. Ф. 3245. Воп. 1. Спр. 51 ; LVIA. F. 634. Ap. 1. P. 15v.

³⁶НГАБ. Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1–4.

³⁷ПСЗРИ I. Т. 19. Ст. 13922.

асабіста вызначаў склад кансісторыі³⁸ і актыўна ўдзельнічаў у арганізацыі справаводства. Адпаведна, ён вызначаў і склад канцылярыі з трох канцылярыстаў. Пасады архіварыуса пры гэтым не было³⁹.

У 1782–1783 гг. былі створаны Магілёўскае арцыбіскупства і кансісторыя (колькасць членаў не вызначана)⁴⁰, прызначаны каад’ютар Ян Беніслаўскі. Цікава, што ў 1797 г. арцыбіскуп, як і праваслаўныя іерархі, збіраў звесткі пра вырашаныя і нявырашаныя кансісторыяй справы за подпісам сакратара або архівіста⁴¹, хаця асобная пасада апошняга з’явілася толькі ў 1840-я гг.⁴². У 1800 г. у Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі былі ўведзены настольны (паводле храналагічнай прыкметы) і дакладны рэстры⁴³.

У 1798 г. быў вызначаны склад кансісторыі ў кожнай з утвораных дзяцэзій, у тым ліку ў Мінскай і Віленскай: афіцыял (генеральны вікарыі), віцэ-вікарыі і асэсары. Склад канцылярыі не вызначаўся⁴⁴. Вядома, што ў 1823–1831 гг. аб архіве Магілёўскай кансісторыі клапаціўся Ян Ляхавіцкі, а з ростам дакументаабароту ў сярэдзіне XIX ст. архіварыус атрымаў памочнікаў з ліку канцылярыстаў [10, с. 53]. Кансісторыя змяшчалася ў арандаваным доме Шаі Шура ў 1845–1848 гг., затым у арганізаваным доме Гіршы Аранзона ў Магілёве. У 1873 г. кансісторыя была перанесена ў Санкт-Пецярбург па адрасе вул. Фантанка, 118. У 1883 г. архіў Магілёўскай кансісторыі папоўніўся матэрыяламі дзейнасці Мінскай кансісторыі (што з 1869 г. знаходзіліся ў Вільні), бо яна была адміністрацыйна падначалена Віленскай кансісторыі. Падчас сваёй дзейнасці Мінская кансісторыя змяшчалася ў Мінску на вул. Францыскаўскай, у 1856 г. было вырашана набыць для яе дом графа Тызенгаўза [10, с. 51–52].

Унёсак у развіццё архіўнай справы ў рымска-каталіцкіх кансісторыях належыць камісіям па разборы актавых і метрычных кніг у заходніх губернях, хаця яны ствараліся ў іншых мэтах. У прыватнасці, камісіі інспектавалі афармленне спраў па рэгістрацыі грамадзянскага стану⁴⁵, аднак у архівах кансісторый гэта распаўсюдзілася таксама на іншыя віды спраў [10, с. 52–53].

Павелічэнне аб’ёмаў справаводства ўзняло пытанне адбору спраў для пастаяннага захоўвання альбо знішчэння. У 1854 г. быў распрацаваны парадак разбору і знішчэння архіваў Міністэрства ўнутраных спраў, якому падпарадкоўваліся інаслаўныя канфесіі. У 1860 г. была ініцыявана распрацоўка аналагічных дакументаў для кансісторый⁴⁶. У праваслаўнай царкве падобныя рашэнні прымаліся Сінодам. У выніку абмеркавання ў рымска-каталіцкіх кансісторыях фарміраваўся цэласны архіў, за выключэннем пераважна спраў з паўтаральнай інфармацыяй (фармулярныя спісы духавенства, выпісы з метрычных кніг аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, рэгістрацыйна-ўліковыя формы дакументаў і інш.) [11].

Адзначаныя тэндэнцыі, а таксама вопыт справаводстваў і архівістаў грамадзянскіх і канфесіянальных устаноў першай трэці XIX ст. адлюстраваны ў інструкцыях па справаводстве і дзейнасці рымска-каталіцкіх кансісторый, выдадзеных у 1840-я гг.⁴⁷ У адпаведнасці з першай з іх удасканаліўся ўлік спраў у архівах, стварыўся навукова-даведачны апарат, сістэматызацыя спраў у архіве набыла структурна-храналагічную прыкмету⁴⁸.

Падставовымі дакументамі па ўліку спраў і архіўнымі даведнікамі ў другой палове XIX ст. з’яўляліся вопісы спраў, складзеныя як у справаводстве кансісторый (агульны вопіс спраў стала, вопіс спраў, прызначаных для перадачы ў архіў), так і ў іх архівах (агульны рэстр спраў архіва). Пры гэтым фармуліраваліся кароткія і групавыя загалоўкі. Сярод улікова-даведачных дакументаў неабходна адзначыць агульны (храналагічны) рэстр спраў, які ўключыў усе справы Мінскай рымска-каталіцкай кансісторыі за 1822–1843 гг.⁴⁹ Пра ўліковую вартасць гэтага віду даведнікаў сведчыць той факт, што архіварыус Магілёўскай кансісторыі Адам Непакойчыцкі ў 1856 г. прымаў па ім справы ў сферы паўнамоцтваў першага стала, пазней у рэстры былі зроблены адзнакі пра лёс архіўных дакументаў (напрыклад, матэрыялы за 1467 г. і XVIII ст. значна пацярпелі ад пажару 1847 г. у Магілёве⁵⁰). Іншым відам даведнікаў сталі алфавіты, асабліва запатрабаваныя з ростам дакументаабароту кансісторый. У кансісторыях яны ўключалі ўсе справы, якія

³⁸ПСЗРИ I. Т. 19. Ст. 14073, 14122.

³⁹НГАБ. Ф. 1781. Воп. 2. Спр. 2220. Арк. 32.

⁴⁰ПСЗРИ I. Т. 21. Ст. 15326, 15876.

⁴¹НГАБ. Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1. Арк. 1–1 адв.

⁴²Directorium horarum canonicorum et missarum ad usus utriusque cleri Archi-Diaecesis Mohileviensis in annum domini MDCCCXLIII. Mohilevie : Typis pulatii metropolitani Rom Catholic, 1843.

⁴³НГАБ. Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1. Арк. 235–236 адв.

⁴⁴ПСЗРИ I. Т. 25. Ст. 18504.

⁴⁵НГАБ. Ф. 3124. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 2–3 адв., 179–185.

⁴⁶ПСЗРИ II. Т. 29. Ст. 28529.

⁴⁷LVIA. F. 694. Ap. 1. B. 1686.

⁴⁸Там жа. Ap. 11v. – 13.

⁴⁹НГАБ. Ф. 1781. Воп. 32. Спр. 189.

⁵⁰Там жа. Воп. 28. Спр. 265. Арк. 1.

сістэматызаваліся па гадах у алфавітным парадку⁵¹. Нягледзячы на тое што апісанне спраў уваходзіла ў абавязкі архіварыуса, пры неабходнасці маглі наймаць пазаштатных асістэнтаў, напрыклад як у 1883 г. [10, с. 54]. Гэтыя даведнікі выкарыстоўваліся пераважна супрацоўнікамі канцылярыі. Адзіным з вядомых даследчыкаў, які быў дапушчаны да працы з архівам Магілёўскай кансісторыі, быў обер-пракурор Сінода і член Дзяржаўнага савета Д. А. Талстой, які падрыхтаваў на аснове архіўных матэрыялаў двухтомнае выданне [12].

Органы епархіяльнага кіраўніцтва евангелічных канфесій у канцы XVIII – першай трэці XIX ст. захоўвалі пэўную аўтаномнасць і перыядычна кіраваліся дзеючымі органамі (сінодамі)⁵². У канфесіяльнай сферы яны карысталіся ўласнымі нарматыўнымі дакументамі, але ў арганізацыі справаводства і архіваў – агульнадзяржаўнымі. Тым не менш арганізацыйным аспектам таксама надавалася шмат увагі, хаця канфесіяльная дакументацыя цалкам не адлюстроўвае гэта⁵³. Так, у 1806 г. увагу дзяржаўных улад прыцягнула дзейнасць Курляндскай кансісторыі. Пасяджэнні там адбываліся двойчы ў год (у маі і кастрычніку) і цягнуліся па 14 дзён, астатні час ёю адзінаасобна кіраваў канцлер, што было недапушчальна для калегіяльнага органа. У астатніх кансісторыях, у тым ліку ў Віленскай,

прысутнічалі як мінімум тры члены (домпробст і два асэсары), штогадова яна збіралася, хаця парушэнні дзейнасці ў яе таксама назіраліся⁵⁴. У штатах евангелічных кансісторый 1822 г. не пазначаны архіварыус, пры гэтым склад канцылярыі прадстаўлены сакратаром, натарыусам, канцылярыстам і прыслужнікам⁵⁵. Пасля далучэння ў 1830 г. акругі Віленскай кансісторыі, у веданні якой былі абшчыны беларускіх губерній, да Курляндскай у штат апошняй уключылі перакладчыка⁵⁶. Наступныя змены тычыліся складу прысутнасці кансісторыі, але не складу яе канцылярыі⁵⁷.

З прыняццем статута пратэстанцкіх (евангелічна-лютэранскіх і евангелічна-рэформатарскіх) цэркваў пэўная ўвага была нададзена справаводству і архіўнай справе, асабліва ў дачыненні да перапіскі з вышэйшымі ўстановамі, пратакольнай і судовай дакументацыі. Аднак у штатах Курляндскай кансісторыі па-ранейшаму адсутнічаў архіварыус. Справаводства вялося на нямецкай мове, прашэнні і перапіска – на рускай або нямецкай⁵⁸. Рэформатарскія абшчыны былі менш распаўсюджаны, і іх лёсы маглі вырашацца індывідуальна, як у 1824 г. для капыскай абшчыны, што з непасрэднага ведання юстыц-калегіі перадавалася Літоўскаму евангелічна-рэформатарскаму сіноду⁵⁹.

Заклучэнне

Такім чынам, дзейнасць архіваў органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскімі канфесіямі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. рэгламентавалася пераважна на канфесіяльным узроўні. Агульнадзяржаўныя нарматыўныя акты, да якіх адносіцца ў першую чаргу Генеральны рэгламент, змяшчалі агульныя патрабаванні да забеспячэння захоўвання і ўліку дакументаў. Падзаконныя нарматыўна-метадычныя дакументы адсутнічалі. У адпаведнасці са зменамі нарматыўнага рэгулявання можна вылучыць два агульных для ўсіх калегіяльных органаў кіраўніцтва хрысціянскімі канфесіямі перыяды развіцця архіўнай справы. Гэтыя перыяды звязаны з прыняццем Статута духоўных кансісторый для праваслаўнай царквы, а таксама з распрацоўкай інструкцый па справаводстве кансісторый для інаслаўных цэркваў у 1840-я гг. У першы перыяд дзейнасці кансісторый на іерархаў

ускладаліся абавязкі па вырашэнні арганізацыйных пытанняў – ад месца захоўвання архіва і яго штатаў да ўліку спраў і стварэння навукова-даведачнага апарату. Пасада архіварыуса адсутнічала ў штатах усіх кансісторый, яго абавязкі ўскладаліся на аднаго са служачых канцылярыі. Пры гэтым у праваслаўных кансісторыях пры падборы супрацоўнікаў перавага аддавалася дзецям прадстаўнікоў духавенства, якія навучаліся ў семінарыі. У інаслаўных кансісторыях архіварыусамі становіліся прыватныя асобы, значным аргументам на карысць якіх было веданне моў справаводства. У гэты перыяд іерархі актыўна ўдзельнічалі ў размеркаванні абавязкаў паміж супрацоўнікамі канцылярыі і захоўванні матэрыялаў уласнай дзейнасці. З удасканаленнем штатаў кансісторый і ростам дакументаабароту роля епіскапаў у вырашэнні арганізацыйных пытанняў іх дзейнасці, да якіх

⁵¹Устав духовных консисторий... Ст. 355 ; LVIA. F. 694. Ap. 1. B. 1686. P. 11v–13v ; НГАБ. Ф. 1781. Воп. 34. Спр. 1, 15, 16, 18 і інш.

⁵²ПСЗРИ I. Т. 7. Ст. 4782.

⁵³LVIA. F. 606, 1218 ; Lietuvos nacionaline... F. 93 ; Lietuvos mokslų... F. 40 ; Latvijas Valsts... F. 629.

⁵⁴ПСЗРИ I. Т. 29. Ст. 22306.

⁵⁵Там жа. Ст. 28974.

⁵⁶ПСЗРИ II. Т. 6. Ст. 4481.

⁵⁷Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб. : Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1884–1913 (ПСЗРИ III). Т. 11. Ст. 7498, 7514 ; Т. 32. Ст. 37237.

⁵⁸ПСЗРИ II. Т. 7. Ст. 5870, № 290–308.

⁵⁹ПСЗРИ I. Т. 39. Ст. 29868.

адносілася архіўная справа, зніжаецца. На дзейнасць архіваў паўплывала і міністэрская рэформа. Непасрэдна архівы захоўваліся ў бяспечных умовах, але на іх захаванасць значна ўздзейнічалі фактары аб'ектыўнага характару (частыя перамяшчэнні ў сувязі з адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем, зменамі іерархаў, вайна). Перадача спраў па прыналежнасці тэрыторыі патрабавала іх уліку ў рэестрах пераважна па храналагічнай прыкмеце, аднак шэраг прыкладаў сведчаць пра тое, што перадаваліся не ўсе справы. Алфавітныя рэестры, як элемент даведачнага апарату архіваў, у гэты перыяд не складаліся.

У 1840-я гг. патрабаванні да размяшчэння архіваў не змяніліся, але пад уплывам росту дакументаабароту і неабходнасці арганізацыі выкарыстання архіўных дакументаў на канфесіянальным узроўні ў даведачных мэтах была сфарміравана падсістэма архіўнай дакументацыі і вызначаны патрабаванні да яе вядзення, што таксама было абумоўлена развіццём даследаванняў у галіне архіўнай справы. У кансісторыях з'явілася пасада архіварыуса, а ў канцы XIX – пачатку XX ст. з'явіліся пасады пастаянных і часовых памочнікаў. Апошнія наймаліся на перыяд апрацоўкі значных аб'ёмаў дакументацыі. Сістэматызацыя спраў у вопісах ажыццяўлялася пе-

реважна па структурна-храналагічнай прыкмеце, быў сфарміраваны склад уліковых і навукова-даведачных дакументаў, ажыццяўлялася экспертыза каштоўнасці матэрыялаў. У сувязі са зменай узроўню рэгламентацыі архіўнай справы ў кансісторыях для кожнай з іх можна вылучыць уласныя этапы дзейнасці і сваю спецыфіку архіваў. Напрыклад, з-за ліквідацыі ўніяцкіх кансісторый праваслаўныя набылі новыя крыніцы камплектавання, прымаючы на захоўванне матэрыялы дзейнасці азначаных устаноў. У рымска-каталіцкіх кансісторыях у канцы XIX ст. актыўна распрацоўваўся навукова-даведачны апарат, з архіваў ліквідаваных уніяцкіх устаноў фарміраваўся аб'ёмны архіўны комплекс Магілёўскай кансісторыі. Спецыфікай евангелічных органаў епархіяльнага кіраўніцтва з'яўляецца іх пэўная аўтаномнасць. Адпаведна, можна сцвярджаць, што архіўная справа ў органах канфесіянальнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій у канцы XVIII – пачатку XX ст. адпавядала дзеючаму заканадаўству Расійскай імперыі, а ўвага канфесіянальнага кіраўніцтва, нягледзячы на шэраг страт, абумоўленых аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі фактарамі, дазволіла захаваць значныя дакументальныя комплексы высокага інфармацыйнага патэнцыялу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Олевская ВВ. К вопросу о становлении московского епархиального управления в начальный синодальный период. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви*. 2009;32:7–17.
2. Старостин ЕВ. Архив Русской православной церкви. X–XX века (исторический очерк). В: Безбородов АА, редактор. *Труды Историко-архивного института. Том 36. Архивы Русской православной церкви: пути из прошлого в настоящее*. Москва: РГГУ; 2005. с. 20–29.
3. Иванов ИО. Развитие архива Московской духовной консистории в первой половине XVIII в. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской православной церкви*. 2021;101:46–63. DOI: 10.15382/sturII2021101.46–63.
4. Снытко ОВ. Архив Новгородской духовной консистории: история, проблемы создания научно-справочного аппарата. *Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской православной церкви*. 2005;18:171–196.
5. Сапунов АП. *Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века*. Витебск: Типография Губернского правления; 1889. 172 с.
6. Сапунов АП. *Архивы в городах Могилёв. губ. и Минске*. Москва: Печатня А. И. Снегиревой; 1902. 14 с.
7. Антановіч ЗВ. Архіў Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі: уласціваасці фарміравання, захаванасць, склад дакументаў (па матэрыялах архіўнага фонду 2301 «Магілёўская духоўная праваслаўная кансісторыя Сінода» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). У: Адамушка УІ, Бохан ЮМ, Галенчанка ГЯ, Голубеў ВФ, Дзянісаў УМ, Лісейчыкаў ДВ і інш., рэдактары. *Архіварыус. Выпуск 14*. Мінск: НГАБ; 2016. с. 14–33.
8. Сапунов АП. *Витебская старина. Том 5. Материалы для истории Полоцкой епархии*. Витебск: Типография Губернского правления; 1888. 447 с.
9. Лужинский В. *Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого*. Казань: Типография Императорского университета; 1885. 312 с.
10. Антановіч ЗВ. *Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.)*. Мінск: Экоперспектива; 2016. 226 с.
11. Антановіч ЗВ. «Разбор дакументаў» у архіве Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). У: Галенчанка ГЯ, Голубеў ВФ, Дзянісаў УМ, Кураш ВІ, Лісейчыкаў ДВ, Матвейчык ДЧ і інш., рэдактары. *Архіварыус. Выпуск 16*. Мінск: НГАБ; 2018. с. 5–14.
12. Толстой ДА. *Римский католицизм в России*. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Демакова; 1876. 2 тома.

References

1. Olevskaia VV. [In the matter of the Establishment of the Moscow Diocesan Department during its early Synodal Period]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. 2009;32:7–17. Russian.
2. Starostin EV. [Archive of the Russian Orthodox Church. 10th–20th centuries (historical essay)]. In: Bezborodov AA, editor. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Tom 36. Arkhivy Russkoi pravoslavnoi tserkvi: puti iz proshlogo v nastoyashchee* [Proceedings of the Historical and Archival Institute. Volume 36. Archives of the Russian Orthodox Church: paths from the past to the present]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2005. p. 20–29. Russian.
3. Ivanov IO. Development of the Archive of the Moscow Theological Consistory in the first half of the 18th century. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. 2021;101:46–63. Russian. DOI: 10.15382/sturII2021101.46-63.
4. Snytko OV. [The Archives of Novgorod Theological Consistory: history, problems of creating apparatus criticus]. *Vestnik PSTGU. Seriya II. History. History of Russian Orthodox Church*. 2005;18:171–196. Russian.
5. Sapunov AP. *Istoricheskie sud'by Polotskoi eparkhii s drevneishikh vremen do poloviny XIX veka* [Historical destinies of the Polotsk diocese from ancient times to the middle of the 19th century]. Vitebsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1889. 172 p. Russian.
6. Sapunov AP. *Arkhivy v gorodakh Mogilev. gub. i Minske* [Archives in the cities of gubernia' Mogilev and Minsk]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoi; 1902. 14 p. Russian.
7. Antanovich ZV. The Archive of Mahiliow Orthodox Consistory: features of formation, preservation, composition (based on archival fond 2301 «Mahiliow Orthodox consistory of Synod» of the National Historical Archives of Belarus). In: Adamushka UI, Bohan JuM, Galenchanka GJa, Golubew VF, Dzjanisaw UM, Lisejchikaw DV, et al., editors. *Archivarius. Volume 14*. Minsk: Nacyjanal'ny gistorychny arhiw Belarusi; 2016. p. 14–33. Belarusian.
8. Sapunov AP. *Vitebskaya starina. Tom 5. Materialy dlya istorii Polotskoi eparkhii* [Vitebsk antiquity. Volume 5. Materials for the history of the Polotsk diocese]. Vitebsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1888. 447 p. Russian.
9. Luzhinskii V. *Zapiski Vasiliya Luzhinskogo, arkhiepiskopa Polotskogo* [Notes of Vasily Luzhinsky, Archbishop of Polotsk]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta; 1885. 312 p. Russian.
10. Antanovich ZV. *Arhivy Magiljowskaj i Minskaj rymaska-katalickih kansistoryj: gistoryja, struktura, sklad dokumentaw (1782–1918 gg.)* [Archives of the Mogilev and Minsk Roman Catholic consistories: history, structure, composition of documents (1782–1918)]. Minsk: Ekoperspektiva; 2016. 226 p. Belarusian.
11. Antanovich ZV. [«Analysis of documents» in the archives of the Mahilioŭ Roman Catholic Consistory (based on the materials of the National Historical Archives of Belarus)]. In: Galenchanka GJa, Golubew VF, Dzjanisaw UM, Kurash VI, Lisejchikaw DV, Matvejchik DCh, et al., editors. *Archivarius. Vypusk 16*. Minsk: Nacyjanal'ny gistorychny arhiw Belarusi; 2018. p. 5–14. Belarusian.
12. Tolstoy DA. *Rimskii katolitsizm v Rossii* [Roman Catholicism in Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Demakova; 1876. 2 volumes. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 19.02.2022.
Received by editorial board 19.02.2022.

БОЛЬШЕ НЕ ТАБУ: ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В БССР ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты анализа основных тенденций развития сексуальной культуры в белорусском обществе периода хрущевской оттепели. На основании изучения архивных материалов и периодики тех лет описывается сексуальное поведение населения БССР, преимущественно молодежи. Отмечено, что сексуальное поведение характеризовалось глубокими изменениями: снижением возраста сексуального дебюта, изменением характера семейно-брачных отношений, ослаблением моральных запретов, размыванием гендерных стереотипов и т. д. Ход этих перемен ускорило приоткрытие железного занавеса, через который проскальзывали идеи и практики сексуальной революции, охватившей вначале США, а затем Европу. Оттепель сопровождалась взрывом общественного интереса к книгам, фильмам, театральным постановкам, посвященным любви, проблемам взаимоотношений мужчины и женщины. Констатируется мысль о том, что вместе с личностным раскрепощением либерализация сексуальной культуры принесла негативные тенденции в виде увеличения числа разводов и аборт, нежелательных беременностей и повышения уровня заболеваемости. Отход от сталинской семейно-брачной модели, в частности от жесткого регулирования репродуктивного поведения населения, зафиксирован в ряде новых нормативных правовых актов, аккумулированных в Кодексе о браке и семье БССР, который был принят Верховным Советом БССР 13 июня 1969 г.

Ключевые слова: сексуальность; брак; развод; семья; молодежь; женщина; любовь.

БОЛЬШ НЕ ТАБУ: ЛІБЕРАЛІЗАЦЫЯ СЕКСУАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ Ў БССР ПЕРЫЯДУ ХРУШЧОЎСКОЙ АДЛІГІ

А. А. ГУЖАЛОЎСКІ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены вынікі аналізу асноўных тэндэнцый развіцця сексуальнай культуры ў беларускім грамадстве перыяду хрушчоўскай адлігі. На падставе вывучэння архіўных матэрыялаў і перыёдыкі тых гадоў апісваюцца сексуальныя паводзіны насельніцтва БССР, пераважна моладзі. Адзначаецца, што сексуальныя паводзіны характарызаваліся глыбокімі зменамі: зніжэннем узросту сексуальнага дэбюту, зменаў характару сямейна-шлюбных адносін, пслабленнем маральных забарон, размываннем гендарных стрэатыпаў і г. д. Ход гэтых перамен паскорыла прыадчыненне жалезнай заслоны, праз якую праслізгвалі ідэі і практыкі сексуальнай рэвалюцыі, што ахапіла спачатку ЗША, а потым Еўропу. Адліга суправаджалася выбухам грамадскай цікаўнасці да кніг, фільмаў, тэатральных пастацовак, прысвечаных каханню, праблемам узаемаадносін мужчыны і жанчыны. Канстатуецца, што разам з асобным разняволеннем лібералізацыя сексуальнай культуры прынесла негатыўныя тэндэнцыі ў выглядзе павелічэння колькасці разводаў і аборт, непажаданых цяжарнасцей і павышэння ўзросту захворвання. Адыход ад сталінскай сямейна-шлюбнай мадэлі, у прыватнасці ад жорсткага рэгулявання рэпрадуктыўных паводзін насельніцтва, зафіксаваны

Образец цитирования:

Гужаловский АА. Больше не табу: либерализация сексуальной культуры в БССР периода хрущевской оттепели. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;2:30–39. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-30-39>

For citation:

Huzhalouski AA. No longer taboo: liberalisation of sexual culture in Soviet Belarus during Khrushchev's thaw. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;2:30–39. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-30-39>

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history. huzhalouski@gmail.com

ў шэрагу новых нарматыўных прававых актаў, акумуляваных у Кодэксе аб шлюбе і сям'і БССР, які быў прыняты Вярхоўным Саветам БССР 13 чэрвеня 1969 г.

Ключавыя словы: сексуальнасць; шлюб; развод; сям'я; моладзь; жанчына; каханне.

NO LONGER TABOO: LIBERALISATION OF SEXUAL CULTURE IN SOVIET BELARUS DURING KHRUSHCHEV'S THAW

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the results of analysis of the main trends in the development of sexual culture in Belarusian society during the Khrushchev thaw. Based on the study of archival materials and periodicals of the years under investigation, a characteristic of the Soviet Belarus population sexual behaviour, mainly young people, is given. The latter was characterised by profound changes: decrease in the age of sexual debut, change in the nature of family and marriage relations, weakening of moral prohibitions, erosion of gender stereotypes, etc. These changes were accelerated by the opening of the «iron curtain», through which slipped the ideas and practices of the sexual revolution which first swept the United States and then Europe. The thaw was accompanied by an explosion of public interest in books, films, theatrical performances dedicated to love, the problems of relationships between men and women. Along with personal emancipation, the liberalisation of sexual culture brought negative trends in the form of an increase in the number of divorces and abortions, the number of unwanted pregnancies and morbidity. The departure from the Stalinist family and marriage model, strict regulation of the reproductive behaviour of the population in particular, reflected in a number of new legal acts accumulated in the Code on Marriage and Family of the Belarusian SSR adopted by the Supreme Council of the BSSR 1969 June 13.

Keywords: sexuality; marriage; divorce; family; youth; woman; love.

У сталінскую эпоху ўлада свядома і мэтанакіравана выціскала сексуальнасць з грамадскай свядомасці. Адносіны паміж паламі, а таксама мадэлі мужнасці і жаночасці ў грамадстве вызначаліся ўладным дыскурсам, дзяржаўнай палітыкай, якая абмяжоўвала магчымыя дзеянні людзей. У 1930-я – пачатку 1950-х гг. у публічнай прасторы практычна адсутнічала інфармацыя пра інтымныя зносіны мужчын і жанчын, сексуальна-шлюбную сферу ў цэлым. Пра яе немагчыма было знайсці згадкі на старонках навуковай, папулярнай ці вучэбнай літаратуры. Калі «небяспечная» тэма ўсё ж уздымалася, гаворка не ішла далей за квазімарксісцкае маралізатарства. Адзін з найбольш аўтарытэтных тагачасных беларускіх псіхолагаў А. П. Ераць папярэджвала чытачоў беларускай маладзёжнай газеты ў 1955 г.: «Нельга палюбіць ворага Радзімы, класавага ворага, няхай яго знешнасць нават класічнай прыгажосці. Чалавека можна палюбіць толькі за духоўнае хараство, а не за прыгожую знешнасць...»¹

У гэтых умовах вырасла пакаленне савецкіх людзей, у якіх сексуальная цяга выклікала гаму складаных пачуццяў – ад агіды да страху. Яны перадавалі гэтыя пачуцці сваім дзецям, якім было ўласціва суцэльнае сексуальнае невуцтва. Асабліва «заціснутымі» былі гарадскія падлеткі, у адрозненне ад іх вясковых аднагодак, якіх не адукоўвалі, але і не запалохвалі, у той час як ад юных гара-

джан хавалі абсалютна ўсё. Складаны псіхалагічны стан дзесяцікласніц адной з мінскіх школ перадае наступны фрагмент іх ліста ў часопіс «Работніца і сялянка»: «Ці можна дружныць у школе дзяўчынцы і хлопчыку? І якой павінна быць гэтая дружба, дружба савецкіх вучняў, будучых касманаўтаў, адкрывальнікаў новых планет, будучых будаўнікоў камунізму? Многія нашы бацькі забараняюць нам дружныць з хлопчыкамі, а некаторыя таварышы па школе смяюцца»².

Сітуацыя пачала павольна змяняцца пасля смерці І. В. Сталіна, калі сацыяльна-палітычная лібералізацыя абумовіла частковае ўзнаўленне прыватнага жыцця савецкіх людзей. Вяртанне прыватнай сферы ў публічны дыкурс паспрыяла змяненню сексуальна-эратычных каштоўнасцей і паводзін. Гэты працэс паскорыла прыадчыненне жалезнай заслоны, праз якую праслізгвалі ідэі і практыкі сексуальнай рэвалюцыі, што ахапіла спачатку ЗША, а потым Еўропу. Паводле слоў Н. Б. Лебінай, у часы адлігі «на змену цяжкавагавай жаночасці і гіпербалізаванай мужнасці прыйшлі спартыўная лёгкасць, дзелавітасць і дазаваная сексуальнасць, культ не столькі антыжаночтва і грубай сілы, колькі інтэлекту і фізічнай дасканаласці, што было ўжо ўласціва заходнім арыенцірам прывабнасці» [1, с. 179].

Пры захаванні афіцыйнага дыскурсу пра святасць шлюбу, шкоднасць мастурбацыі, непрыманне

¹Ераць Е. П. О любви // Сталин. молодежь. 1955. 12 авг. (№ 159). С. 3. (Тут і далей пераклад наш. – А. Г.)

²Лур'е Н. Пра юнацкае каханне і дружбу // Работніца і сялянка. 1962. № 6. С. 23.

гомасексуальнасці хрушчоўская адліга дазволіла публічнае абмеркаванне шэрагу раней табуіраваных тэм, такіх як шлюб па разліку, дашлюбны секс, падлеткавая сексуальнасць і г. д. Адна з першых іх абмеркавання на старонках беларускага камсамольскага друку распачала заслужаная настаўніца БССР М. М. Пруднікава, якая дэкларавала ў 1954 г.: «Пытанні дружбы, узаемаадносін у калектыве, нарэшце, кахання – гэта пытанні вялікага значэння»³.

У жніўні 1954 г. Вярхоўны Савет СССР спецыяльным указам адмяніў крымінальную адказнасць у дачыненні да цяжарных жанчын, якія рабілі аборт без медыцынскіх паказанняў. У лістападзе 1955 г. быў легалізаваны штучны выкідак, зроблены ў шпітальных умовах па просьбе цяжарнай. Гэта рашэнне тлумачылася жаданнем даць жанчыне магчымасць самой вырашаць пытанне аб уласным мацярынстве, а таксама зменшыць шкоду яе здароўю ад пазашпітальных абортаў. Сексуальная непісьменнасць і нізкі ўзровень жыцця насельніцтва адразу ж абумовілі рэзкае павелічэнне афіцыйных паказчыкаў штучнага спынення цяжарнасці. Паводле даных Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення СССР, у 1955 г. у краіне былі зроблены 2 671 000 легальных абортаў, у 1956 г. – 4 609 000, у 1957 г. – 5 158 000, у 1958 г. – 5 927 000 абортаў. У 1958 г. на 100 нараджэнняў у СССР былі зроблены 112 зарэгістраваных абортаў⁴. Маладыя жанчыны, якія пад ціскам розных абставін па-ранейшаму былі вымушаны падпольна пазбаўляцца ад цяжарнасці, цяпер падлягалі грамадскаму асуджэнню⁵. Тыя, хто ішоў на забойства ўласнага немаўляці, прыцягваліся да крымінальнай адказнасці⁶.

Змены ў сексуальнасці беларускіх жанчын часоў адлігі дэманстраваў часопіс «Работніца і сялянка», на старонках якога пачалося абмеркаванне раней забароненых тэм. У 1954 г. на яго апошняй старонцы побач з рэцэптамі гатавання шніцалю, шашлыка і бісквітнага пячэння з’явіліся выявы модных туалетаў. Навінкай 1955 г. была публікацыя прымітыўных касметычных парадаў⁷, якія з кожным годам набывалі ўсё больш прафесійны характар⁸. Неўзабаве пасля XX з’езда КПСС часопіс распачаў абмеркаванне невычэрпнай тэмы, а менавіта тэмы непадзеленага кахання. Быў надрукаваны ліст чытачкі Н., якая перажывала фрустрацыю з нагоды

страты пачуццяў да інтэлектуальна ніжэйшага за яе мужа⁹. З таго часу лісты страціўшых альбо пазбаўленых кахання жанчын з’яўляліся амаль у кожным нумары часопіса «Работніца і сялянка», рэдакцыя якога звычайна прапаноўвала чытацкам субліміраваць пачуццё ў працу, грамадскае жыццё ці творчасць.

Легітymізацыя штучнага перапынення цяжарнасці не магла не паставіць пытанне аб сродках засцярогі як пра альтэрнатыву абарту. Арсенал сродкаў засцярогі ў другой палове 1950-х – 1960-я гг. значна пашырыўся. Урачы раілі жанчынам рабіць спрынцаванне, а таксама выкарыстоўваць таблеткі «Нікаэпцін», шыйныя каўпачкі, у горшым выпадку лусту лімона. Мужчынам рэкамендавалі карыстацца прэзерватывамі, якія перад ужываннем неабходна было праверыць, «злёгка расцягнуўшы і надзьмуўшы»¹⁰.

Педагагізацыя і медыкалізацыя сексуальнасці (у тэрміналогіі М. Фуко [2, с. 204–206]), што адбываліся ў беларускім медыйным полі, не маглі замяніць сур’ёзную сексалагічную літаратуру, якой відавочна не хапала. Сітуацыя змянілася да лепшага ў 1960 г., калі ў маскоўскім медыцынскім выдавецтве выйшаў пераклад кнігі ўсходнегерманскага ўрача Р. Нойберта «Пытанні полу». Толькі ад азнаямлення са зместам гэтай кнігі ў беларускага чытача перахоплівала дыханне: у ёй былі раздзелы пад назвамі «Аб ласках», «Палавыя зносіны», «Папярэджванне цяжарнасці» і нават «Палавыя вычвары» [3, с. 87]. Нешматлікія экзэмпляры выдання, якія дайшлі да Беларусі, былі вельмі хутка зачытаны да дзірак, на іх старонках з’явіліся шматлікія пазнакі і каментарыі.

Адліга суправаджалася выбухам грамадскай цікаўнасці да кніг, фільмаў, тэатральных пастановак, прысвечаных кахання, праблемам узаемаадносін мужчыны і жанчыны. Першыя спробы беларускіх пісьменнікаў даследаваць фізіялагічны бок кахання ў 1950-я гг. былі не надта ўдалыя. Нават сцэна гарачых пацалункаў трактарыста Грамыкі і агранома Галі, якімі вырашаўся вытворчы канфлікт у апавяданні Р. К. Сабаленкі «Пад старой дзічкай», выклікала абурэнне крытыкі¹¹. Тэму інтымных адносін паміж мужчынам і жанчынай спачатку ў апавяданнях¹², а потым у рамане¹³ здолеў вярнуць у беларускую літаратуру І. П. Мележ. Рэабілітацыі гэтай

³Пруднікава М. М. Вучыце юнакоў і дзяўчат дружыць // Чырв. змена. 1954. 31 студз. (№ 21). С. 3.

⁴Нац. арх. Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 519. Арк. 20.

⁵Карэлін А. Гісторыя аднаго «ЧП» // Чырв. змена. 1965. 6 чэрв. (№ 111). С. 2.

⁶Гебелева С. Распіска ў подласці // Чырв. змена. 1965. 4 крас. (№ 66). С. 2.

⁷Цімафеева В. А. Вугрыстая высыпка // Работніца і сялянка. 1955. № 3. С. 24.

⁸Як пазбавіцца лішніх валасоў // Работніца і сялянка. 1956. № 6. С. 24 ; Як пазбавіцца мазалёў // Работніца і сялянка. 1956. № 9. С. 25.

⁹Чаму так здарылася? // Работніца і сялянка. 1957. № 1. С. 7.

¹⁰Камінская В. Т. Ці можна засцерагчыся ад цяжарнасці // Работніца і сялянка. 1963. № 4. С. 24.

¹¹Модель Ф. Рассказы о любви и дружбе // Сталин. молодежь. 1955. 16 дек. (№ 247). С. 3.

¹²Мележ І. Спатканне за горадам // Работніца і сялянка. 1956. № 10. С. 18–22.

¹³Мележ І. Людзі на балодзе. Мінск : Дзяржвыдат БССР, 1962. С. 112.

тэмы паспрыяла таксама рамантычная аповесць У. С. Караткевіча «Чазенія»¹⁴. Студэнтка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Я. У. Янішчыц у 1967 г. надрукавала верш «Непрыручаная птушка», дзе былі такія радкі: *Каторы дзень настрой губляю / Ізноў павою люблю. / Бягу, гукаю, выглядаю, / Шукаю, дуваю, не сплю*¹⁵.

На працягу 1965 г. у беларускіх кінатэатрах амаль штодня адбываліся аншлагі на сеансах, дзе дэманстравалася меладрама В. дэ Сіка «Шлюб італьянскі», галоўная гераіня якой мела траіх дзетак ад розных бацькоў. У тым жа годзе на беларускія экраны выйшаў фільм «Любімая» вытворчасці кінастудыі «Беларусьфільм». Па-наватарску распаведзеная маладым рэжысёрам Р. Н. Віктаравым гісторыя кахання ўчарашняй дзесяцікласніцы і маладога будаўніка адразу выклікала абвінавачванні ў апашленні пачуццяў, пагоні за эфектнымі ракурсамі, скажэнні сацыялістычнай рэчаіснасці¹⁶. У 1966 г. у спектаклі «Выклік багам» Б. У. Эрына глядачы Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы ўпершыню ўбачылі на сцэне актрыс у купальніках¹⁷.

Падчас падрыхтоўкі кампаніі па барацьбе з дармаедамі ў 1961–1965 гг. шырокая беларуская грамадскасць даведалася пра тое, што праваахоўныя органы і крымінальны свет добра ведалі і раней: у рэспубліцы існуе падпольная прастытуцыя. Пакуль што назваць найстаражытнейшую прафесію ўслых журналісты не рашаліся, затое не шкадавалі выключна негатыўных фарбаў для апісання яе прадстаўніц: «На адной з вуліц Мінска знайшла прытулак нейкая Зінаіда Зайкоўская. Гэтая асоба, якой споўнілася больш за 35 гадоў, моцная і здаровая, не жадае працаваць. Яна жыве з таго, што заманьвае да сябе мужчын, маючых у кішэнях грошы. Дзіўна, што суседзі церпяць гэтую асобу!»¹⁸ Неўзабаве адзін з карэспандэнтаў газеты «Чырвоная змена» згадаў у сваім допісу з Баранавіч «дзяўчыну лёгкіх паводзін Н. Іванову», якую мясцовыя дружыннікі, разгубленыя ад яе нагласці, адпусцілі без пакарання¹⁹. У 1964 г. пракурор Мінска І. А. Камароў скардзіўся ў ЦК КПБ, што «...такія ганебныя з'явы, як зводніцтва, распуста, утрыманне прытонаў у кватэрах, прадстаўлены далёка не адзінкавымі фактамі ў беларускай сталіцы. Аднак барацьба з гэтым злом

вядзецца ўсё яшчэ слаба. Дрэнна пастаўлена работа па папярэджванні і своєчасовым выяўленні прытонаў, міліцыя з гэтай мэтай слаба прыцягвае грамадскасць»²⁰.

Першыя сціплыя крокі ў бок лібералізацыі грамадскага жыцця, у прыватнасці рэалізацыя пастановы Савета Міністраў СССР аб сумесным навучанні хлопчыкаў і дзяўчынак пачынаючы з 1954/55 навучальнага года²¹, паказалі, што паводзіны савецкай моладзі значна адрозніваюцца ад афіцыйных уяўленняў і развіваюцца ў адным накірунку з паводзінамі іх равеснікаў за мяжой. У адрозненне ад «маўклівага» пакалення сваіх бацькоў, моладзь другой паловы 1950-х – першай паловы 1960-х гг. пачала больш адкрыта выказваць думкі, звязаныя з інтымнай сферай жыцця. «Цяпер модна круціць любоў з усімі... Круці, пакуль круціцца», – так маладая віцэблянка апісвала норавы ў сваім горадзе ў 1965 г.²²

Пра адыход на перыферыю пурытанскай сталінскай мадэлі сексуальных паводзін адразу пасля прыбыцця ў Мінск даведаўся 21-гадовы Лі Харві Освальд. Запісы ў яго дзённіку сведчаць аб тым, што да шлюбу з Марынай Прусакавай ён не меў недахопу ў сексуальных стасунках з беларускімі дзяўчатамі: «Іна... [прозвішча напісана неразборліва]. Бландзінка, вучыцца ў кансерваторыі, з Рыгі. Я сустраўся з ёй у 1960-м у Зігераў, яе сям'я (якая паслала яе ў Мінск), відавочна, заможная. Іне падабаецца моднае адзенне, добрыя абутак і бялізна. У кастрычніку 1960 г. мы сталі вельмі блізкамі адзін аднаму, што скончылася палавым актам 21 кастрычніка. Яна была нявінніца, мы сустракаліся такім чынам 4 ці 5 разоў, апошні – 4 лістапада 1960 г. Пасля заканчэння Мінскай кансерваторыі яна з'ехала з Мінска ў Рыгу»²³.

У гэтай сітуацыі да выхавання пачуццяў далучыўся беларускі маладзёжны друк, які ў большай ступені імкнуўся ўтаймаваць, паставіць пад кантроль, чым зразумець і асэнсаваць, сексуальныя памкненні сваіх чытачоў. У 1956 г. забытую з 1920-х гг. практыку правядзення публічных дыскусій, прысвечаных каханню, узнавіла рэдакцыя часопіса «Маладосць»²⁴. Наступная падобная дыскусія, яшчэ больш шырокая, у якой удзельнічалі больш за 100 юнакоў і дзяўчат, адбылася ў 1959 г. на старонках газеты «Чырвоная змена»²⁵. А з 1966 г. праблемы сексуальна-шлюбных

¹⁴Караткевіч У. Чазенія // Маладосць. 1967. № 3. С. 70.

¹⁵Янішчыц Ж. Непрыручаная птушка // Дзень паэзіі / уклад. Х. Жычка. Мінск, 1967. С. 91.

¹⁶Крупеня Е. Вопрос о счастье поставлен... // Знамя юности. 1965. 6 окт. (№ 199). С. 4 ; НАРБ. Ф. 4п. Воп. 116. Спр. 3. Арк. 193.

¹⁷Делендик А. Иронические мемуары. Минск, 2015. С. 66.

¹⁸Плешавеня В. Дармаедам не месца ў нашым жыцці // ЛіМ. 1960. 30 верас. (№ 79). С. 4.

¹⁹Падбярэзны А. Гэта ганьбіць горад // Чырв. змена. 1961. 20 ліп. (№ 142). С. 3.

²⁰НАРБ. Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 638. Арк. 149.

²¹Кухараў С. У школах сталіцы перад сумесным навучаннем // Настаўн. газ. 1954. 12 жн. (№ 32). С. 3.

²²Какие они – Ромео и Джульетта XX века? // Знамя юности. 1965. 21 нояб. (№ 231). С. 2.

²³Photocopy of pages from the diary of Lee Harvey Oswald, in which he discusses his time spent in the USSR // The Portal to Texas History [Electronic resource]. URL: <https://texashistory.unt.edu/ark:/67531/metapath339322/m1/57/> (date of access: 01.03.2022).

²⁴Што вы параіце? // Маладосць. 1956. № 2. С. 20 ; Там жа. № 4. С. 17 ; Там жа. № 5. С. 17 ; Там жа. № 6. С. 21 ; Там жа. № 7. С. 16.

²⁵Асіпенка А. Пра каханне, вернасць і здраду // Чырв. змена. 1959. 6 жн. (№ 153). С. 3.

адносін рэгулярна абмяркоўваліся з актыўным удзелам школьнікаў у рубрыцы «Любоў ды лад» у газеце «Знамя юности»²⁶.

Лісты ўдзельнікаў дыскусій прыадчынялі заслону над найбольш нябачным сегментам паўсядзённага жыцця жыхароў БССР. Паэтка Е. Я. Лось распавядала чытачам газеты «Звязда» пра лёс беларускай вясковай дзяўчыны, які, на жаль, не быў унікальным для таго часу: «У пошуках лёгкай долі вырашыла паехаць у новыя мясціны, але не ўпрацавала там, збегла. Вярнуўшыся ж у Мінск, пачала галоўным чынам “гуляць” кожны вечар з новым знаёмым, а то і з проста сустрэтым на вуліцы... Ці можна так марнаваць маладосць? Не!»²⁷

Дыскусіі «пра гэта» ішлі не толькі на старонках перыядычных выданняў, але і ў непасрэдных зносінах на адукацыйных, клубных і іншых пляцоўках. Адна з першых падобных дыскусій распачала 1957/58 навучальны год у Пінску, дзе па ініцыятыве мясцовага камсамола адбылася вечарына кахання і кветак. Яе ўдзельнікі танцавалі, дэкламавалі вершы, а таксама ўдзельнічалі ў дыспуце, куды «ханжам уваход быў забаронены»²⁸. Папулярнасць публічнага абмеркавання пытанняў кахання ў моладзевым асяродку хутка расла і дасягнула піка ў сярэдзіне 1960-х гг. Такая масавізацыя мела адваротны бок у выглядзе прымітывізацыі праблем, што абмяркоўваліся. Гэта было заўважана педагогамі-наватарамі: «Мы захапіліся шырокавяшчальнымі спрэчкамі і лекцыямі на гэтую тэму, часам бесцырымонна аналізуем пачуцці і адносіны маладых людзей, якія сядзяць тут жа ў зале. Ці не таму ў некаторых з іх складаецца ўяўленне, што аб самых патаемных чалавечых перажываннях можна казаць на шматлюдных сходах? На словах – усяляе кахання, на справе – выхаванне непавягі да яго»²⁹.

Сексуальныя паводзіны і каштоўнасці моладзі імкліва змяняліся, але рэтраграды, якія кіравалі сферай адукацыі, рабілі выгляд, што нічога не адбываецца. Заклікі вучоных тэрмінова распачынаць палавое выхаванне падлеткаў на ўзор варшаўскай дашлюбнай і сямейнай кансультацыі ігнараваліся [4, с. 201]. Сведчанні глыбокіх, доўгатэрміновых і незваротных перамен трактаваліся як справакаваныя шкодным заходнім уплывам асобныя выпадкі, надзвычайныя здарэнні, з якімі трэба змагацца з дапамогай адміністрацыйных мер. Адно з найбольш скандальных здарэнняў падобнага кшталту адбы-

лося ў 1962 г. у 10-м класе сталічнай школы № 47: вучні адмовіліся ад школьнай формы, строгіх прычосак, захапіліся рок-н-ролам, творчасцю Э. М. Рэмарка і асабістымі пачуццямі. На думку чыноўнікаў Міністэрства асветы БССР, вінаваты ў гэтым быў класны кіраўнік дзесяцікласнікаў настаўнік фізікі В. Б. Ліпніцкі – прыхільнік «вольных поглядаў на выхаванне, пазычыўшы на Захадзе чужыя савецкім людзям элементы маралі і ідэалогіі»³⁰. Педагагічны эксперымент, які праводзіў малады настаўнік, па загаду зверху быў тэрмінова спынены пасля таго, як тры вучаніцы па чарзе прызналіся яму ў каханні.

Зніжэнне ўзросту сексуальнага дэбюту, які ўсё радзей супадаў з узростам уступлення ў шлюб, зафіксавала сацыялагічнае даследаванне 1968 г., праведзенае савецкімі вучонымі А. Г. Харчавым і С. І. Голадам. З яго вынікае, што дашлюбныя палавыя кантакты падтрымлівалі 62,0 % маладых мужчын і 55,0 % маладых жанчын. Да паўналецця палавое жыццё пачыналася ў 14,5 % дзяўчат і 52,5 % юнакоў. Ад уступлення ў інтымную сувязь дзяўчын утрымлівалі маральныя меркаванні і адсутнасць палавой цягі, хлопцаў – адсутнасць спрыяльнага выпадку [5, с. 138]. Гэта агульнасаюзная статыстыка пацвярджаецца беларускімі архіўнымі матэрыяламі. Так, вынікі праверкі рэспубліканскіх школ-інтэрнатаў, якая праводзілася ў канцы 1962 г., паказалі шматлікія дысцыплінарныя парушэнні, многія з якіх з’яўляліся насамрэч праявамі ранняй падлеткавай сексуальнасці³¹.

Адным са сваіх найважнейшых дасягненняў на шляху камуністычнага будаўніцтва кіраўніцтва КПБ лічыла ўцягненне жанчыны ў сацыяльна-эканамічнае жыццё. Сапраўды, у 1963 г. у агульнай колькасці працоўных рэсурсаў БССР жанчыны складалі 55,5 %³². Аднак сапраўднай гендарнай роўнасці дасягнута не было. У сферы працоўнай дзейнасці адбылося не столькі выраўноўванне магчымасцей жанчын і мужчын, колькі фемінізацыя ніжэйшых узроўняў прафесійнай іерархіі. Жанчыны займалі менш прэстыжныя працоўныя месцы, якія горш аплачваліся, і значна радзей за мужчын былі прадстаўлены на вышэйшых прыступках падзелу працы. У 1950–60-я гг. сярэдні заробак беларускіх жанчын, сярод якіх 36,0 % ніколі не наведвалі школу і прыкладна столькі ж мелі пачатковую і няскончаную сярэднюю адукацыю, быў амаль на траціну ніжэй, чым у мужчын³³.

²⁶Пешко В. Сто вопросов Амуру // Знамя юности. 1966. 30 янв. (№ 21). С. 2 ; Мелешко А. Клуб «Счастье» нужен // Знамя юности. 1966. 13 окт. (№ 199). С. 4.

²⁷Лось Е. Чысціня дзявочага імені // Звязда. 1960. 18 снеж. (№ 298). С. 4.

²⁸Сердюк Л. Праздник любви и цветов // Знамя юности. 1957. 27 авг. (№ 169). С. 3.

²⁹Гуревич Т. О любви с 8 до 11 // Знамя юности. 1965. 18 марта (№ 54). С. 3.

³⁰НАРБ. Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 233. Арк. 55–59.

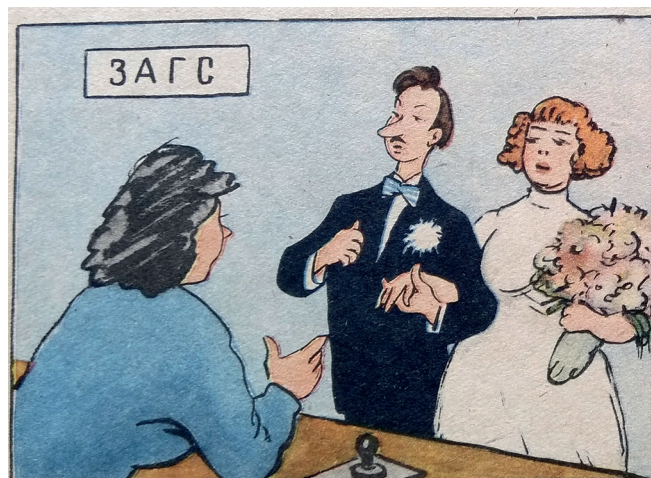
³¹Там жа. Воп. 97. Спр. 141. Арк. 8.

³²Ткаченко В. Ликвидация остатков бытового неравенства женщины // Коммунист Белоруссии. 1963. № 10. С. 56.

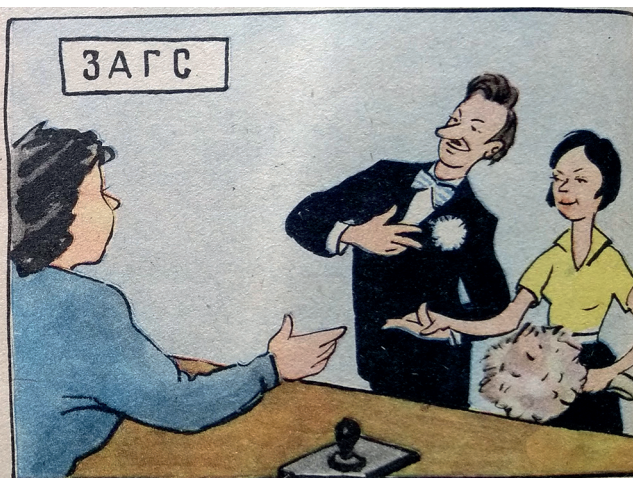
³³НАРБ. Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 576. Арк. 22.



А. Дзітлаў. Фотаэцюд «На прастор».
Крыніца: Беларусь. 1960. № 9. Уклейка
A. Dzitlaq. Photo study «To the vastness».
Source: Belarus. 1960. No. 9. Insert



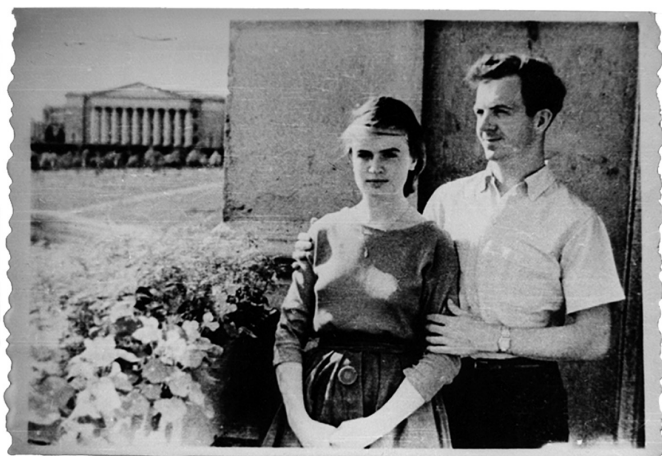
— Заяву вашу прымаем, а вы падумайце...



— Я падумаў...

Малюнак З. ПАЎЛОЎСКАГА

З. Паўлоўскі. Карыкатура «У загсе».
Крыніца: Вожык. 1964. № 8. С. 6
Z. Pawlowski. Caricature «At the register office».
Source: Vozhyk. 1964. No. 8. P. 6



Лі Харві Освальд з Марынай Прусакавай
на балконе яго мінскай кватэры. 1961.
Крыніца: Life. 1964. 10 ліп. Вкладка
Lee Harvey Oswald and Marina Prusakova
on the balcony of his flat in Minsk. 1961.
Source: Life. 1964. July 10. Cover page



Ю. Іваноў. Манекеншчыцы Мінскага дома мадэляў. 1966.
Крыніца: архіў аўтара
Ju. Ivanow. Models of Minsk fashion house. 1966.
Source: author's archive

У 1966 г. супрацоўнікі сектара этнаграфіі Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР падзяліліся з шырокай аўдыторыяй несучаснымі вынікамі даследавання сямейнага побыту насельніцтва. З іх вынікала, што ў большасці сем'яў хатнія абавязкі падзяляліся на мужчынскія і жаночыя. Да ліку жаночых традыцый адносіла найбольш працаёмкія заняткі, такія як гатаванне ежы, мыццё бялізны, мыццё падлогі, дагляд дзяцей. Працягласць працоўнага дня сярэднестатыстычнай гараджанкі, які ўключаў вытворчую і хатнюю работу, складала 12 гадзін. У вясковых жанчын у летні перыяд гэты паказчык дасягаў 17 гадзін. У той жа час у большасці беларускіх мужчын працягласць працоўнага дня з улікам вытворчай і хатняй работы не перавышала 9 гадзін³⁴.

Разам з тым вецер змен пасля XX з'езда КПСС разбураў звыклія гендарныя стэрэатыпы маскуліннасці і феміннасці. Адносіны мужчын і жанчын ва ўсіх сферах грамадскага і асабістага жыцця рабіліся больш дэмакратычнымі і роўнымі. Гэта давала прастору для развіцця індывідуальнасці, але разам з тым спараджала новыя сацыяльныя і псіхалагічныя праблемы і канфлікты. Некаторыя выказвалі нязгоду з другаснай, падпарадкаванай роляй жанчыны ў сексуальна-шлюбных дачыненнях³⁵, іншых раздражнялі праявы жаночай эмансipaцыі нахшталт публічнага курэння, якое набывала характар эпідэміі³⁶. Усё часцей жанчыны неслі адказнасць за сямейны бюджэт і рашэнне асноўных пытанняў хатняга жыцця. З 748 даследаваных у другой палове 1950-х гг. беларускімі этнографамі рабочых сем'яў Мінска 219 кіраваліся жанчынамі³⁷.

Бальшавіцкі лозунг роўнасці палоў больш не разумеўся механістычна, як аднолькавасць ва ўсім, не зважаючы нават на біялагічныя адрозненні мужчын і жанчын. Прыкметай вяртання права жанчыны на іншасць было з'яўленне жаночых саветаў, якія замянілі скасаваныя І. В. Сталіным жанаддзелы. На МАЗе адкрыўся клуб для дзяўчат, дзе абмяркоўваліся побытавыя, маральныя і медыцынскія праблемы³⁸, на сталічнай вул. Друкарскай адчыніў свае дзверы салон «Прыгажосць», які прапаноўваў увесь спектр касметалагічных працэдур³⁹, на Мінскай швейнай фабрыцы імя М. В. Фрунзе пачалася вытворчасць першых беларускіх карсетных вырабаў [6, с. 97].

Звычайныя беларускія жанчыны вучыліся насіць эlegantныя гарнітуры, туфлі на шпільцы, высокія прычоскі і, канешне, карыстацца касметыкай. Гэта

быў масавы пратэст супраць мяшчанскага ханжаства і ўльтыматыўнае сцвярджэнне індывідуальнага права на прыгажосць. Стаць моднымі беларускай дапамагаў не толькі заходні кінематограф, але і Мінскі дом мадэляў, першы поспех якому прынесла калекцыя мастака І. Б. Булгакавай, прадстаўленая ў 1967 г. на Міжнародным фестывалі мод у Маскве.

У выступленні на XXII з'ездзе КПСС М. С. Хрушчоў катэгарычна спыніў усе спробы працягнуць грамадскую дыскусію 1920-х гг. пра лёс сям'і пры камунізме: «Некаторыя няслушна лічаць, што значэнне сям'і пры пераходзе да камунізму нібыта змяншаецца, а потым яна зусім знікне. У рэчаіснасці пры камунізме сям'я ўмацуецца, сямейныя адносіны канчаткова ачысцяцца ад матэрыяльных разлікаў, дасягнуць высокай чысціні і трываласці»⁴⁰.

Аднак у рэальным жыцці ў сямейна-шлюбных адносінах адбываліся зусім іншыя зрухі, абумоўленыя агульнымі заканамернасцямі індывідуалізацыі грамадскага жыцця. У адрозненне ад сталінскага, патрыярхальнага па сваёй сутнасці грамадства чалавек часоў адлігі пачынаў адчуваць сябе цэнтрам уласнага жыццёвага свету. Адпаведна павялічваліся аўтаномнасць і значнасць кожнага члена сям'і. Усё больш шлюбаў былі вынікамі вольнага выбару, кахання, што рабіла іх інтымнымі, але ў той жа час крохкімі. З'явілася ўстаноўка на магчымую часовасць шлюбнага саюзу, што спрыяла павелічэнню колькасці разводаў.

Паводле даных Цэнтральнага статыстычнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР, у другой палове 1950-х – пачатку 1960-х гг. колькасць разводаў мела сталую тэндэнцыю да павелічэння з адначасовым змяншэннем ліку шлюбаў і нараджэнняў. З 1955 па 1965 г. агульная колькасць разводаў у рэспубліцы павялічылася з 2397 да 9734 выпадкаў (у тым ліку ў горадзе яна склала лічбу ад 2066 да 7663, у вёсцы – ад 331 да 2071). За той жа час агульная колькасць шлюбаў скарацілася з 89 832 да 70 594 выпадкаў (у тым ліку ў горадзе яна павялічылася з 31 886 да 34 854, у вёсцы скарацілася з 57 946 да 35 740) на год. Колькасць нараджэнняў на тысячу насельніцтва за тое ж дзесяцігоддзе зменшылася з 24,9 да 17,9 выпадкаў (у тым ліку ў горадзе яна знізілася з 26,6 да 19,1, у вёсцы – з 24,3 да 17,1) на год⁴¹.

Праведзены Вярхоўным судом БССР аналіз судовай практыкі сведчыў аб тым, што прыкладна палова шлюбаразводных спраў, разгледжаных у рэспубліцы ў 1962 г., былі ўзбуджаны па прычыне легкадушнага ўступлення маладых людзей у шлюб пасля

³⁴Іванов В. О «мужских» делах и «женских» // Знамя юности. 1966. 23 сент. (№ 185). С. 4.

³⁵Рыма Л. Кахаць – значыць ва ўсім дагаджаць? // Чырв. змена. 1967. 12 студз. (№ 9). С. 2.

³⁶Широкий Г. Боюсь – закурю // Знамя юности. 1961. 19 янв. (№ 15). С. 3.

³⁷Іванов В. Кто он, капитан семейного корабля? // Знамя юности. 1966. 25 нояб. (№ 229). С. 4.

³⁸Няхай В. Клуб дзяўчат // Маладосць. 1956. № 10. С. 8.

³⁹Мозговая Л. Где стать красивой? // Знамя юности. 1966. 13 февр. (№ 31). С. 2.

⁴⁰XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 222.

⁴¹Население Республики Беларусь : стат. сб. / редкол.: В. И. Новоселов [и др.]. Минск : Статиздат, 2007. С. 104, 144–146.

непрацяглага знаёмства. У Магілёўскай вобласці гэты паказчык склаў 66 %. Тыповыя тлумачэнні, якія маладыя людзі давалі суддзям падчас разгляду іх спраў, былі наступнымі: «Ганчарова я не любіла, калі выходзіла замуж, спадзявалася, што прызвычаюся да яго, але не змагла»; «Мы пазнаёміліся і назаўтра пайшлі ў загс, не ведаючы адно аднаго і не любячы»; «Я сам не ведаю, чаму я пакінуў жонку, я не разумею, што ёсць каханне»⁴². Вядомы беларускі спецыяліст у галіне сямейнага права М. Р. Юркевіч з трывогай канстатаваў: «Часта дзеці не лічаць сябе абавязанымі паведамляць бацькам аб сваім уступленні ў шлюб»⁴³.

Падобная мадэль паводзін была уласцівая не толькі гарадской моладзі. На працягу 1950–60-х гг. у беларускай вёсцы статус галавы сям’і рабіўся ўсё больш фармальным. Змянялася стаўленне да пасагу, пазашлюбнай нараджальнасці, незамужніх жанчын, старэйшых за 25 гадоў [7, с. 401–405]. Рэцыдывы патрыярхальнасці, калі маладых жанілі супраць іх волі па дамоўленасці бацькоў, выносіліся на публічнае асуджэнне. У 1965 г. карэспандэнт газеты «Чырвоная змена» паведаміў пра жыхарку Веткаўскага раёна, якая са згоды дырэктара школы выдала замуж 16-гадовую дачку за мясцовага кінамеханіка. Праз некалькі тыдняў пасля вяселля жонка-школьніца, якую рэгулярна збіваў п’яніца муж, апынулася ў Гомельскім дзіцячым прыёмніку⁴⁴. Загсы, падпарадкаванне якіх у 1957 г. перайшло ад Міністэрства ўнутраных спраў да выканкамаў мясцовых саветаў, рэгістравалі падобныя прымусовыя «шлюбы» з непаўналетнімі ў в. Цітава Пухавіцкага раёна⁴⁵ і некаторых іншых мясцовасцях.

Пасля з’яўлення 10 снежня 1965 г. Указа Вярхоўнага Савета СССР «Аб некаторых зменах парадку разгляду ў судах спраў аб скасаванні шлюбу», які спрашчаў судовую працэдуру разводу і адмяняў патрабаванне змяшчаць абвесткі пра яго ў газетах, паступленне падобных спраў у суды БССР павялічылася амаль удвая. У 1966 г. у 52 % выпадкаў ініцыятарамі разводу з прычыны пераважна п’янства і здрады з’яўляліся жанчыны⁴⁶.

Сямейную структуру насельніцтва моцна дэстабілізавала вайна. Нечувальныя страты мужчынскага насельніцтва пазбавілі многіх жанчын шлюбных партнёраў, што прывяло да значнага павелічэння

колькасці ўдоў і жанчын, якія ніколі не знаходзіліся ў шлюбе. На 1 студзеня 1959 г. у БССР пражывалі 4 473 608 асоб жаночага і 3 587 040 асоб мужчынскага полу, з іх у шлюбе знаходзіліся 1 650 409 жанчын і 1 592 685 мужчын⁴⁷.

Падобны дысбаланс нарадзіў тып мужчыны, схільнага да шлюбных здрад і сексуальных прыгод без абавязацельстваў. Да вольнага ладу жыцця падштурхоўвала скасаванне ў 1954–1957 гг. 6-працэнтнага падатку на халасцякоў, уведзенага ў часы вайны. У 1960-я гг. палігамныя мужчыны зрабіліся аб’ектам сталай крытыкі на старонках СМІ. Часопіс «Работніца і сялянка» рэгулярна друкаваў фотаздымкі, імёны і адрасы збеглых неплацельчыкаў аліментаў. Часопіс «Вожык» высмейваў жонак, спрабаваўшых спагнаць аліменты з законнага мужа, які ўтрымліваў некалькі каханак. Сацыяльна небяспечную з’яву заўважыла беларуская літаратура. У 1960 г. П. У. Броўка напісаў сатырычны верш, які пачынаўся папярэджаннем для ўсіх жанчын: *Скажу вам быль, не плётку, / Пра жоха аднаго, / Дзяўчаты і малодкі, / Пабойцеся яго*⁴⁸.

Яшчэ адным фактарам змянення адносін да шлюбу быў недахоп жылплошчы ў гарадах, перш за ўсё ў Мінску. Ва ўмовах, калі разлічваць на ўласную кватэру маглі толькі сем’і, пашырыліся выпадкі заключэння шлюбаў дзеля кватэры, а таксама нараджэнне дзяцей у мэтах павелічэння жылплошчы. Акрамя таго, шлюб па разліку, які афіцыйна асуджалі, даваў магчымасць атрымаць сталічную прапіску, пазбегнуць размеркавання пасля заканчэння вышэйшай навучальнай установы, атрымаць маёмасць мужа ці жонкі пасля іх смерці і нават з’ехаць за мяжу [8, с. 129]. Пра пашырэнне гэтай негатыўнай з’явы ўскосна сведчыла прэм’ера оперы Ю. В. Семянякі «Калючая ружа» ў 1960 г., пафас якой быў накіраваны супраць шлюбаў па разліку⁴⁹.

Змены ў сямейна-шлюбных адносінах у гэты час суправаджаліся выбухам нараджальнасці, пік якой прыпаў на 1958 г., калі ў БССР нарадзіліся 207 745 дзяцей⁵⁰ (для параўнання: у 2019 г. з’явіліся на свет 87 602 дзіцяці). З’ява, вядомая ў свеце як бэбі-бум, выклікала не толькі аптымізм, але і праблемы. Чэргі ў дзіцячыя садкі рэспублікі ўвесь час павялічваліся, дасягнуўшы ў 1965 г. лічбы ў 105 тыс. дзяцей ва ўзросце ад 3 да 6 гадоў⁵¹.

⁴²Хвостов А. Трагедии по легкомыслию // Знамя юности. 1962. 6 июня (№ 112). С. 2.

⁴³Юркевич Н. Зойдзем у загс // ЛіМ. 1957. 9 студз. (№ 3). С. 4.

⁴⁴Альгерчык У. Вяселле па прымусу // Чырв. змена. 1965. 6 лют. (№ 25). С. 2.

⁴⁵Кац І. Сябры адвялі бяду // Чырв. змена. 1965. 16 лют. (№ 32). С. 3.

⁴⁶Юркевич Н. Г. Брак и его правовое регулирование в СССР (по материалам Белорусской ССР) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.00. М., 1967. 45 с.

⁴⁷НАРБ. Ф. 4п. Воп. 62. Спр. 576. Арк. 4.

⁴⁸Броўка П. Раённы кавалер // Вожык. 1960. № 3. С. 4.

⁴⁹Жураўлёў Д. Яркія фарбы «Калючай ружы» // Звязда. 1960. 30 ліст. (№ 281). С. 4.

⁵⁰Численность, состав и движение населения Белорусской ССР / ЦСУ при Совете Министров БССР. Минск : [б. и.], 1966. С. 49.

⁵¹НАРБ. Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 266. Арк. 307.

Пасля з'яўлення ў кастрычніку 1968 г. дакумента «Асновы заканадаўства Саюза ССР і саюзных рэспублік аб шлюбе і сям'і» распачалася актыўная праца па падрыхтоўцы другога па ліку беларускага сямейна-шлюбнага кодэкса. Беларускім заканадаўцам было дазволена крыху развіць і дапоўніць некаторыя фармулёўкі дакумента, захаваўшы яго сутнасныя палажэнні. У выніку з'явіўся Кодэкс аб шлюбе і сям'і БССР, ухвалены на сесіі Вярхоўнага Савета БССР 13 чэрвеня 1969 г. Новы кодэкс яшчэ больш спрасціў працэдуру скасавання шлюбу, якая пры ўзаемнай згодзе зацікаўленых бакоў і адсутнасці непаўналетніх дзяцей адбывалася ў загсе. Ад шматлікіх ранейшых правіл, якія рэгламентавалі дзейнасць суда па скасаванні шлюбу, засталіся толькі два: суд прымае меры да прымірэння мужа і жонкі; шлюб скасоўваецца, калі судом будзе ўстаноўлена, што далейшае сумеснае жыццё

мужа і жонкі і захаванне сям'і сталі немагчымымі⁵². Разлука была немагчымай толькі падчас цяжарнасці жонкі і на працягу аднаго года пасля нараджэння дзіцяці. У выпадку нараджэння дзіцяці ў бацькоў, якія не знаходзіліся ў шлюбе, бацькоўства высялялася ў судзе, які ўлічваў сумеснае пражыванне, вядзенне агульнай гаспадаркі і выхаванне дзіцяці⁵³.

Такім чынам, новы шлюбны кодэкс 1969 г. зафіксаваў адыход ад сталінскай мадэлі сямейна-шлюбных адносін у бок сучаснай, больш дэмакратычнай сямейнай палітыкі. Яе стваральнікі не ставілі мэту дасягнуць сексуальнага разняволення асобы, а імкнуліся змякчыць дзяржаўны кантроль над ёй. Тым не менш пры ўсіх абмежаваннях прызнанне ў афіцыйным дыскурсе эпохі адлігі наяўнасці полу і сексуальнасці паспрыяла мадэрнізацыі беларускага грамадства ў цэлым.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Лебина НБ. *Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 203 с.
2. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Москва: Касталь; 1996. 448 с.
3. Нойберт Р. *Вопросы пола*. Москва: Медгиз; 1960. 87 с.
4. Лаптенко С. *Мораль и семья*. Минск: Наука и техника; 1967. 244 с.
5. Харчев АГ, Голод СИ. Молодежь и брак. В: Ананьев БГ, Дмитриев АВ, Керимов ДА, Кузьмин ЕС, Орехов ВВ, Полозов ВР, редакторы. *Человек и общество. Ученые записки. Выпуск 6. Социальные проблемы молодежи*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1969. с. 125–142.
6. Бембель Т, составитель. *Milavitsa. 100 лет истории: 1908–2008*. Минск: Полипринт; 2008. 219 с.
7. Лавриновская ИВ. Традиции и новации в брачно-семейных установках сельской женщины в Беларуси в XX – начале XXI в. *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. 2011;11:399–407.
8. Юркевич Н. *Заключение брака по советскому праву*. Минск: Наука и техника; 1965. 141 с.

References

1. Lebina NB. *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'* [Man and woman: body, fashion, culture. The USSR is a thaw]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 203 p. Russian.
2. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: beyond knowledge, power, and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal'; 1996. 448 p. Russian.
3. Neubert R. *Die Geschlechterfrage*. Rudolstadt: Greifenverlag; 1956. 199 S. Russian edition: Neubert R. *Voprosy pola*. Moscow: Medgiz; 1960. 87 p.
4. Laptенок S. *Moral' i sem'ya* [Morality and family]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1967. 244 p. Russian.
5. Kharchev AG, Golod SI. [Youth and marriage]. In: Anan'ev BG, Dmitriev AV, Kerimov DA, Kuz'min ES, Orekhov VV, Polozov VR, editors. *Chelovek i obshchestvo. Uchenye zapiski. Vypusk 6. Sotsial'nye problemy molodezhi* [Man and society. Scientific notes. Issue 6. Social problems of youth]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1969. p. 125–142. Russian.
6. Bembel' T, compiler. *Milavitsa. 100 let istorii: 1908–2008* [Milavitsa. 100 years of history]. Minsk: Poliprint; 2008. 219 p. Russian.
7. Lavrinovskaya IV. [Traditions and innovations in the marital and family attitudes of rural women in Belarus in the 20th – early 21st century]. *Pytanni mastactvaznavstva, jetnalogii i fal'klarystyki*. 2011;11:399–407. Russian.
8. Yurkevich N. *Zaklyuchenie braka po sovetskomu pravu* [Marriage under Soviet law]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1965. 141 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.01.2022.
Received by editorial board 18.01.2022.

⁵²Кодэкс аб шлюбе і сям'і Беларускай ССР // Збор законаў, указаў Прэзідыума Вярхоўн. Савета Беларус. ССР, пастаноў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларус. ССР. 1969. 14 чэрв. (№ 17). С. 374.

⁵³Там жа. С. 378.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(2)

ИНСТИТУТ НАУЧНОГО АТЕИЗМА И РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР В 1960–80-х гг.

О. В. МЕТЕЛЬ^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет,
пл. Миусская, 6, 125047, г. Москва, Россия

²⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

Исследуется история открытия Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в контексте трансформации советских религиозных исследований середины XX в. Используется широкий круг опубликованных и ранее не введенных в научный оборот архивных материалов. Анализируются причины создания института, рассматриваются организационные единицы, на базе которых он появился. Пристальное внимание уделяется реконструкции внутренней структуры учреждения и его кадровому составу. Изучается эволюция проблемных групп института, а также особенности организации его региональных отделений, представленных опорными пунктами и филиалами. Отмечается, что основной особенностью кадровой структуры института являлось активное вовлечение в работу бывших партийных работников, которые постепенно приобретали необходимые квалификационные признаки. В памяти научного сообщества остались имена лишь нескольких фигур, признанных классиками отечественного религиоведения. Делается вывод о том, что сотрудники института ориентировались на изучение наиболее актуальных и практически значимых сюжетов, связанных с атеистическим воспитанием или религиозной ситуацией в мире. Именно поэтому деятельность института обеспечила существенное сужение исследовательского поля советского религиоведения, которое с середины 1960-х гг. стало развиваться в пространстве советской философии.

Образец цитирования:

Метель ОВ. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;2:40–50.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

For citation:

Metel OV. The Institute of the Scientific Atheism and the transformation of the field of religious studies in the USSR in the 1960–80s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;2:40–50. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

Автор:

Ольга Вадимовна Метель – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник¹⁾, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета²⁾.

Author:

Olga V. Metel, PhD (history); senior researcher^a and associate professor at the department of general history, faculty of history^b.
olgametel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Ключевые слова: Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС; советское религиозное движение; наука о религиях; советский атеизм.

Благодарность. Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10095).

ІНСТЫТУТ НАВУКОВАГА АТЭІЗМУ І РАЗВІЦЦЁ РЭЛІГІЯЗНАЎЧЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ У СССР У 1960–80-я гг.

В. В. МЯЦЕЛЬ^{1*, 2*}

^{1*}Расійскі дзяржаўны гуманітарны ўніверсітэт,
пл. Міуская, 6, 125047, г. Масква, Расія

^{2*}Омскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. М. Дастаеўскага, пр. Міру, 55а, 644077, г. Омск, Расія

Даследуецца гісторыя адкрыцця Інстытута навуковага атэізму Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС у кантэксце трансфармацыі савецкіх рэлігійзнаўчых даследаванняў сярэдзіны XX ст. Выкарыстоўваецца шырокае кола апублікаваных і раней не ўведзеных у навуковы зварот архіўных матэрыялаў. Аналізуюцца прычыны з'яўлення інстытута, разглядаюцца арганізацыйныя адзінкі, на базе якіх ён быў створаны. Пільная ўвага надаецца рэканструкцыі ўнутранай структуры інстытута і яго кадраваму складу. Даследуецца эвалюцыя праблемных груп установы, а таксама асаблівасці арганізацыі яе рэгіянальных аддзяленняў, прадстаўленых апорнымі пунктамі і філіяламі. Адзначаецца, што асноўнай асаблівасцю структуры інстытута з'яўлялася актыўнае прыцягненне да яго працы былых партыйных работнікаў, якія паступова набывалі неабходныя кваліфікацыйныя прыкметы. У памяці навуковай супольнасці засталіся імёны толькі некалькіх фігур, прызнаных класікамі айчыннага рэлігійзнаўства. Робіцца выснова аб тым, што супрацоўнікі інстытута арыентаваліся на вывучэнне найбольш актуальных і практычна значных сюжэтаў, звязаных з атэістычным выхаваннем або рэлігійнай сітуацыяй у свеце. Менавіта таму дзейнасць інстытута забяспечыла істотнае звужэнне даследчага поля савецкага рэлігійзнаўства, якое з сярэдзіны 1960-х гг. стала развівацца ў прасторы савецкай філасофіі.

Ключавыя словы: Інстытут навуковага атэізму Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК КПСС; савецкае рэлігійзнаўства; навука аб рэлігіях; савецкі атэізм.

Падзяка. Даследаванне праводзілася пры падтрымцы Расійскага навуковага фонда (праект № 20-78-10095).

THE INSTITUTE OF THE SCIENTIFIC ATHEISM AND THE TRANSFORMATION OF THE FIELD OF RELIGIOUS STUDIES IN THE USSR IN THE 1960–80s

O. V. METEL^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia

^bDostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia

This article examines the history of the opening of the Institute of Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in the context of the transformation of Soviet religious studies in the mid 20th century. The author relies on a wide range of archival materials published and not previously introduced into scientific circulation. The author analyses the reasons for the emergence of the institution, examines the organisational units on the basis of which a new institution emerged. Close attention is paid to the reconstruction of the internal structure of the Institute of Scientific Atheism and its staff. Within the framework of the first of the named plots, the author studies both the evolution of problem groups of the institute and the peculiarities of the organisation of its regional branches, represented by support points and branches. Analysing the personnel structure of the Institute of Scientific Atheism, the author notes that its main feature is the active involvement of former party workers in the work of this center, who gradually acquired the necessary qualifications (in particular, candidate and doctoral dissertations). And although in the 1970–80s all employees of this center met the formal requirements for Soviet social scientists, the memory of the scientific community retained the names of only a few figures recognised as classics of Russian religious studies. Having reconstructed the main directions of research activities of the Institute of Scientific Atheism, the author comes to the conclusion that his employees were guided by the study of the most relevant and practically significant topics related to atheistic education or the religious situation in

the modern world. That is why it was the activities of the Institute of Scientific Atheism that provided a significant narrowing of the research field of Soviet religious studies, which since the mid 1960s began to develop in the space of Soviet philosophy.

Keywords: the Institute of the Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU; the Soviet religious studies; the science of religions; the atheism.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10095).

Введение

На протяжении последних десятилетий история советского религиоведения неоднократно привлекала внимание исследователей, которые стремились не только реконструировать общий этос научной традиции, но и осветить деятельность отдельных советских специалистов и научно-исследовательских учреждений, занимавшихся религиозной и антирелигиозной проблематикой в СССР [1–4]. Отмечая безусловный эвристический потенциал подобных трудов, позволяющих уточнить многие детали общей схемы развития отечественной религиоведческой традиции (а в дальнейшем, вероятно, и вовсе поставить под сомнение ее первоначальный вариант), мы, однако, не можем не затронуть известную хронологическую избирательность авторов, которые обращались к анализу советского религиоведения преимущественно 1920–30-х гг. Возможно, причина столь пристального внимания специалистов к указанному периоду двояка. С одной стороны, как не раз отмечали ученые, трагедия завораживает, а для отечественной науки в силу многих причин 1910–40-е гг. были и героическими, и трагическими одновременно [5, с. 98]. С другой стороны, хронологическая избирательность современных религиоведов диктуется и соображениями прагматического толка: при изучении событий почти столетней давности ученый располагает необходимой временной дистанцией и может более свободно размышлять о путях эволюции науки, не опасаясь вступить в конфликт с корпоративной памятью или поступить неэтично в отношении тех лиц, чья научная карьера еще не завершена. Недаром публикация мемуаров историка А. А. Зимина, в которых автор дал весьма острые характеристики своим коллегам, вызвала

столь широкий общественный резонанс и спровоцировала серьезную полемику в среде историографов [6]. И все же, даже принимая в расчет сказанное, мы полагаем, что реконструкция истории советского религиоведения невозможна без детального рассмотрения особенностей ее развития в позднесоветский период, когда, как удачно показал в своей последней монографии В. Смолкин [7], изменился не только общий идеологический контекст эпохи, но и правительственный курс в отношении религии и способов ее изучения. Именно поэтому мы обратились к истории становления ключевого позднесоветского научного центра, связанного с разработкой религиоведческой проблематики в широком тематическом диапазоне, – Института научного атеизма (ИНА) Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Безусловно, деятельность данной институции уже становилась объектом научного анализа. Наряду с монографией В. Смолкина, в которой ИНА посвящены несколько параграфов отдельной главы [7, с. 304–308], можно отметить статью бывшего сотрудника института Ю. П. Зуева, проанализировавшего основные направления деятельности учреждения в 1960–80-х гг. [8]. Наша статья отчасти продолжает исследования коллег, опираясь на сделанные ими выводы. Однако ракурс рассмотрения заявленных сюжетов в статье все же будет несколько отличаться от того, что был задан предшественниками. Задача настоящей работы – реконструировать организационную и кадровую структуру ИНА, охарактеризовав основные направления его работы и определив общую роль института в трансформации поля советских религиоведческих исследований 1960–80-х гг.

Методология исследования

Для решения поставленной задачи мы использовали институциональный подход. В целом для историографа или историка науки институциональный подход, с помощью которого научно-образовательные институты рассматриваются как центры производства научного знания, не только предполагает изучение основных направлений их организации и реорганизации, но и требует анализа механизмов их деятельности, связанных с научными изысканиями, подготовкой индивидуальных, коллективных трудов и др. Именно поэтому

наше исследование проводилось в два этапа: на первом этапе мы реконструировали основные события, связанные с общей историей ИНА, на втором этапе проанализировали его кадровый состав и основные направления работы. Источниковой базой исследования стала делопроизводственная документация института, сохранившаяся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также научные, справочные и иные материалы, подготовленные в ИНА в 1960–80-х гг.

Основная часть

История ИНА началась в январе 1964 г., когда вышло постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», предписывавшее создать в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС специализированный институт – головное научно-исследовательское учреждение страны в области научного атеизма. С точки зрения руководителей идеологического фронта, это решение назревало уже давно: новое наступление на религию в стране началось еще в 1954 г., когда в условиях десталинизации периода оттепели партийные лидеры не просто отказались от прежнего компромисса в отношениях с Русской православной церковью, но и взяли курс на «развертывание научно-атеистической пропаганды», официально обязав всех членов партии «вести решительную борьбу с... религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого»¹. В отличие от 1920–30-х гг., когда подобная борьба носила ярко выраженный антиклерикальный характер и проводилась при помощи методов прямого физического устранения «религиозной угрозы», научно-атеистическая пропаганда 1950–60-х гг. должна была применять мирные средства идейного воздействия на советских граждан [7, с. 488–492], терпеливо разъясняя и доказывая несостоятельность религиозных верований и коренную противоположность науки и религии. Проводить такую работу должны были не специалисты-антирелигиозники времен культурной революции, высмеивавшие и «разоблачавшие» религиозные верования (что, впрочем, отнюдь не исключалось из арсенала средств борьбы с религиозными пережитками), а настоящие ученые-атеисты, способные поставить атеистическую пропаганду на твердый научный фундамент. И именно эту научную составляющую советской атеистической работы должен был обеспечить ИНА, взявший на себя выполнение задач по координации всей научной работы в области атеизма в СССР, разработке актуальных проблем данной дисциплины, подготовке «атеистов высшей квалификации» и др.²

Правда, ИНА, прежде чем приступить к выполнению возложенных на него функций, предстояло определить содержание понятия «научный атеизм» и очертить круг тем и сюжетов, которые должны были попасть в объектив исследовательского интереса его сотрудников. Недаром одной из первых

дискуссий, состоявшихся в стенах нового института еще в январе 1964 г., стало совещание работников ИНА по вопросу о предмете научного атеизма³. Как гласили материалы данного обсуждения, все члены ИНА воспринимали научный атеизм как часть марксистско-ленинской философии, полагая при этом, что он обладает собственным проблемным полем, связанным с изучением религии и способов ее преодоления. В дальнейшем это было закреплено на уровне учебной литературы в виде утверждения о том, что научный атеизм имеет два основных аспекта: теоретический аспект сводился «к раскрытию несостоятельности, иллюзорности религиозных представлений», а практический аспект был связан с формированием у советских граждан «атеистической сознательности и убежденности»⁴. Другими словами, сотрудникам ИНА предстояло стать не только учеными-религиоведами, отлично разбиравшимися в законах функционирования религии, но и атеистами-практиками, предлагавшими партийному руководству планы конкретных мероприятий, направленных на преодоление «религиозных пережитков»⁵.

Вероятно, именно поэтому ИНА был открыт в структуре АОН, а не в структуре Академии наук СССР, хотя именно в стенах последней во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. функционировали специализированные группы и сектора, выступившие в 1964 г. в роли фундамента для нового института, предоставив ему кадры работников, материальную базу и др. В частности, речь идет о секторе истории религии и атеизма Института истории АН СССР, секторе научного атеизма Института философии АН СССР, группе истории религии и атеизма Института этнографии АН СССР и, наконец, координационном совете (комиссии) по атеизму при Президиуме АН СССР⁶. Все они появились в высшем научном учреждении СССР на волне развертывания научно-атеистической пропаганды в годы оттепели⁷. Причем сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР и вовсе пережил в это время второе рождение: если в 1953 г. руководство института выступало с инициативой закрытия данного сектора, признанного неэффективным, то уже два года спустя в условиях изменившейся конъюнктуры оно было вынуждено вновь создавать специализированный религиоведческий центр⁸. С точки

¹О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, док. КПСС и Сов. государства. 2-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 82.

²РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

³Там же. Д. 12. Л. 1–41.

⁴О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, док. КПСС и Сов. государства. 2-е изд. М. : Политиздат, 1981. С. 8–9.

⁵РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 11. Л. 105.

⁶Отд. рукоп. Рос. гос. б-ки. Ф. 369. К. 454. Ед. хр. 12. Л. 50.

⁷Арх. РАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 400. Л. 73–87.

⁸Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 425. Л. 11.

зрения современных специалистов, результаты работы сотрудников названных академических подразделений были вполне удовлетворительными. Они проводили теоретические изыскания по истории и философии религии и атеизма, выполняли небольшие социологические исследования в Московской, Тамбовской, Липецко-Воронежской и Рязанской областях, готовили кадры высшей квалификации через систему аспирантуры и др.⁹ [9].

Однако в контексте институционального оформления научного атеизма как новой дисциплины, имевшей не только теоретическую, но и практическую составляющую, головной научно-исследовательский институт научно-атеистической направленности было решено открыть в другой советской академии – АОН. И такое решение кажется нам вполне логичным. Созданная еще в 1946 г. АОН функционировала при ЦК КПСС как «учебное заведение, готовящее кадры теоретических работников для центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), а также квалифицированных преподавателей высших учебных заведений, теоретических работников научно-исследовательских учреждений и научных журналов» [10, с. 46]. Следовательно, в отличие от АН СССР она была в большей степени подконтрольна советским идеологам, традиционно выступая в роли своеобразного проводника линии партии в пространстве советской гуманитаристики [11, с. 76–78]. А для научного атеизма, который задумывался в качестве поля для сотрудничества ученых и ответственных партийных работников, подобная среда была наиболее подходящей.

Именно поэтому первыми сотрудниками ИНА стали не только бывшие работники АН СССР, преподаватели Московского государственного университета или АОН при ЦК КПСС, но и бывшие сотрудники партаппарата, переведенные на научную работу с ответственных должностей. Как справедливо подчеркивает В. Смолкин, В. И. Евдокимов, ставший в 1960-х гг. одним из заместителей директора института, «пришел в ИНА после работы в аппарате ЦК КПСС, где был помощником Ильичева, возглавлявшего идеологические комиссии хрущевского периода», а П. К. Курочкин, занимавший в те же годы аналогичную должность, после продолжительной работы в партийном аппарате Новгородской области защитил диссертацию по философии в АОН и в течение некоторого времени являлся преподавателем данной академии [7, с. 312–313]. Схожим оказался и состав аспирантов и докторантов ИНА, которые, по воспоминаниям современников, нередко попадали в эту сферу случайно и рассматривали научно-атеистическую деятельность как своеобраз-

ный трамплин для последующей партаппаратной (реже – научной) карьеры или как шанс остаться в Москве [7, с. 315–316]. Этот вывод подтверждают и данные о трудоустройстве выпускников аспирантуры ИНА, которые после защиты диссертации занимали преимущественно ответственные должности в местных или столичных партийных структурах (весьма показателен в этом отношении случай сотрудника аппарата ЦК КПСС В. А. Сапрыкина, чья профессиональная биография была реконструирована Н. А. Митрохиным [12]). В результате ИНА мало отличался от других подразделений АОН, являясь важным научно-идеологическим центром партии, подконтрольным аппарату ЦК КПСС, а его руководители и сотрудники были включены в состав партийной номенклатуры и пользовались соответствующими привилегиями и в научной, и в бытовой сфере. К примеру, как и сотрудники и аспиранты других подразделений АОН, члены ИНА имели право на приоритетное получение научно-исследовательских командировок, в том числе зарубежных.

Однако мы полагаем, что было бы серьезной ошибкой рассматривать ИНА лишь как идеологический центр, а его сотрудников лишать статуса ученых и исследователей. Несмотря на то что кадровый состав данного института был пестрым (табл. 1), его научные сотрудники, каким бы ни был их путь к научно-исследовательской деятельности в области изучения атеизма и религии, все же вполне соответствовали формальным и неформальным требованиям, предъявляемым к советским ученым 1960–80-х гг. (хотя при этом мы можем согласиться с К. М. Антоновым, утверждавшим, что советские религиоведы следовали нормам, которые отличались от норм, сформулированных Р. Мертоном [13, с. 59–78]). Как показывают материалы работы аттестационных комиссий различных групп и отделов ИНА и документы обсуждения кандидатских и докторских диссертаций, требования, предъявляемые к научным атеистам, были вполне традиционными для советских академических институтов. Так, в конце 1970-х гг. принято решение не включать в штат института тех, кто не опубликовал ни одной научной работы за последние 7 лет (при этом производительность труда ведущих научных сотрудников ИНА составляла от 13 до 50 печ. л. в пятилетку, включая монографии, статьи и аналитические записки в ЦК¹⁰), а до этого рецензенты из ИНА не рекомендовали принимать к защите несколько докторских диссертаций, содержащих «бездоказательные декларативные утверждения» и «оскорбительные высказывания» в адрес верующих¹¹. Другое дело, что результаты работы многих сотрудников ИНА быстро потеряли актуальность, и в памяти научного сооб-

⁹РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 214. Л. 1–2.

¹⁰Там же. Л. 33; Там же. Д. 50. Л. 1–16.

¹¹Там же. Л. 41; Там же. Д. 42. Л. 3–5.

щества, пережившего в 1990-х гг. радикальную смену вех, остались лишь некоторые фигуры советских исследователей религии, чьи работы были призна-

ны наименее подверженными влиянию конъюнктуры (например, А. И. Клибанов или Л. Н. Митрохин, в разные годы сотрудничавшие с ИНА [14; 15]).

Таблица 1

Кадровый состав ИНА в 1970-х гг.

Table 1

The staff of the Institute of the Scientific Atheism in 1970s

Основные характеристики		Дирекция	Профессорско-педагогический состав	Старшие научные сотрудники	Младшие научные сотрудники
<i>Возраст</i>					
25–30 лет		–	–	–	3
31–40 лет		–	–	–	3
41–50 лет		2	1	–	2
51–60 лет		1	1	–	1
Старше 60 лет		–	2	–	–
<i>Партийность</i>					
Член КПСС		3	4	13	6
Беспартийный		–	–	–	3
<i>Образование</i>					
Высшее	Московский государственный университет	1	1	7	5
	Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской или Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина	1	–	2	1
	Другое	1	3	4	3
<i>Ученая степень</i>					
Кандидат наук	Исторические науки	–	–	3	1
	Философские науки	1	1	9	3
	Другое	–	–	–	–
Доктор наук	Исторические науки	–	–	–	–
	Философские науки	2	3	1	–

Как и во многих других советских научно-исследовательских институтах, основными организационными единицами ИНА в 1960–70-х гг. являлись специальные проблемные группы, представлявшие собой творческие коллективы¹², функционировавшие, по словам Ю. П. Зуева, в виде постоянно действующих семинаров, круглых столов и научных конференций (в том числе всесоюзных и международных) и завершавшие свою работу подготовкой

коллективных научных трудов или аналитических записок в ЦК КПСС¹³. Состав проблемных групп ИНА постоянно менялся, а к началу 1980-х гг. их место и вовсе заняли специальные отделы и лаборатории, призванные анализировать теорию и практику научного атеизма, изучать идеологию и деятельность религиозных организаций при социализме и проводить прикладные социологические исследования¹⁴ (табл. 2).

¹²РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

¹³Там же. Л. 10.

¹⁴Там же. Д. 214. Л. 81.

Таблица 2

Эволюция организационной структуры ИНА в 1960–70-х гг.

Table 2

Evolution of organisational structure of Institute of Scientific Atheism in 1960–70s

Год	Подразделения ИНА
1964	<i>Проблемные группы по направлениям:</i> степень и характер религиозности верующих в СССР особенности борьбы науки и религии в современном мире нравственный прогресс и религия тенденции развития религиозной идеологии и религиозных организаций в капиталистических странах предпосылки и пути преодоления религии эффективность атеистического воспитания атеистическое воспитание подрастающего поколения
1966–1970	<i>Проблемные группы по направлениям:</i> степень и характер религиозности населения в СССР нравственный прогресс и религия религия и национальный вопрос система научно-атеистического воспитания в СССР формы и методы атеистической пропаганды атеистическое воспитание подрастающего поколения история религии и атеизма новые тенденции в религиозной идеологии и деятельности религиозных организаций в капиталистических странах атеизм и свободомыслие за рубежом на современном этапе ленинское атеистическое наследие и современность
1981	Отдел теории и практики научного атеизма Отдел по изучению идеологии и деятельности религиозных организаций при социализме Отдел по изучению роли религии в идейно-политической борьбе Лаборатория социологических исследований

Еще одним элементом структуры ИНА являлись его региональные отделения – опорные пункты и филиалы, появившиеся в конце 1960-х гг. и в 1970-х гг. в различных городах СССР (Киев, Владимир, Казань, Томск, Омск и др.). Если говорить об опорных пунктах, то, согласно данным Р. А. Лопаткина, к концу 1960-х гг. было создано около 40 подобных структур, открывавшихся «на базе домов политического просвещения, партийных комитетов, кафедр философии и научного атеизма вузов, научно-методических советов по атеизму областных отделений общества “Знание”» [16, с. 336]. Формально они должны были способствовать развитию научно-атеистических исследований на местах, одновременно принимая участие в деятельности проблемных групп ИНА. Однако в действительности основным направлением их работы нередко оказывалась организация небольших социологических исследований, проводимых на основе инструкций, присылаемых из Москвы¹⁵. Более того, как показывают материалы координационных совещаний

ИНА, многие опорные пункты не справлялись и с этими задачами и фактически существовали лишь на бумаге, присылая в Москву краткие планы своей будущей деятельности¹⁶. Объяснить подобную ситуацию довольно просто: опорные пункты (а нередко и кафедры местных вузов, и сектора научного атеизма республиканских академий) открывались по указанию сверху, не имея для этого ни подходящей инфраструктуры, ни кадровой базы¹⁷. Однако закрыть их также было нельзя: с одной стороны, московские ученые нуждались в местном материале, характеризующем уровень религиозности в стране, а с другой – вынуждены были следовать общей логике институциональной организации советской науки, предполагавшей выстраивание иерархической структуры центр – периферия. И если на ИНА были возложены функции головного института в своей области, то он был обязан координировать работу на местах, используя для этого не только опорные пункты, но и координационный совет (совместно с АН СССР), проводивший нерегулярные совещания

¹⁵РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 142. Л. 4.

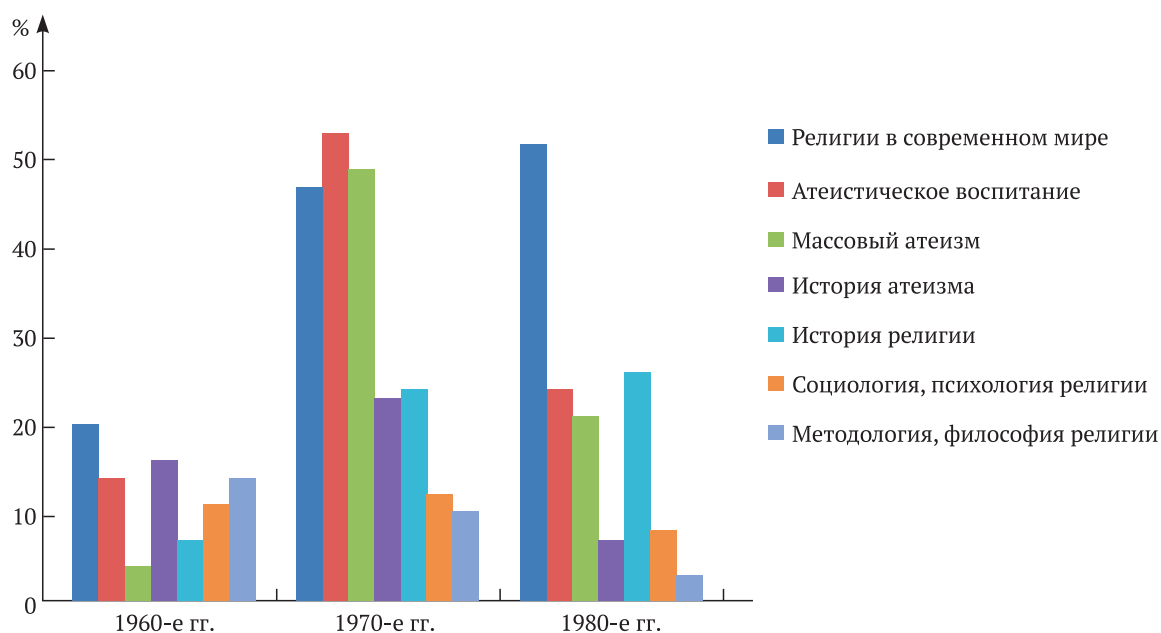
¹⁶Там же.

¹⁷Там же. Д. 32. Л. 19–20.

региональных и республиканских центров изучения научного атеизма¹⁸.

Союз науки и идеологии, оказавший столь серьезное влияние на кадровый состав ИНА, не мог не отразиться и на его научно-исследовательской деятельности. В целом, как свидетельствуют планово-отчетные документы, перед ИНА был поставлен широкий круг задач¹⁹. Будучи научно-исследовательским институтом, в первую очередь он должен был развернуть работу в области изучения различных проблем научного атеизма. Так, в 1966–1970 гг. его сотрудникам предстояло разрабатывать следующие темы, связанные с уровнем и характером религиозности населения СССР, спецификой современной фазы борьбы между наукой и религией, социально-нравственными проблемами и религией, системой научно-атеистического воспитания и др.²⁰ В дальнейшем перечень тем, подлежащих анализу в ИНА, существенно изменился, и к 1980-м гг. работники института должны были сосредоточиться на решении актуальных задач, связанных с «разработкой теоретических и практических проблем повышения эффективности партийного руководства атеистическим воспитанием и вопросами идеологической борьбы в современном мире»²¹. Однако, несмотря на изменение отдельных формулировок,

и в 1960-х, и в 1980-х гг. сотрудники ИНА должны были проводить комплексные междисциплинарные исследования, охватывающие весь спектр тем и сюжетов из области научного атеизма. Недаром Ю. П. Зуев, являвшийся сначала аспирантом, а затем научным сотрудником и ученым секретарем ИНА, отмечал, что его коллеги занимались изучением философских проблем религиоведения, проводили социологические исследования в этой области, разрабатывали историю религий и анализировали вопросы атеистического воспитания населения [8, с. 14, 19, 25, 27]. Правда, интенсивность разработки заявленных тем была различной, и в 1970–80-х гг. ИНА специализировался на изучении проблем атеистического воспитания и современного состояния религиозных организаций (в том числе с позиций конкретного социологического анализа), уделяя сравнительно мало внимания проблемам истории или философии религии. Отметим, что в 1964–1974 гг. в ИНА была защищена всего одна диссертация в области истории, подготовленная Г. С. Лялиной под руководством А. И. Клибанова в 1917–1941 гг. (по истории баптизма)²². Этот вывод подтверждает и анализ тематики статей журнала «Вопросы научного атеизма», являвшегося официальным печатным органом ИНА (см. рисунок).



Количественное распределение тематики статей, опубликованных в журнале «Вопросы научного атеизма» в 1960–80-х гг.

Quantitative distribution of topics of the articles published in the journal «Questions of Scientific Atheism» in 1960–80s

¹⁸РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 113. Л. 5.

¹⁹Там же. Д. 1. Л. 1.

²⁰Там же. Д. 49. Л. 3.

²¹Там же. Д. 214. Л. 69.

²²Там же. Д. 118. Л. 20.

Объясняя выбор тематики исследований, проводимых сотрудниками ИНА, мы вновь должны указать на специфику задач, стоявших перед данным институтом, который стремился воплотить на практике установку XXIII съезда КПСС на активное использование теории в практической деятельности²³ и, следовательно, представить научное обоснование практической работы в области борьбы за материалистическое мировоззрение и атеизм²⁴. В результате, формально претендуя на целостное изучение феномена религии (его природы, состояния и динамики²⁵), сотрудники ИНА рассматривали его преимущественно в контексте современности. Они проводили социологические исследования, направленные на выяснение степени религиозности жителей СССР, готовили аналитические записки, связанные с изучением современного католицизма, православия, ислама и др., разрабатывали типологию религиозных организаций. Причем тот или иной сюжет попадал в поле зрения специалистов ИНА в силу политической актуальности. Вероятно, стоит согласиться с мнением Ю. П. Зуева о том, что интерес к исламу у сотрудников ИНА возник в конце

1970-х гг., когда под влиянием введения советских войск в Афганистан у руководства страны появились опасения относительно «опасности распространения радикальных политических настроений среди определенной части мусульманского духовенства и населения в республиках Средней Азии и Кавказа» [8, с. 18]. Подобные особенности деятельности ИНА отмечали уже современники. Как утверждал видный советский ученый и антирелигиозник И. А. Кривелев, работавший в 1960-х гг. в Институте этнографии АН СССР, ИНА был слишком занят проблемами современности, поэтому не смог обратиться к вопросам истории религии, хотя это являлось необходимостью для центра, претендовавшего на статус головного института в области изучения религии и атеизма²⁶. Однако призыв бывшего члена Союза воинствующих безбожников не услышали, и до конца 1980-х гг. советские религиоведческие исследования, проводившиеся в ИНА, были связаны с разработкой актуальных тем и сюжетов, тогда как история религий изучалась в некоторых музейных, академических или вузовских центрах, нередко занимая в их планах достаточно скромное место.

Заключение

Для судеб советского религиоведения подобная ориентация научно-исследовательской деятельности ИНА имела серьезные последствия. Так, если в 1920–30-х гг. наука о религиях начала формироваться в СССР в русле антропологической программы, осложненной антирелигиозной и антиклерикальной составляющими [13, с. 83], то ИНА обеспечил модификацию этого методологического фундамента и переход советского религиоведения на философские рельсы. Безусловно, такой поворот носил во многом вынужденный характер и был обусловлен особенностями институциональной организации советской науки, включавшей многие сюжеты социологического или психологического характера в общий корпус философских проблем. Однако подобная специфика сохранилась и в постсоветский период, предопределив характер институционализации отечественного религиоведения

в 1990-х гг., когда специализированные религиоведческие структуры открывались в рамках именно философских научно-исследовательских и образовательных организаций. Не прошла бесследно для судеб отечественной науки и общая особенность поздней советской исследовательской традиции, акцентирующей внимание ученых на практическом аспекте научно-атеистической работы. Таким образом, приложив немало усилий для разработки конкретных мер научно-атеистического воспитания, научный атеизм, которому, впрочем, так и не удалось обеспечить отмирание религии в СССР [7, с. 493], искусственно ограничил поле теоретических изысканий отечественных специалистов, результаты работы которых достаточно быстро были деактуализированы и поставлены под сомнение даже в части собранного эмпирического материала.

Библиографические ссылки

1. Шахнович ММ. *Очерки по истории религиоведения*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 2006. 290 с.
2. Смирнов МЮ. Религиоведение в России: проблемы самоидентификации. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2009;1:91–106.

²³РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 56. Л. 9.

²⁴Там же. Л. 11.

²⁵Там же. Д. 11. Л. 104.

²⁶Там же. Д. 32. Л. 69.

3. Меньшикова ЕВ, Яблоков ИН. О периодах в истории отечественного религиоведения. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2011;5:98–116.
4. Антонов КМ, редактор. «Наука о религии», «научный атеизм», «религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; 2014. 261 с.
5. Зарецкий ЮП. *Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография*. Москва: Новое литературное обозрение; 2011. 379 с.
6. Базанов АМ. Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. *Историческая экспертиза*. 2016;4:232–247.
7. Смолкин В. *Свято место пусто не бывает: история советского атеизма*. Москва: Новое литературное обозрение; 2021. 552 с.
8. Зуев ЮП. Институт научного атеизма (1964–1991). В: Зуев ЮП, Шмидт ВВ, редакторы. *Вопросы религии и атеизма. Выпуск 1. Антология отечественного религиоведения. Часть 1. Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС*. Москва: МедиаПром; 2009. с. 9–34.
9. Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте анти-религиозных кампаний Н. С. Хрущева. *Этнографическое обозрение*. 2018;2:100–121.
10. Егоров АГ, Боголюбов КМ, редакторы. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Том 8. 1946–1955*. 9-е издание. Москва: Политиздат; 1985. 542 с.
11. Некрич АМ. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: Overseas Publications Interchange; 1979. 414 с.
12. Митрохин Н. «Ответственный работник ЦК КПСС» Владимир Сапрыкин: карьера одного советского профессионального атеиста. В: Соболева НВ, редактор. *Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. Материалы международного colloquium; 7–10 июня 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2013. с. 613–626.
13. Антонов КМ. От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: становление «советской» формации дискурса о религии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение*. 2013;6:67–97.
14. Корсаков СН, Колмакова МВ, Калашникова ЛА, составители. *Лев Николаевич Митрохин (1930–2005)*. Москва: Институт философии РАН; 2017. 107 с.
15. Буганов ВИ. А. И. Клибанов – историк общественной мысли. *Вопросы истории*. 1995;2:148–155.
16. Лопаткин РА. На опорных пунктах Института научного атеизма. В: Окулов АФ, редактор. *Вопросы научного атеизма. Выпуск 5*. Москва: Мысль; 1968. с. 336–342.

References

1. Shakhnovich MM. *Ocherki po istorii religiovedeniya* [Essays on the history of religious studies]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2006. 290 p. Russian.
2. Smirnov MYu. [Religious studies in Russia: problems of self-identification]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2009;1:91–106. Russian.
3. Men'shikova EV, Yablokov IN. [On periods in the history of Russian religious studies]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2011;5:98–116. Russian.
4. Antonov KM, editor. «*Nauka o religii*», «*nauchnyi ateizm*», «*religiovedenie*»: aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI v. [«Science of religion», «scientific atheism», «religious studies»: actual problems of scientific study of religion in Russia in the 20th – early 21st centuries]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities; 2014. 261 p. Russian.
5. Zaretskii YuP. *Strategii ponimaniya proshlogo: teoriya, istoriya, istoriografiya* [The strategies for understanding the past: theory, history, historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 379 p. Russian.
6. Bazanov AM. Memoirs of A. A. Zimin «Temple of science»: a picture of the scientific environment and a set of values by the author. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;4:232–247. Russian.
7. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A holy place is never empty: the history of Soviet atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 552 p. Russian.
8. Zuev JuP. [Institute of Scientific Atheism (1964–1991)]. In: Zuev YuP, Shmidt VV, editors. *Voprosy religii i ateizma. Vypusk 1. Antologiya otechestvennogo religiovedeniya. Chast' 1. Institut nauchnogo ateizma – Institut religiovedeniya AON pri TsK KPSS* [Questions of religion and atheism. Issue 1. Anthology of Russian religious studies. Part 1. Institute of Scientific Atheism – Institute of Religious Studies of the General Assembly of the CPSU Central Committee]. Moscow: MediaProm; 2009. p. 9–34. Russian.
9. Huhn U. The renaissance of ethnography from the spirit of atheism? Research on «contemporary sectarianism» in the context of N. S. Khrushchev's anti-religious campaigns. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;2:100–121. Russian.
10. Egorov AG, Bogolyubov KM, editors. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1988). Tom 8. 1946–1955* [Communist Party of the Secular Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). Volume 8. 1946–1955]. 9th edition. Moscow: Politizdat; 1985. 542 p. Russian.
11. Nekrich AM. *Otreshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Abandoning of the fear. The Memories of a historian]. London: Overseas Publications Interchange; 1979. 414 p. Russian.
12. Mitrokhin N. [«Responsible employee of the Central Committee of the CPSU» Vladimir Saprykin: the career of one Soviet professional atheist]. In: Soboлева NV, editor. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – XX vek. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma; 7–10 iyunya 2010 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Man and personality in the history of Russia, late

19th – 20th centuries. Materials of the international colloquium; 2010 June 7–10; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2013. p. 613–626. Russian.

13. Antonov KM. From pre-revolutionary study of religion to Soviet religious studies: a transformation of scientific method and research techniques and the formation of the Soviet way of dealing with religious questions. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2013;6:67–97. Russian.

14. Korsakov SN, Kolmakova MV, Kalashnikova LA, compilers. *Lev Nikolaevich Mitrokhin (1930–2005)* [Lev Nikolaevich Mitrokhin (1930–2005)]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2017. 107 p. Russian.

15. Bуганов В.И. [А. И. Клибанов – историк общественной мысли]. *Вопросы истории*. 1995;2:148–155. Russian.

16. Lopatkin RA. [At the support points of the Institute of Scientific Atheism]. In: Okulov AF, editor. *Voprosy nauchnogo ateizma. Vypusk 5* [The questions of scientific atheism. Issue 5]. Moscow: Mysl'; 1968. p. 336–342. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.01.2022.
Received by editorial board 18.01.2022.

«ПРОИГРАВШИЙ» УЧЕБНИК: А. И. НЕМИРОВСКИЙ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

С. Б. КРИХ¹⁾

¹⁾Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира, 55а, 644077, г. Омск, Россия

Рассказывается об учебнике по истории Древнего мира, написанном А. И. Немировским в начале 1960-х гг. Благодаря тому что сохранилась авторская рукопись, возможен сравнительный анализ начального текста и того текста, что в 1962 г. вышел в виде учебника для вечерних школ. Его сопоставление с учебником для школ, изданным в то же время Ф. П. Коровкиным, показывает, что степень унификации нарратива в советской историографии была велика, особенно в сфере преподавания истории, а отдельные оригинальные моменты, принадлежащие перу А. И. Немировского, были почти полностью нивелированы при редакторской правке.

Ключевые слова: история Древнего мира; советские учебники; преподавание истории в школе.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00519 «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–80-х гг. (пример истории древности)»).

ПАДРУЧНІК, ЯКІ «ПРАІГРАЎ»: А. І. НЕМІРОЎСКІ І ВЫКЛАДАННЕ ГІСТОРЫІ СТАРАЖЫТНАГА СВЕТУ Ў САВЕЦКАЙ ШКОЛЕ

С. Б. КРИХ^{1*}

^{1*}Омскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. М. Дастаеўскага, пр. Міра, 55а, 644077, г. Омск, Расія

Расказваецца пра падручнік па гісторыі Старажытнага свету, напісаны А. І. Неміроўскім у пачатку 1960-х гг. Дзякуючы таму што захаваўся аўтарскі рукапіс, магчымы параўнальны аналіз пачатковага тэксту і таго тэксту, што ў 1962 г. апублікаваны ў выглядзе падручніка для вячэрніх школ. Яго супастаўленне з падручнікам для школ, выдадзеным у той жа час Ф. П. Кароўкіным, паказвае, што ступень уніфікацыі наратыву ў савецкай гістарыяграфіі была вялікая, асабліва ў сферы выкладання гісторыі, а асобныя арыгінальныя моманты, якія належалі перу А. І. Неміроўскага, амаль цалкам нівеліраваны пры рэдактарскай працы.

Ключавыя словы: гісторыя Старажытнага свету; савецкія падручнікі; выкладанне гісторыі ў школе.

Падзяка. Артыкул напісаны пры падтрымцы гранта Расійскага навуковага фонду (праект № 22-28-00519 «Разнастайнасць пад выглядам адзінства: савецкі гістарычны наратыв 1960–80-х гг. (прыклад гісторыі старажытнасці)»).

Образец цитирования:

Крих СБ. «Проигравший» учебник: А. И. Немировский и преподавание истории Древнего мира в советской школе. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;2:51–59.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-51-59>

For citation:

Krikh SB. «Loser» textbook: A. I. Nemirovskii and the teaching of the history of the Ancient world in the Soviet school. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;2:51–59. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-51-59>

Автор:

Сергей Борисович Крих – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Sergey B. Krikh, doctor of science (history), docent; professor at the department of world history, faculty of history.
krikh@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8220-9956>

«LOSER» TEXTBOOK: A. I. NEMIROVSKII AND THE TEACHING OF THE HISTORY OF THE ANCIENT WORLD IN THE SOVIET SCHOOL

S. B. KRIKH^a

^a*Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Avenue, Omsk 644077, Russia*

The article tells about a textbook on the history of the Ancient world, written by A. I. Nemirovskii in the early 1960s. This textbook participated in a competition for secondary schools, but lost to F. P. Korovkin's textbook, which was released in a multimillion circulation. Nevertheless, A. I. Nemirovskii's textbook was published in 1962 with a circulation of 300 thousand copies as a textbook for evening schools. Due to the fact that the author's manuscript has survived, a comparative analysis of the initial text and that which was published in 1962 is possible. A. I. Nemirovskii made considerable efforts to make his textbook attractive to the reader, for example, he himself selected one and a half hundred illustrations, which were replaced during publication with standard illustrations prepared by the publishing house. Comparison with a textbook for schools published at the same time by F. P. Korovkin, shows that the degree of unification of the narrative in Soviet historiography was high, especially in the field of teaching history, and some original moments belonging to the pen of A. I. Nemirovskii were almost completely leveled out during editing. Despite the originality of the figure of the author himself, in his textbook one cannot notice the desire to go beyond the unified narrative of Soviet historiography developed by that time.

Keywords: Ancient history; Soviet textbooks; school teaching of history.

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00519 «Diversity under the guise of unity: Soviet historical narrative of the 1960–80s (an example of the history of Antiquity)»).

Введение

Изучение науки и образования как тесно связанных общественных подсистем дает возможность увидеть через одну из них некоторые скрытые характеристики другой. Это связано с тем, что взаимное влияние науки и образования происходит с определенным временным лагом и дополнительной перекодировкой: образование не может применить данные науки, не переведя их на свой язык (ориентированный в первую очередь на упрощенное донесение информации), а наука, решая задачу пополнения кадров, неизбежно вынуждена дополнять или корректировать знания выпускников школ и университетов. Принципиальная перестройка общества приводит обе подсистемы в состояние более или менее длительного рассогласования, а гармонизация может потребовать особенных усилий.

Если обратиться к примеру преподавания истории Древнего мира, то мы увидим, что попыткам создать удовлетворительный советский учебник для школ были посвящены почти все 1930-е гг. Сначала появился быстро написанный текст Н. М. Никольского [1; 2], который, однако, не был принят в первую очередь историками, а затем после длительной работы коллектива авторов (С. И. Ковалёв, А. В. Мишулин, В. В. Струве и др.) был переработан почти до неузнаваемости и вышел массовым тиражом в 1940 г. Учебник под редакцией А. В. Мишулина пережил ряд переизданий, подвергаясь крайне незначительным модификациям, и являлся основным

школьным учебником по истории Древнего мира на протяжении полутора десятков лет. Для облегчения работы с ним появилась учебно-методическая литература [3]. Ее небольшое количество объяснялось тем, что период применения данного учебника пришелся на сложные годы в истории страны, а также тем, что уже в начале 1950-х гг. Министерство просвещения РСФСР инициировало принципиальное обновление учебников по истории (поддержанное научным и учительским сообществами). В методических пособиях тех лет признается, что преподавание по учебнику А. В. Мишулина приходится вести, пропуская ряд сложных для усвоения учащимися параграфов, игнорируя слова, которые они не могут понять (например, нирвана) или которые им трудно выговорить (например, политеизм). Кроме того, учитель должен самостоятельно компенсировать недостаточно яркое изложение ряда важных тем [4, с. 5–6]. Исследования показывали, что неудачная организация материала в этом учебнике препятствует запоминанию не только отдельных фактов, но и принципиальных положений¹.

Для выбора нового учебника был объявлен конкурс, на котором первое место заняли тексты С. И. Ковалёва (1886–1960) и Ф. П. Коровкина (1903–1981). Оба текста были напечатаны ограниченным тиражом и в течение двух лет тестировались в нескольких школах. Окончательным победителем была признана работа Ф. П. Коровкина, которая

¹Колчина Р. Е. Запоминание учебного материала по древней истории учащимися V–VI классов в зависимости от содержания и приемов его изложения в учебнике : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.00. М., 1952. 16 с.

оставалась главным учебником по истории Древнего мира для советских школ на протяжении трех десятилетий, т. е. до конца советской эпохи.

Успех издания Ф. П. Коровкина объяснялся несколькими факторами. В становлении советской системы образования важно было адаптировать учебник именно для образовательного процесса. Ф. П. Коровкин являлся школьным учителем и методистом, поэтому структурировал свой учебник таким образом, чтобы в нем было четко учтено количество новых понятий, которые за урок может усвоить школьник определенного возраста, кроме того, в нем систематически использовались схемы и иллюстрации, тщательно подбирались цитаты из исторических источников. На протяжении последующих десятилетий Ф. П. Коровкин позаботился о том, чтобы его учебник стал центральным, но далеко не единственным элементом целой экосистемы из дополнительных материалов – книг для чтения, методической литературы для учителей, включающей не только рекомендации, но и задания, иллюстрации, а со временем и диафильмы. Наконец, была обеспечена постоянная модификация самого издания в те годы, когда оно было основой советского преподавания древней истории: не меняясь в базовых принципах, учебник пережил несколько существенных переработок и в тексте, и в оформлении.

На фоне безусловного доминирования учебника Ф. П. Коровкина в поздний советский период весьма интересно выглядит попытка его потеснить, которая была осуществлена А. И. Немировским (1919–2007) – историком, писателем и педагогом, участвовавшим в новом конкурсе учебников в начале 1960-х гг. К тому времени он уже был известен не только в Воронеже, где преподавал до 1978 г. [5]. А. И. Немировский публиковал исторические повести, вел активную научную работу, участвовал в авторско-читательских конференциях журнала «Вестник древней истории» [6], т. е. был достаточно заметным деятелем и, можно сказать, пропаганди-

стом Античности. Его попытка предложить другой учебник не привела к большим переменам в преподавании древней истории в школе, но изучение альтернатив доминировавшему варианту всегда дает возможность лучше понять причины этого доминирования и оценить реальность этих альтернатив. Это уже подводит нас к вопросу о том, насколько вариативной была советская историческая культура.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде А. И. Немировского хранится машинопись учебника автора, датированная 1961 г. В самом ее начале находится вклейка, на которой автор рассказывает судьбу рукописи:

«Учебник А. И. Немировского по истории Древнего мира, представленный на публичный конкурс, объявленный в Москве.

Получил положительный отзыв Академии наук, претендовал на первое место, получил поощрительную премию. Первую премию получил учебник Ф. Коровкина.

Впоследствии этот учебник был полностью переработан[,] отправлен на конкурс учебников для школ раб[очей] мол[одежи] и получил единственную поощрительную премию. После нее вышел семью изданиями»².

Уточняя датировку, можно предположить, что написание сохранившейся неопубликованной версии учебника было завершено в первой трети 1961 г., поскольку в разделе, объясняющем ученикам суть хронологии, автор использовал даты основания Москвы, рождения В. И. Ленина и запуска искусственного спутника Земли³, характерным образом не упомянув дату полета первого человека в космос. Впрочем, в первом издании учебника оставлен тот же список событий [7, с. 6–7]. Первое издание называлось учебником для вечерних (сменных) школ, вышло в 1962 г. тиражом 200 тыс. экз., тираж издания 1963 г. составил 190 тыс. экз. [8, с. 192]. Учебник Ф. П. Коровкина для средней школы вышел в том же году тиражом 3 млн 650 тыс. экз.

Методика исследования

В дальнейшем анализе мы сконцентрируемся на выяснении отличий и достижений учебников А. И. Немировского и Ф. П. Коровкина, причем проведем параллели между одновременными изданиями 1962 г., что наилучшим образом покажет, как авторы соотносили свои устремления с установками Министерства просвещения РСФСР. В случае с учебником А. И. Немировского у нас есть возможность сравнивать тексты рукописи (строго говоря, машинописи) и печатного

издания, так как это позволит лучше понять стадии работы автора над текстом, выяснить, какие идеи были представлены в материале изначально и как они были скорректированы после работы редакторов. Поскольку учебник С. И. Ковалёва (несмотря на три переиздания в 1954–1956 гг.) к началу 1960 г. уже не воспринимался в качестве альтернативы (автор умер в 1960 г.), он будет привлекаться только как дополнительный материал.

²РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

³Там же. Л. 4.

Основная часть

Машинопись учебника представляет собой текст с иллюстрациями в виде вклеенных вырезок из других учебников или фотографий, значительная часть которых сохранилась. Похоже, что самая первая иллюстрация, подписанная как «Археологи достают со дна моря у берегов Греции древний сосуд»⁴, была изъята самим автором для использования в других целях.

Следует обратить внимание на то, что подбор иллюстраций в рукописи А. И. Немировского только в незначительной степени повторял тот, что в итоге был использован в учебнике Ф. П. Коровкина или в предшествующем учебнике А. В. Мишулина. Учитывая время, когда создавалась рукопись, самостоятельное нахождение иллюстративного материала являлось нетривиальной задачей. Некоторые картинки были вырезаны из какого-то зарубежного (видимо, французского) учебника, кроме того, использовались фотокарточки или почтовые открытки. Прилагались также и карты-схемы, например Саламинской битвы⁵, Афин и Пирея⁶, битвы при Каннах⁷. В рукописи использованы 150 изображений. Издание 1962 г. содержало 114 черно-белых рисунков, не считая цветных карт на вклейке. Эти иллюстрации были стандартными, подобранными издательством и почти не отличались от тех, что в том же году использовались при публикации учебника Ф. П. Коровкина.

Структура учебника А. И. Немировского не отличалась оригинальностью, видимо, после издания учебника А. И. Мишулина Министерство просвещения РСФСР уже определилось с основным списком тем для школьного учебника и внесло в него заметные изменения только однажды, в 1959/60 учебном году, когда в связи с введением двухуровневой системы среднего образования произошло принципиальное сокращение часов на изучение истории Древнего мира, после чего школьникам ее стали преподавать в течение года, а не полутора лет, как раньше⁸. Именно поэтому представление истории Месопотамии было радикально сокращено. В учебнике А. И. Немировского глава на эту тему также фрагментирована: параграф 19 посвящен описанию природных условий и начала истории, параграф 20 – Старовавилонскому царству, параграф 21 – культуре региона. В конце глав приводились небольшие выдержки из источников. Их использованию в преподавании автор придавал важную роль: они должны

были помогать бороться с «самым опасным противником в любой науке – мертвящим догматизмом» [9, с. 80]. Кроме изречений древних авторов, как в рукописи, так и в изданном варианте использовались выдержки из работ основоположников марксизма-ленинизма. Как пояснялось во введении, «произведения Маркса, Энгельса, Ленина освещают то главное, что мы изучаем в истории. Они помогают нам понять законы, по которым развивается история человеческого общества» [7, с. 3].

В целом структура советского школьного учебника по древней истории была практически неизменной: очень краткое изложение истории первобытного общества, компактный рассказ о древневосточных странах (хронологически связанное повествование осталось только для Египта) и примерно одинаковое по объему описание истории Востока, Греции и Рима. В учебнике Ф. П. Коровкина 1962 г. тематике первобытно-общинного строя посвящены параграфы 1–5, описанию истории Древнего Востока – 6–23, Древней Греции – 24–43, Древнего Рима – 44–60. В рукописи А. И. Немировского были фактически те же пропорции: введение, история первобытности и Древнего Востока заняли параграфы 1–28, истории Греции были посвящены параграфы 29–50, Рима – 51–70, роль заключения играли параграфы 71–72. В издании 1962 г. количество параграфов было уменьшено до 45, история первобытности и Востока была отражена в параграфах 2–20, Греции – 21–31, Рима – 32–44. У А. И. Немировского изложение получилось более связным, чем у Ф. П. Коровкина, причем и в изданном варианте учебника за счет сохранения важных деталей: освещения реформ Урукагины⁹ [7, с. 54], отдельного параграфа, посвященного Персии (что позволяло ученику лучше проследить связь между историей Ближнего Востока и историей Греции)¹⁰, небольшого рассказа о династии Хань [7, с. 76], которая, кстати, упоминалась и в учебнике С. И. Ковалёва [11, с. 54] (Ф. П. Коровкин же ограничился лишь упоминанием Цинь Шихуанди). Но все-таки Египет и здесь оставался единственным регионом, освещение которого было менее поверхностным, чем описание других восточных обществ.

Если обратиться к тому, как А. И. Немировский излагает историю Египта, можно отметить несколько деталей. Говоря о развитии городов, он уточняет, что первоначально занятия горожан были теми же,

⁴РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 2а.

⁵Там же. Л. 248.

⁶Там же. Л. 266.

⁷Там же. Л. 369.

⁸Новые учебники истории и задачи учителей // Преподавание истории в школе. 1962. № 5. С. 3–7.

⁹Судя по всему, А. И. Немировский целиком опирался на недавно вышедшую книгу [10].

¹⁰Автор планировал при переизданиях учебника добавить информацию об Ассирии [9, с. 86].

что и у сельских жителей: «...пасли на ближних пастбищах скот, пахали в окрестностях землю»¹¹. При характеристике рабовладения (о котором школьник узнавал именно через египетскую историю) автор указывает на то, что рабы использовались на самых тяжелых работах, в частности на поливе с помощью шадуфов¹², что раб не имел своего имущества, но при этом «на первых порах обращение с рабами в Египте не было жестоким»¹³ [7, с. 28]. В параграфе «Классовая борьба в Египте» автор также утверждает, что рабам в Египте жилось хуже всех, разъясняя, что крестьяне и ремесленники жили в нищете и голодали, но при этом основные богатства страны производили именно они. Объясняя причины восстания бедняков и рабов, произошедшего примерно в 1750 г. до н. э.¹⁴, А. И. Немировский описывает египетское общественное устройство следующим образом: «Государством управлял фараон, пользовавшийся неограниченной властью. Его поддерживали и возвеличивали жрецы и чиновники. Крестьяне и ремесленники кормили и одевали угнетателей, строили для них дворцы. Воины захватывали рабов и защищали рабовладельцев от восстаний угнетенных. Все общество держалось на труде рабов, выполнявших самую тяжелую работу»¹⁵ [7, с. 38]. Знания и науку высшие классы держали в тайне, чтобы властвовать над народом¹⁶ [7, с. 36], искусство служило прославлению царя-деспота и богатых рабовладельцев¹⁷, величие храмов должно было внушать «беднякам и рабам мысль о необычайной прочности рабовладельческих порядков»¹⁸ (в печатной версии – «о вечности и нерушимости рабовладельческих порядков» [7, с. 51]).

Тема рабовладения проходит красной нитью через весь учебник. Во всех странах во все периоды древней истории одинаково подчеркивается бесправное положение рабов (которые неизбежно должны были восприниматься как единый класс, между рабами в Индии, Китае и Греции не подразумевалось заметных отличий). О положении рабов в египетском обществе учебник повествует: «Рабы были совершенно бесправны. Их не считали людьми» [7, с. 37]. Приведем слова из парагра-

фа, предлагающего повторить пройденный материал по истории Востока: «Рабы были лишены всех прав и подвергались жесточайшей эксплуатации» [7, с. 80]. Вот что говорится уже о Греции: «Раб не считался человеком» [7, с. 103]¹⁹. О Риме в машинописной версии написано: «Рабам в Риме жилось очень тяжело. Рабовладельцы не считали их за людей»²⁰. В опубликованной же версии было указано: «Рабовладельцы не считали рабов людьми» [7, с. 143]. Важно подчеркнуть, что такое однообразие описания не связано с редактурой при издании учебника, а является авторской волей.

В некоторых аспектах редактирование учебника позволило даже смягчить постоянный акцент на жестокой эксплуатации рабов. Так, в рукописи при описании раннего китайского протогосударства Шан сообщалось о судьбе военнопленных: «Труд рабов был тяжелым. Рабовладельцы обращались с ними как со скотом и даже приносили в жертву вместо животных. Часто рабов живыми хоронили вместе с умершим хозяином»²¹. Из контекста читатель мог понять этот пассаж таким образом, будто подобное положение вещей характеризует не только ранний период, но и особенности китайского рабства в целом. В учебнике эта мысль была подана более аккуратно [7, с. 73, 75]. Характеризуя греческое рабство, А. И. Немировский первоначально написал: «Количество свободных граждан было во много раз меньше числа чужеземцев и рабов»²². В учебнике же данная фраза изменена²³ (хотя, конечно, даже в этом виде она уже не соответствовала знаниям о степени распространенности рабовладения в античном обществе в начале 1960-х гг.): «Свободных граждан в ряде государств было во много раз меньше, чем чужеземцев и рабов» [7, с. 94]. Немного скорректирована и чрезмерно эмоциональная подача материала о рабах. Описывая рабовладение в Римской республике на основании фактов из работ Катона, автор первоначально выразил свое отношение к этому: «В пищу рабы получали хлеб и напиток, наполовину состоявший из морской воды и уксуса. Для насмешки его называли вином»²⁴. В итоговой версии

¹¹РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 51. (В печатной версии этих слов нет.)

¹²РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 42.

¹³Там же. Л. 55.

¹⁴Представление об этом восстании как о реально масштабном событии вошло в советские учебники как достаточно важный концепт, а истоки его относятся к представлениям В. В. Струве, оформившимся в четкой форме к 1935 г. (Струве В. В. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) // Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 3–38 [12]).

¹⁵РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 76.

¹⁶Там же. Л. 92.

¹⁷Там же. Л. 94.

¹⁸Там же. Л. 98.

¹⁹Там же. Л. 253.

²⁰Там же. Л. 381.

²¹Там же. Л. 158.

²²Там же. Л. 237.

²³Подробнее см. [13].

²⁴РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 381.

возможность эмоциональной реакции предоставлена ученику или учителю: «В местах, близких от моря, невольников поили “вином”, наполовину состоявшим из морской воды и уксуса» [7, с. 144].

Может показаться, что учебник А. И. Немировского более четко приводит мысль о том, что в восточных обществах, как и в ранний период греческой истории, было немного рабов [7, с. 80], но то же самое можно было прочесть и в учебнике Ф. П. Коровкина, да еще с уточнением, что свободный труд преобладал в ремесле [14, с. 90]. Кроме того, учебники Ф. П. Коровкина и А. И. Немировского роднило и то, что свободные небогатые слои населения почти никогда не проявляли собственной субъектности. «Религия была выгодна классу рабовладельцев. Она укрепляла их власть над бедняками и рабами»²⁵ [7, с. 35]. «Греческая культура достигла высокого развития благодаря жестокой эксплуатации рабов»²⁶ [7, с. 122]. В приведенных цитатах показано, что свободные крестьяне и ремесленники либо эксплуатируются наряду с рабами²⁷, либо вообще не замечаются, как будто расцвет греческого ремесла, относительно высокий уровень грамотности в полисах никак не зависели от их деятельности, интересов и мировоззрения. Ученику нечего было запомнить о бедняках, крестьянах, свободных ремесленниках, творческой интеллигенции Древнего мира.

В конце концов необходимость в преподавании делать акцент на эксплуатации почти неизбежно приводила к искажению восприятия исторических данных. Можно было вполне недвусмысленно сообщать ученикам, что «самой многочисленной прослойкой населения Египта было крестьянство» [7, с. 35], но при этом на ближайшей схеме, где изображалось устройство египетского общества в виде ступенчатой пирамиды фараон – чиновники и жрецы – воины, ремесленники, крестьяне – рабы [7, с. 38, рис. 17], последняя ступень была шире третьей. Визуально читатель усваивал именно идею о численном превалировании рабов над крестьянами. Учебник А. И. Немировского из этой «зачарованности» темой рабства вырваться не мог (а учебник Ф. П. Коровкина и не пытался).

В остальных отношениях редактирование учебника лишило его многих черт своеобразия, которые, видимо, не соответствовали советским педагогическим установкам. Так, изначально в учебнике у А. И. Немировского были отдельные параграфы, посвященные греческой религии и греческой мифологии: «Мифы Древней Греции», «Поэмы “Илиада” и “Одиссея”», «Религия древних греков». Возможно, при создании рукописи автор ориентировался на учебник А. В. Мишулина, в котором деление было еще более дробным: «Греческая религия», «Мифы о героях», «Миф об аргонавтах», «Древнегреческий эпос. “Илиада”», «Одиссея» [15, с. 79–92]. Похожее деление было и в самом первом, пробном издании учебника Ф. П. Коровкина²⁸ [16, с. 65–80]. Мифы А. И. Немировский признавал творением греческого гения, а о религии сообщал (разрядкой), что она «передает действительность искаженно»²⁹. В изданном учебнике был один параграф на эту тему («Греческие мифы и религия»), и общий вывод звучал следующим образом: «Мифы древних греков, их религия передают действительность искаженно» [7, с. 92; 11, с. 69]. Так было покончено с попыткой отделить «хорошие» мифы от «плохой» религии.

Сложнее определить, почему из печатной версии исчезла фраза, которая явно нравилась А. И. Немировскому: «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак»³⁰. Она была подана разрядкой как обязательная для запоминания и включена в список крылатых фраз³¹, который завершал машинописную версию учебника. Возможно, дело в том, что автору не удалось найти источник этой цитаты. Может быть, редактор в издательстве посчитал, что само начало фразы «Христос победил...» может быть превратно понято советскими учениками³². Тем не менее эти слова должны были на образном уровне связывать для школьника темы неудачных восстаний рабов и конечного торжества христианства, а их изъятие лишало учебник еще одного яркого (хотя очевидно, что спорного) тезиса.

Легче понять, почему была сокращена характеристика Цезаря. Начальный вариант рисовал слишком сложный образ, не лишенный притягательности: «Он отличался образованностью, умом, стальной

²⁵РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 73.

²⁶Там же. Л. 302.

²⁷С. И. Ковалёв в начале 1950-х гг. формулировал ясно: «Положение египетских крестьян немногим отличалось от горькой участи рабов» [11, с. 18]. Учебники начала 1960-х гг. избегают выражать эту мысль прямо, но методически направлены на то, чтобы привести читателя именно к ней.

²⁸Пожалуй, наиболее оригинальный ход здесь нашел С. И. Ковалёв, у которого пересказы мифов и гомеровских поэм перемежались историческими сведениями об устройстве гомеровского общества, что органично вплетало рассказы о религии в общий нарратив [11, с. 59–70]. Интересно, что впервые эта идея была предложена в книге, изданной в Минске еще до войны (Шевченко В. И. Вопросы древнегреческой культуры в преподавании истории в V классе. Минск, 1941. С. 11, прим. 1).

²⁹РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 217.

³⁰Там же. Л. 464.

³¹Там же. Л. 519.

³²Мы благодарны А. М. Скворцову, который предположил, что эта строгость издательства могла быть вызвана новой волной антирелигиозной пропаганды конца 1950-х – начала 1960-х гг.

волей, холодной жестокостью и безмерной любовью к власти. Цезарь показал блестящие способности полководца. Солдаты готовы были пойти за ним хоть на край света»³³. В итоге получился более прозаичный вариант: «Юлий Цезарь, человек выдающихся способностей и непомерного честолюбия, пользовался поддержкой не только части сенаторов, но и низов свободного населения» [7, с. 152]. Советский исторический нарратив не признавал за личностью существенной роли в истории, а потому в школьных учебниках яркие или сложные характеристики персоналий считались избыточными.

Таким образом, особенных или запоминающихся деталей и интересных поворотов в учебнике осталось не так много. Например, греки при прощании говорили: «Доброго пути и пресной воды» [7, с. 84]. Восстание Спартака было обусловлено не только ростом числа рабов в Италии (как об этом рассказывалось в учебнике Ф. П. Коровкина [14, с. 193]), но и тем, что римские войска в это время вели войны на нескольких направлениях за пределами Италии [7, с. 147]. Строгий формат не позволял уделить больше внимания излюбленным темам авто-

ра, в учебнике очень скудно говорится об этрусках и ранней истории Италии, которым А. И. Немировский посвящал научные труды [17; 18]. Учебник оказался, конечно, пропитан пиететом к творениям классиков марксизма-ленинизма, что хорошо иллюстрирует пассаж, в котором А. И. Немировский цитирует слова В. И. Ленина о том, как восстание Спартака сотрясало Римскую империю, и уточняет с помощью сноски, что слово «империя» употреблено здесь в значении «держава» [7, с. 150, прим. 1]. Восстание Спартака произошло в период Римской республики, и, опасаясь, что ученики уличат В. И. Ленина в хронологической путанице, А. И. Немировский дает сноску. С. И. Ковалёв и Ф. П. Коровкин предпочли вообще не цитировать ту часть слов В. И. Ленина, где говорилось об империи [11, с. 152; 8, с. 196; 19].

При этом в учебнике А. И. Немировского было намного меньше схем, которые так последовательно разрабатывал Ф. П. Коровкин как минимум с 1954 г. Методическая, а не содержательная привлекательность учебника Ф. П. Коровкина, вероятно, и была причиной его победы в конкурсе.

Заключение

Таким образом, степень унификации советского исторического нарратива, особенно в преподавании истории в школе, к началу 1960-х гг. оставалась крайне высокой. Учебники Ф. П. Коровкина, С. И. Ковалёва и А. И. Немировского написаны вовсе не под копирку, тем более что создавались они практически параллельно. При этом их базовые мысли и основной способ подачи информации идентичны. Авторы ориентировались прежде всего на за-

каз Министерства просвещения РСФСР, а их тексты подвергались редактуре. Тем не менее обращение к машинописи учебника, созданного А. И. Немировским, дает достаточно убедительное представление о том, что принципиальные моменты были написаны автором самостоятельно. Если бы на конкурсе победил учебник А. И. Немировского, советская школа не получила бы ничего принципиально иного по сравнению с учебником Ф. П. Коровкина.

Библиографические ссылки

1. Малюгин ОИ. От большевистского Иловайского до учебника без авторов: из истории создания школьного учебника по древней истории в 1930-х годах. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. 2017;6:406–420.
2. Krikh SB. A textbook and its author: the pre-revolutionary Russian tradition and Soviet innovations in Nikolay M. Nikolsky's work. *Quaestio Rossica*. 2019;7(4):1299–1308. DOI: 10.15826/qr.2019.4.439.
3. Зак БД. *О работе с учебником истории древнего мира*. Мурманск: [б. и.]; 1940. 24 с. (В помощь учителю истории).
4. Хмелев АН. *Уроки истории в V классе. Советы молодому учителю*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1953. 84 с.
5. Коротких ЛМ, Пряхин АД. А. И. Немировский и изучение античности в Воронежском государственном университете. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, Политология, Социология*. 2007;1: 147–151.
6. Карпюк СГ. Пробуждение сообщества советских историков древности: авторско-читательские конференции ВДИ 1950–60-х годов. В: Габелко ОЛ, Махлаюк АВ, Сеницын АА, редакторы. ПЕНТНКОНТАЕТІА. *Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА; 2018. с. 354–357.
7. Немировский АИ. *История древнего мира. Учебное пособие для вечерних (сменных) школ. 5-й класс*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1962. 192 с.
8. Немировский АИ. *История древнего мира. Учебное пособие для вечерних (сменных) школ. 5-й класс*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1963. 192 с.

³³РГАЛИ. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 34. Л. 416.

9. Немировский АИ. «История древнего мира» для вечерних (сменных) школ. *Преподавание истории в школе*. 1963;3:80–86.
10. Струве ВВ. Государство Лагаш. *Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV–XXIV вв. до н. э.* Москва: Издательство восточной литературы; 1961. 104 с.
11. Ковалёв СИ. *История древнего мира. Учебник для 5–6-х классов средней школы*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1954. 176 с.
12. Ильин-Томич АА. Социальный переворот в Египте в трудах В. В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016;2(4):35–47.
13. Ленцман ЯА. *Рабство в микенской и гомеровской Греции*. Москва: АН СССР; 1963. 306 с.
14. Коровкин ФП. *История древнего мира. Учебник для 5-го класса*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1962. 240 с.
15. Мишулин АВ, редактор. *История древнего мира. Учебник для 5–6-х классов средней школы*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР; 1940. 240 с.
16. Коровкин ФП. *История древнего мира. Учебник для 5–6-х классов средней школы*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР; 1954. 184 с.
17. Немировский АИ. *История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства*. Воронеж: Издательство Воронежского университета; 1962. 303 с.
18. Немировский АИ, Харсекин АИ. *Этруски: введение в этрускологию*. Воронеж: Издательство Воронежского университета; 1969. 192 с.
19. Крих СБ. Спартак в цитатах классиков на страницах советских учебников. В: Прудников ПВ, редактор. *Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции; 2–6 декабря 2019 г.; Омск, Россия*. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2019. с. 262–264.

References

1. Malyugin OI. [From the Bolshevik Ilovaisky to a textbook without authors: from the history of the creation of a school textbook on Ancient history in the 1930s]. *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*. 2017;6:406–420. Russian.
2. Krikh SB. A textbook and its author: the pre-revolutionary Russian tradition and Soviet innovations in Nikolay M. Nikolsky's work. *Quaestio Rossica*. 2019;7(4):1299–1308. DOI: 10.15826/qr.2019.4.439.
3. Zak BD. *O rabote s uchebnikom istorii drevnego mira* [On working with a textbook on the history of the Ancient world]. Murmansk: [s. n.]; 1940. 24 p. (To help to the history teacher). Russian.
4. Khmelev AN. *Uroki istorii v V klasse. Sovety molodomu uchitel'yu* [History lessons in the 5th grade. Advice for a young teacher]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1953. 84 p. Russian.
5. Korotikh LM, Pryakhin AD. [A. I. Nemirovsky and the study of Antiquity at Voronezh State University]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya, Sotsiologiya*. 2007;1:147–151. Russian.
6. Karpyuk SG. [Awakening the community of Soviet historians of Antiquity: «Vestnik drevnei istorii» and the author-reader conferences in the 1950–60s]. In: Gabelko OL, Makhlayuk AV, Sinitsyn AA, editors. *ПЕНТХОНТАЕТІА. Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyi yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ПЕНТХОНТАЕТІА. Studies in Ancient history and culture. Collection dedicated to the anniversary of Igor Surikov]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RKHGA; 2018. с. 354–357. Russian.
7. Nemirovskii AI. *Istoriya drevnego mira. Uchebnoe posobie dlya vechernikh (smennykh) shkol. 5-i klass* [Ancient world history. Study guide for evening (shift) schools. 5th grade]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1962. 192 p. Russian.
8. Nemirovskii AI. *Istoriya drevnego mira. Uchebnoe posobie dlya vechernikh (smennykh) shkol. 5-i klass* [Ancient world history. Study guide for evening (shift) schools. 5th grade]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1963. 192 p. Russian.
9. Nemirovskii AI. «Ancient world history» for evening (shift) schools. *Prepodavanie istorii v shkole*. 1963;3:80–86. Russian.
10. Struve VV. *Gosudarstvo Lagash. Bor'ba za rasshirenie grazhdanskogo prava v Lagashe XXV–XXIV vv. do n. e.* [Lagash State. The struggle for the expansion of civil rights in Lagash in 25th–24th centuries BC]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury; 1961. 104 p. Russian.
11. Kovalev SI. *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6-kh klassov srednei shkoly* [Ancient world history. Textbook for middle school grades 5–6]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1954. 176 p. Russian.
12. Il'in-Tomich AA. [Social revolution in Egypt in the works of V. V. Struve]. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2016;2(4):35–47. Russian.
13. Lentsman YaA. *Rabstvo v mikenskoi i gomeroovskoi Gretsii* [Slavery in Mycenaean and Dark Ages Greece]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1963. 306 p. Russian.
14. Korovkin FP. *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5-go klassa* [Ancient world history. 5th grade textbook]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1962. 240 p. Russian.
15. Mishulin AV, editor. *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6-kh klassov srednei shkoly* [Ancient world history. Textbook for middle school grades 5–6]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosа RSFSR; 1940. 240 p. Russian.
16. Korovkin FP. *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5–6-kh klassov srednei shkoly* [Ancient world history. Textbook for middle school grades 5–6]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR; 1954. 184 p. Russian.

17. Nemirovskii AI. *Istoriya rannego Rima i Italii. Vozniknovenie klassovogo obshchestva i gosudarstva* [The History of Early Rome and Italy. The Genesis of Class society and the State]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta; 1962. 303 p. Russian.

18. Nemirovskii AI, Kharsekin AI. *Etruski: vvedenie v etruskologiyu* [Etruscans: an introduction to etruscology]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta; 1969. 192 p. Russian.

19. Krikh SB. [Spartak in quotations of classics on the pages of Soviet textbooks]. In: Prudnikov PV, editor. *Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii; 2–6 dekabrya 2019 g.; Omsk, Rossiya* [Omsk Scientific Readings – 2019. Proceedings of the Third All-Russian scientific conference; 2019 December 2–6; Omsk, Russia]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University; 2019. p. 262–264. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.01.2022.

Received by editorial board 08.01.2022.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 93/94(397.4)

ЦЫГАНЕ В СИБИРИ (КОНЕЦ XVIII в. – XX в.)

В. Н. ШАЙДУРОВ¹⁾, Н. А. САПРОНОВА²⁾, Ю. М. ГОНЧАРОВ³⁾, Т. А. НОВОГРОДСКИЙ⁴⁾

¹⁾Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031, г. Барнаул, Россия

³⁾Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, 656049, г. Барнаул, Россия

⁴⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные этапы формирования и развития цыганского сообщества в Сибири в конце XVIII в. – XX в. Сделан вывод о том, что основным фактором возникновения цыган и роста их численности в регионе стали миграции, важную роль в которых сыграли белорусские цыгане. На основе различных источников характеризуются мероприятия органов власти в отношении цыганского населения, направленные на его гомогенизацию и интегра-

Образец цитирования:

Шайдунов ВН, Сапронова НА, Гончаров ЮМ, Новогродский ТА. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022;2:60–72.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>

For citation:

Shaidurov VN, Sapronova NA, Goncharov YuM, Novogrodski TA. Gypsies in Siberia (end of the 18th – 20th century). Journal of the Belarusian State University. History. 2022; 2:60–72. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>

Авторы:

Владимир Николаевич Шайдунов – доктор исторических наук, доцент; заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа.

Наталья Алексеевна Сапронова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Института истории, социальных коммуникаций и права.

Юрий Михайлович Гончаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры отечественной истории Института истории международных отношений.

Тадеуш Антонович Новогродский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Authors:

Vladimir N. Shaidurov, doctor of science (history), docent; head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.

s-w-n@mail.ru

Natalia A. Sapronova, PhD (law), docent; head of the department of jurisprudence and methods of teaching socio-economic disciplines, Institute of History, Social Communications and Law.

sna-27@yandex.ru

Yurii M. Goncharov, doctor of science (history), full professor; professor of the department of Russian history, Institute of the History and International Relations.

yuriig@yandex.ru

Tadeush A. Novogrodski, doctor of science (history), full professor; head of the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.

novogr@bsu.by

цию в экономические и социокультурные процессы Сибири. Отмечается, что кампании по борьбе с цыганским бродяжничеством в XIX–XX вв. не привели к его полному искоренению. Решению проблемы не помогли и репрессивные шаги, предпринятые во второй четверти XIX в., а также в 1930-х гг. Лишь часть цыган перешли от традиционного образа жизни к полуседлому. В качестве основных источников использованы материалы центральных и региональных архивов. Данные большинства документов впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане; Сибирь; государственная политика; бродяжничество.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.»).

ЦЫГАНЫ Ў СІБІРЫ (КАНЕЦ XVIII ст. – XX ст.)

У. М. ШАЙДУРАЎ^{1*}, Н. А. САПРОНАВА^{2*}, Ю. М. ГАНЧАРОВ^{3*}, Т. А. НАВАГРОДСКІ^{4*}

^{1*} Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
Пецяярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецяярбург, Расія

^{2*} Алтайскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, вул. Маладзёжная, 55, 656031, г. Барнаул, Расія

^{3*} Алтайскі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Леніна, 61, 656049, г. Барнаул, Расія

^{4*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асноўныя этапы фарміравання і развіцця цыганскай супольнасці ў Сібіры ў канцы XVIII ст. – XX ст. Робіцца выснова аб тым, што асноўным фактарам узнікнення цыган і росту іх колькасці ў рэгіёне сталі міграцыі, важную ролю ў якіх адыгралі беларускія цыганы. На аснове розных крыніц характарызуюцца мерапрыемствы органаў улады ў дачыненні да цыганскага насельніцтва, накіраваныя на яго гоманізацыю і інтэграцыю ў эканамічныя і сацыякультурныя працэсы Сібіры. Адзначаецца, што ўсе кампаніі па барацьбе з цыганскім бадзяжніцтвам у XIX–XX стст. не прывялі да яго поўнай ліквідацыі. Вырашэнню праблемы не дапамаглі і рэпрэсіўныя крокі, зробленыя ў другой чвэрці XIX ст., а таксама ў 1930-я гг. Толькі частка цыган перайшлі ад традыцыйнага ладу жыцця да паўсаседага. У якасці асноўных крыніц выкарыстаны матэрыялы цэнтральных і рэгіянальных архіваў. Даныя большасці дакументаў упершыню ўводзяцца ў навуковы зварот.

Ключавыя словы: цыганы; Сібір; дзяржаўная палітыка; бадзяжніцтва.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў і Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (праект № 20-59-00010 «Этнічныя меншасці ў Беларусі і Расіі ва ўмовах грамадскіх трансфармацый XIX–XX стст.»).

GYPSIES IN SIBERIA (END OF THE 18th – 20th CENTURY)

V. N. SHAIDUROV^a, N. A. SAPRONOVA^b, Yu. M. GONCHAROV^c, T. A. NOVOGRODSKI^d

^aPushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia

^bAltai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Street, Barnaul 656031, Russia

^cAltai State University, 61 Lenina Avenue, Barnaul 656049, Russia

^dBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: T. A. Novogrodski (novogr@bsu.by)

The history of the Roma in Russia is a poorly studied topic. The article discusses the main stages in the formation and development of the Gypsy community in Siberia during the late 18th – 20th century. The authors came to the conclusion that the main source for the emergence and growth of the number of Roma in the region was migration, in which Belarusian Roma played an important role. On the basis of various sources, a description is given of the measures taken by the authorities in relation to the Roma population, aimed at its homogenisation and integration into the economic and socio-cultural processes in Siberia. However, all campaigns to combat Gypsy vagrancy in the 19th and 20th centuries did not lead to its complete eradication. The repressive steps both in the second quarter of the 19th century and in the 1930s did not help to solve the problem either. Only a part of the Gypsies switched from a traditional to a semi-sedentary way of life. Archival materials from central and regional archives. Most of the documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Gypsies; Siberia; state policy; vagrancy.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the 19th and 20th centuries»).

Переселенческие процессы XVII–XX вв. превратили Сибирь в своеобразный плавильный котел, в котором образовалась особая общность – сибиряки. Одними из ее представителей являлись цыгане.

В современной цыганологии все больший интерес к цыганам проявляется не только с позиций этнологии или лингвистики, но и с позиций истории. Но следует признать, что степень изученности истории цыган в России значительно уступает степени исследованности цыган в других странах (Швеции, Финляндии, Великобритании, США, Франции) [1; 2]. Этот пробел, казалось бы, закрывает коллективная монография «История цыган. Новый взгляд» [3]. Но основное внимание авторы сконцентрировали на проблемах истории цыганской культуры. Тем не менее в течение последних 10 лет как в отечественных, так и в зарубежных журналах появились научные статьи, посвященные как истории цыган России в целом, так и истории их отдельных групп [4–10]. Как свидетельствует анализ публикаций, российские историки обращаются к определенным сюжетам цыганско-российской истории (формирование этнодисперсных групп, взаимоотношения с властями и населением, вовлеченность в экономические процессы и др.). Можно сказать, что идет процесс первоначального накопления эмпирических знаний о данном явлении. Сказанное в полной мере можно отнести к истории цыган Сибири.

Вопрос о времени появления цыган в Сибири впервые в научной плоскости был поставлен лишь в конце 1960-х гг. В. И. Санаровым [11]. На основе архивных документов ученый пришел к выводу о том, что первые цыганские таборы зафиксированы в регионе в 1720-х гг. Этот факт подтверждается и единичными упоминаниями о цыганах в записках иностранцев, которые в то время посещали Сибирь¹. Но в документах 1730–80-х гг. какие-либо упоминания о цыганах в Сибири отсутствуют. Вероятно, в этих источниках речь идет о единичных случаях.

Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи цыган, – скудная источниковая база. Вследствие отсутствия письменности у различных групп цыган мы можем оперировать лишь теми документами, которые стали порождением окружающего их мира. В российских архивах сохранился большой массив документов делопроизводственного, статистического содержания, а также личного происхождения. Выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском

государственном историческом архиве (РГИА), региональных архивах Барнаула, Красноярска, Томска, Омска, Тобольска документы позволяют восстановить и связать отдельные сюжеты из истории цыган в России. Так, делопроизводственная документация губернского уровня дает возможность определить время появления отдельных групп цыган в Сибири. Статистические сведения из делопроизводственной документации Министерства государственных имуществ Российской империи и Министерства внутренних дел Российской империи позволяют представить географию расселения цыган по сибирским губерниям к середине XIX в. Ведомственная делопроизводственная документация советского периода позволяет рассмотреть теорию и практику перевода цыган на оседлый образ жизни. Наиболее ценные документы собраны в фонде Совета Министров РСФСР².

Крайне слабая степень изученности цыган в Сибири обуславливает необходимость выяснения множества вопросов: даты появления цыган в регионе, взаимодействия цыган и местных властей на разных уровнях (губернском, окружном, волостном), отношения местного населения к цыганам, вовлеченности цыган в различные экономические и социокультурные процессы на протяжении XIX–XX вв.

В основе нашего исследования лежит теория модернизации, объясняющая стремление властей превратить кочевое цыганское население России в оседлое, тем самым заставив его отказаться от традиционного образа жизни. Заявленные исследовательские задачи и привлеченные исторические источники предопределили набор специальных методов, которые были использованы в работе. Среди них хотим выделить историко-описательный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы и др.

Одно из первых упоминаний о цыганах в Сибири относится к 1721 г. и принадлежит шотландцу Дж. Беллу, состоявшему на русской службе в 1715–1746 гг. В качестве врача он совершил поездку из Петербурга в Пекин и описал ее в двухтомном сочинении, изданном в Глазго в 1763 г. Во втором томе Дж. Белл упомянул рассказ сибирского вице-губернатора Петрова-Соловова о группе бродяг численностью около 60 человек (мужчины, женщины, дети), которые шли в Китай. Вслед за Петровым-Солововым Дж. Белл называет их цыганами (*tziggany*) [12, с. 157].

¹ГАРФ. Ф. 259. Оп. 106. Д. 4178. Л. 24.

²Там же.

Ссылаясь на Петрова-Соловова, Дж. Белл указал, что цыгане, вероятно, пришли из Польши. Их маршрут можно представить по картам первой четверти XVIII в.: он пролегал через Центральную Россию до Нижнего Новгорода или Казани, далее на Соликамск, который на рубеже XVII–XVIII вв. стал центром транзитной русско-китайской торговли (можно предположить, что именно под впечатлением от увиденных китайских торговых караванов цыгане и захотели переселиться в Китай). Далее Московско-Сибирский тракт шел к воротам Сибири – Верхотурью, а затем в Тобольск. На пути были устроены постоянные дворы (ямы) и заставы, которые выполняли как таможенные, так и полицейские функции, препятствуя проникновению беглых в Сибирь. Путь на восток проходил через сибирскую столицу Тобольск, где и оказались цыгане. Дальнейшее путешествие было невозможно без паспортов, введенных Петром I, поэтому по приказу вице-губернатора Петрова-Соловова цыгане были задержаны [12, р. 158].

Однако, как отмечает сибирский историк О. Н. Катионов, уже в 1654 г. верхотурский воевода установил наличие иной дороги, которая шла мимо Верхотурья на сибирские слободы [13, с. 87]. В середине XVIII в. власти были вынуждены узаконить более короткий путь в Сибирь (Москва – Кунгур – Екатеринбург – Тюмень – Тобольск) [13, с. 87]. Вероятно, по одной из таких дорог цыгане добрались до Сибири.

Передвижение на огромные расстояния в малонаселенной России начала XVIII в. было сопряжено со многими сложностями. Одной из них была продовольственная проблема. Как и Дж. Белл, мы можем предположить, что цыгане, кочуя на Восток, обменивали продукты питания у крестьян, предлагая им собственную ремесленную продукцию. О гадании и ворожбе вряд ли могла идти речь по причине языкового барьера. Не исключается банальное воровство. Если принять во внимание тот факт, что цыгане шли в Сибирь по одной из незаконных дорог, минуя населенные пункты, то понятно, что основными источниками пищи были охота, рыбная ловля и собирательство.

На протяжении последующих 1730–80-х гг. упоминания о цыганах не встречаются в нарративных источниках. Можно предположить, что на протяжении XVIII в. Сибирь в силу удаленности от основных районов проживания цыган не представляла для них интерес.

Присоединение к Российской империи новых территорий на западе во второй половине XVIII в. сопровождалось включением многочисленного населения, в том числе цыганского. Стирание старых

границ открыло широкие возможности для их миграций. Как следствие, уже с начала 1790-х гг. в разных материалах (архивные делопроизводственные документы, свидетельства современников³) встречаются регулярные упоминания о цыганах в Сибири [14].

В первой половине XIX в. основным источником формирования цыганского населения в Сибири были представители русских цыган («русска рома»), которые оказывались здесь в результате миграций таборов и в качестве ссыльных поселенцев, отбывавших наказание за правонарушения в губерниях Европейской России.

В этот период неоднократно предпринимались попытки модернизировать полукочевой образ жизни цыган и превратить их в оседлых подданных. Но ни либеральные мероприятия Александра I, ни репрессивная политика его отца Павла I и брата Николая I не принесли должного результата. В то же время следует признать, что русские цыгане в Сибири начали переходить к полuosедлому образу жизни.

В Западной Сибири получила распространение практика посемейной приписки цыган к сельским и городским обществам. Это было обусловлено политикой борьбы с цыганским бродяжничеством на рубеже XVIII–XIX вв., а также действием законодательства. Его отдельные акты устанавливали необходимость приписывать цыган к разным селениям, избегая их скопления в одном месте.

Наиболее зажиточные цыганские семьи приписывались к обществам городов Тобольской губернии. Они числились купцами третьей гильдии в Тюмени и Ялуторовске. Это давало им возможность перемещаться в пределах губернии на легальных основаниях с паспортом. Менее состоятельные цыгане записывались в мещанские общества в Кургане и Ялуторовске. Но большинство из них были приписаны к обществам государственных крестьян⁴.

В Енисейской губернии с середины 1810-х гг. были приняты меры по приписке цыган к мещанскому обществу Красноярска⁵. В конце 1830-х гг. последовало распоряжение Красноярской городской думы о выдаче паспортов местным цыганам лишь по предоставлению удостоверений от обществ, к которым они причислены⁶. Большая часть ссыльных цыган к 1840-м гг. оказались в Иркутской губернии. В пользу этого говорят списки проживавших в сибирских губерниях цыган. Они были составлены по распоряжению министра внутренних дел графа Д. Н. Блудова. Значительная часть приписанных к обществам цыган являлись одиночками. В это же время в Тобольской губернии таких случаев не было⁷.

³Гос. арх. в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 145.

⁴РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 26. Л. 4–21.

⁵Гос. арх. Краснояр. края (ГАКК). Ф. 809. Оп. 1. Д. 296.

⁶Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 914. Л. 2–2 об.

⁷РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 4. Л. 7–14 об.

Ведя полукочевой образ жизни в Сибири, цыгане должны были адаптироваться к местным условиям. В первую очередь им следовало найти экономическую нишу, которая позволила бы им получать средства к существованию. В Тобольской губернии, как мы уже отмечали, цыгане были причислены к купечеству и преимущественно торговали скотом. Нередко среди них встречались ремесленники, занимавшиеся отхожим промыслом. Об этом свидетельствует, например, факт причисления к Балаганскому участку Иркутского округа семи кузнецов, которые обслуживали крестьянские хозяйства не только своих, но и соседних поселений⁸. Среди них были и сапожники, и коновалы. Незначительное количество цыганских семей занимались хлебопашеством.

С конца 1820-х гг. в Сибири началась золотая лихорадка. Это явление было связано с либерализацией российского законодательства о золотодобыче и серебродобыче частными лицами (указ Сената от 28 мая 1812 г.) и открытием месторождений у сибирских рек. В 1830-х гг. основным районом развития частной золотопромышленности была марийская тайга Томской губернии, а в 1840–50-х гг. – енисейская тайга [15].

Владельцами приисков были дворяне и купцы. Золотодобыча в этот период носила примитивный характер и опиралась на мускульную силу рабочих и животных. В связи с этим спрос на рабочие руки многократно возрос. Многие золотопромышленники стремились получить максимальную прибыль при минимальных затратах. С этой целью они нанимали сибиряков, не имевших стабильного источника заработка. К этой категории относились и цыгане.

О распространении практики привлечения цыган к наемной работе на приисках свидетельствует факт обсуждения этого вопроса на губернском и министерском уровнях. В 1852 г. последовало распоряжение западносибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорда о трехлетнем запрете нанимать цыган на частные прииски⁹. Поводом к принятию ограничительного акта стало задержание земской полицией 40 цыган, которые были наняты для золотодобычи, но при этом занимались кражами¹⁰.

Однако, как свидетельствуют документы, в последующие годы такая практика найма сохранилась. Так, в Енисейской губернии горным исправником Сорокиным были обнаружены более 30 «цыган, поступивших из Томской губернии»¹¹. Выяснилось, что

все они являются ссыльнопоселенцами и государственными крестьянами и имеют билеты на отлучку, выданные разными волостными правлениями в течение 1854–1855 гг. Вероятно, члены последних пользовались небескорыстно возникшим противоречием: в условиях трехлетнего моратория продолжали действовать ст. 149 и 150 Устава о паспортах Российской империи.

Вопрос о найме цыган из ссыльнопоселенцев на сибирские золотые прииски был окончательно урегулирован решением Сибирского комитета, которое 9 июня 1857 г. было утверждено Александром II. С этого времени ограничения были сняты, но выдавать билеты для найма на золотые прииски волостные правления должны были в строгом соответствии со ст. 149 Устава о паспортах Российской империи лишь тем из цыган-поселенцев, за кем не числились недоимки по повинностям¹².

За цыганским населением в Сибири контроль осуществляли не только гражданские, но и церковные власти. Подтверждением тому являются материалы, направленные Енисейским губернским правлением в Иркутскую духовную консисторию (датированы началом 1830-х гг.)¹³. В них встречается упоминание о предании ссыльного цыгана Алексея Львова церковному покаянию за небывание у исповеди и причастия.

К середине XIX в. на территории Западной и Восточной Сибири проживало около 1,5 тыс. цыган. Преимущественно это были русские цыгане из числа лично свободных либо ссыльнопоселенцев. Миграционная мобильность искусственно сдерживалась внесенными в законодательство ограничениями. Так, в течение длительного времени продолжала действовать ст. 175 Устава о паспортах Российской империи, согласно которой запрещалось отпускать цыган целыми семействами по паспортам. Либерализация паспортного режима в отношении цыган в конце 1850-х – начале 1860-х гг. позволила им активнее перемещаться по стране. С 1860-х гг. в Сибирь стали проникать новые цыганские группы, которые мигрировали преимущественно из южных губерний.

К концу XIX в. полицейскими властями в Сибири было учтено почти 2,3 тыс. цыган. Как свидетельствуют приведенные в табл. 1 данные, цыгане были почти во всех губерниях и областях.

Среди наиболее распространенных видов хозяйственной деятельности цыган следует отметить торговлю скотом, сельское хозяйство, поденщину (табл. 2).

⁸РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 4. Л. 6 об.

⁹Гос. арх. Алт. края (ГААК). Ф. 177. Оп. 1. Д. 430. Л. 34.

¹⁰РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1857. Д. 112. Л. 2 об.

¹¹ГААК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 430. Л. 34.

¹²Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. XIV. С. 30.

¹³ТАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 327.

Таблица 1

**Географическое распределение цыган в Сибири
(по данным переписи 1897 г.)**

Table 1

**Geographical distribution of the Roma in Siberia
(according to the census 1897)**

Административные единицы	Цыганское население		
	Мужчины	Женщины	Всего
Енисейская губерния	503	471	974
Забайкальская область	174	148	322
Иркутская губерния	567	527	1094
Остров Сахалин	33	25	58
Тобольская губерния	818	708	1526
Томская губерния	1128	1064	2192
В целом	3223	2943	6166

Примечание. Составлено по: Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 02.03.2022).

Таблица 2

Деятельность цыган Сибири (по данным переписи 1897 г.)

Table 2

Activities of the Roma of Siberia (according to the census 1897)

Виды деятельности	Занятое население		
	Женщины	Мужчины	Всего
Врачебная и санитарная деятельность	81	4	85
Деятельность и частная служба (в качестве прислуги, поденщиков)	167	89	256
Сельское хозяйство (земледелие)	243	43	286
Обработка волокнистых веществ	2	63	65
Обработка металлов	75	0	75
Торговля	34	1	35
Торговля живым скотом	474	5	479
Неопределенная деятельность	148	385	533
<i>Лишенные свободы и отбывающие наказание</i>	85	13	98

Примечание. Составлено по: Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 02.03.2022).

В начале XX в. цыгане Сибири вели либо оседлый, либо полукочевой образ жизни. Это стало результатом проведенных в первой половине XIX в. мероприятий по борьбе с бродяжничеством. Некоторые сибирские губернаторы уделяли внимание и национальному вопросу. Примером может служить енисейский губернатор М. А. Плец, занимавший свой пост в 1898–1902 гг. Будучи сторонником гомогенизации, он не только выступил в качестве

автора нового документа «Положение о сибирских инородцах» (1901), но и стремился пресечь периодическую бродяжническую жизнь местных цыган.

Сами цыгане в 1900-х гг. старались легитимировать факт сезонного кочевья. В 1901 г. представитель «от природы кочующего народа (цыган)» красноярский мещанин Константин Проданчуков обратился к енисейскому губернатору М. А. Плецу с прошением: «...много лет тому как продолжалось, что отцы

и предки наши ежегодно выезжали на все летнее время в поле с палатками, имея при себе жен и малолетних детей, переезжали из одного района волости в другие, не было никаких препятствий как от сельских властей, также от городских полицейских»¹⁴. При новом же губернаторе такая практика встречала противодействие со стороны низового управленческого звена, явно выполнявшего волю вышестоящего начальства. Цыганам запретили переезжать из селения в селение, кроме того, крестьянские и сельские власти изымали у них палатки с последующим сожжением. В борьбе с цыганским кочевьем были задействованы станковые приставы и сельские полицейские власти. Упомянутый Константин Проданчуков говорил в своем прошении, что они «без всяких... проступков отбирают от нас законные документы и арестовывают нас с женами и детьми при своих полициях»¹⁵.

Однако губернатор-цивилист М. А. Плещ (выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета) никакого послабления енисейским цыганам не предоставил.

Первая мировая война, Гражданская война и последовавшая за ними экономическая разруха имели важные последствия для цыганского мира. На территории бывшей Российской империи, помимо своих цыган, оказались и цыгане-беженцы (преимущественно с Балкан). Возвращение на родину без паспортов для них было крайне затруднительным. Война и социальные потрясения привели к тотальному обнищанию, в том числе цыган. Некоторые из них говорили: «...хотя революция принесла цыганам большое улучшение их правового положения, но она больно ударила по источникам средств существования, торговле, нищенству»¹⁶. Ситуация способствовала резкому росту преступности. Цыгане оказались вовлеченными в противоправную деятельность по всей стране.

В начале 1920-х гг. партийные и советские органы лояльно относились к цыганскому населению. В официальных документах неоднократно отмечалось, что в царской России оно всячески притеснялось. В одном из документов, подготовленном в СНК РСФСР, можно встретить такую трактовку жизни цыган при старом режиме: «До Октябрьской революции полукочевое племя цыган подвергалось различного рода притеснениям со стороны

правительства, причем переход цыган к оседлым занятиям сельскохозяйственным промыслом был крайне затруднен, так как право на бесплатное наделение цыган землей отсутствовало, а приобретение земли покупкой либо арендой оказывалось недоступным для последних вследствие их бедности»¹⁷. Решение цыганского вопроса виделось в реализации экономических мероприятий – наделении цыган землей посредством землеустроительной кампании и открытии ремесленных артелей.

Осенью 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». В Сибири, как и в других регионах, посредством газет пропагандировался переход цыган к оседлости и декларировались формы их поддержки со стороны государства. Так, в одном из номеров газеты «Забайкальская правда» за 1928 г. была напечатана заметка «Содействовать землеустройству цыган». Местные органы, как извещает читателя редакция, получили от Наркомзема СССР инструкцию, согласно которой «земельным органам вменяется в обязанность направлять особые заботы о землеустройстве цыган и оказывать им в этом всевозможное содействие»¹⁸. Кроме того, предполагалось выделять «ссуду и иные виды помощи от государства за счет сметы на землеустройство»¹⁹. Однако, как показала практика, достичь своей цели власть так и не смогла: цыгане не стали активными участниками колхозного строительства, ибо упомянутое постановление имело рекомендательный характер. Но цыгане приняли участие в промышленной кооперации как в центре, так и на периферии [16, с. 290; 17].

В 1920-х гг. цыгане нередко фигурировали в судебных хрониках сибирских газет. Показателен репортаж «Цыганский табор» из зала Томского окружного суда, опубликованный в газете «Рабочий путь». На скамье подсудимых оказались члены цыганского табора, «который существовал за счет краденых лошадей»²⁰. Корреспондент дал краткую, но очень емкую характеристику осужденным: «Все они молоды, но, несмотря на это, все не раз бывали в исправительном доме и даже в Александровском центральном»²¹.

«Послужной список» предводителя Л. впечатляет: «В 1923 г. за конокрадство был осужден на 8 лет

¹⁴ТАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 4528. Л. 1.

¹⁵Там же. Л. 1 об.

¹⁶Цыгане в прошлом и настоящем // Крестьян. правда. 1928. № 128.

¹⁷ТАРФ. Ф. 259. Оп. 106. Д. 4178. Л. 24.

¹⁸Содействовать землеустройству цыган // Забайкал. правда. 1928. № 45.

¹⁹Там же.

²⁰Цыганский табор // Рабочий путь. 1927. № 262.

²¹Александровский централ – одна из известных каторжных тюрем, созданная в 1873 г. После Гражданской войны в ее стенах обосновалась исправительно-трудовая колония, контингент которой был представлен как уголовниками, так и врагами советской власти. В свое время через Александровский централ прошли Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе.

и посажен в новосибирский изолятор и, просидев два года, сбежал. За побег получил два года и отправлен в иркутский изолятор [Александровский централ], но и оттуда он через 4 г. сбежал. Сразу же приступил «к исполнению своих обязанностей». В 1926 г. – опять на скамье подсудимых в 3-м участке Барабинского округа и осужден на 4 года. Последний «рейс» он совершает в Омск и заканчивает во 2-м участке народного суда»²². Вместе с ним на скамье подсудимых оказались не только подельники (всего по делу проходило 9 цыган и цыганок), но и жена Мария, «верная супруга его конокрадских дел»²³. Учитывая всю совокупность фактов, суд вынес достаточно суровый по тем временам приговор: Л. был осужден на 10 лет с ограничением прав на 5 лет (максимальный срок), его подельники приговаривались к разным срокам заключения (от 5 до 6 лет) и поражению в правах на 3 года.

Введение паспортного учета в 1932 г. стало серьезным препятствием для сохранения цыганами традиционного полукочевоего образа жизни. С его нарушением боролись органы НКВД на местах. Частым было привлечение цыган к уголовной ответственности за мошенничество (ст. 169 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.). Такие дела рассматривались народными судами. Например, 5 ноября 1938 г. в производство народного суда г. Рубцовска Алтайского края поступило дело по обвинению в мошенничестве гражданина М. 1922 года рождения, малограмотного, беспартийного, и гражданки С. 1923 года рождения, малограмотной, беспартийной. Данные лица обвинялись в продаже свертка с газетами вместо товара одному из крестьян, причем этот «фокус» цыгане попытались повторить, но неудачно. Последующие два года им пришлось провести в местах лишения свободы²⁴.

Во внесудебной практике первой половины 1930-х гг. встречались дела по обвинению цыган в бандитизме (ст. 59-3 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.). Как правило, в таких делах фигурировала преступная деятельность в составе группы. Часто речь шла о краже колхозного скота. Осужденные характеризовались отсутствием постоянного места жительства и рода деятельности. Наказание в этом случае было суровым: от 10 лет в исправительно-трудовом лагере до высшей меры социальной защиты (расстрела). Для многих из цыган уже в 1937–1938 гг. регулярные приводы в милицию стали решающим фактором в судьбе.

В рамках реализации приказа № 00447 наркома внутренних дел Л. П. Берии предполагалось очи-

стить СССР не только от так называемых бывших, но и от социально вредного элемента, под которым подразумевались различные категории правонарушителей. Именно рецидив для большинства из них стал дополнительным аргументом со стороны НКВД для включения в арестные списки с последующей отправкой в исправительно-трудовой лагерь. Так, цыгане, проживавшие в это время на территории Алтайского края, были осуждены преимущественно по ст. 35 Уголовного кодекса РСФСР (в редакции 1926 г.) за деяния, которые в данной местности суд признавал социально опасными (в основном систематическое попрошайничество и нищенство), часть из них были приговорены к разным срокам за нарушение паспортного режима по ст. 192а. Число приговоров за тяжкие преступления, например за бандитизм (ст. 59-3), было невелико. Исходя из этого, местные «тройки» внесудебным порядком приговаривали арестованных к лагерному сроку на 3–5 лет. Только в одном выявленном случае имел место приговор к высшей мере социальной защиты (расстрелу)²⁵.

Великая Отечественная война имела тяжелые последствия для цыган СССР: часть из них погибли в результате решения фашистской Германией национального вопроса, часть были вынуждены переселиться за Урал (как путем организованной эвакуации, так и самостоятельным путем).

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. цыгане заявили о желании вернуться в места прежнего проживания в европейскую часть страны. Для перевозки десятков семей были предоставлены железнодорожные вагоны. Однако далеко не всегда транспорт использовался по назначению.

В 1952–1953 гг. Совет Министров РСФСР, Министерство путей сообщений РСФСР и ряд обкомполкомов горячо обсуждали дальнейшую судьбу около 200 цыган, оказавшихся в начале 1953 г. в Архангельской области. Из сохранившихся документов следует, что группа из нескольких цыганских семей находилась в эвакуации в Оренбургской области. В октябре 1952 г. они решили вернуться в родной колхоз «Мурмунт» недалеко от Кишинева²⁶. Оренбургский облисполком выделил шесть крытых вагонов, чтобы цыгане могли добраться от ст. Оренбург до ст. Кишинев. Найти свободные вагоны было непросто, но желание местных властей избавиться от людей, не имеющих определенных занятий, было сильнее. Правда, цыгане, оказавшись без надзора областных чиновников, отправились в противоположном направлении и в декабре 1952 г.

²²Цыганский табор // Рабочий путь. 1927. № 262.

²³Там же.

²⁴Государственный архив г. Рубцовска (РГТА). Ф. 63. Оп. 1. Д. 5.

²⁵Подсчитано по данным картотеки отдела по реабилитации и архивной информации информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю.

²⁶ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2906. Л. 92.

оказались на ст. Татарская Омской железной дороги²⁷. Но находились они здесь недолго. Причину их скорого отправления из Новосибирской области в западном направлении мы находим в письме заместителя министра путей сообщений СССР Н. А. Гундобина на имя председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова: «Совет Министров РСФСР предложил Новосибирскому областному комитету трудоустроить их [цыган], однако последний вместо этого дал указание о переотправке вагонов в другие области»²⁸.

Уже 28 января 1953 г. цыганские семьи, проехав через Чкаловскую (Пермскую) и Кировскую области, добрались до ст. Мудьюга в Архангельской области, откуда были перевезены на ст. Няндомы Северной железной дороги. Несмотря на все указания из Москвы, областные власти и здесь постарались избавиться от цыган. В частности, председатель облисполкома С. И. Моликов просил «разрешить направить цыган в другую область»²⁹.

Ситуацию усугубляла холодная зима. Предложенные бараки, как выяснила комиссионная проверка, оказались непригодными для жилья и требовали капитального ремонта³⁰. В «теплушках» проживали 89 цыган, почти половину из них составляли дети. Антисанитарные условия способствовали распространению инфекционных заболеваний. Многие дети заболели корью³¹.

Некоторые высокопоставленные функционеры попытались обвинить в сложившейся ситуации цыган. Начальник пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР Г. П. Запорожцев сообщал в своем письме председателю Совета Министров РСФСР А. М. Пузанову: «...цыгане путем подделок проездных документов бесплатно кочуют по всей стране»³². При этом чиновники требовали от республиканских руководителей «дать категорическое указание Архангельскому или Вологодскому облисполкомам о трудоустройстве цыган и освобождении вагонов»³³.

Как видно, региональные власти не были заинтересованы в проживании цыганского населения на подконтрольной им территории и предпринимали различные действия, чтобы избавиться от него. Об этом свидетельствует и поручение Бюро Совета Министров РСФСР отдельным облисполкомам подготовить предложения по улучшению трудового

и жилищно-бытового устройства кочующих цыган (февраль 1953 г.). Поводом к его принятию стали многочисленные обращения цыган в центральные партийные и советские органы. Еще в 1950 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков поручил Совету Министров РСФСР рассмотреть проблему трудового устройства цыган. Но вскоре вопрос был снят с обсуждения. Но многочисленные письма, адресованные И. В. Сталину, председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, а также присланные в газету «Правда», вновь поставили его на повестку дня.

По статистическим данным, только в семи областях и краях РСФСР насчитывалось до 600 семей кочующих цыган. Наибольшее их количество было учтено в Ростовской области (227 семей) и Алтайском крае (143 семьи)³⁴. Как отмечалось в документах, в большинстве регионов республики учет цыган не представлялся возможным «в связи с частым их передвижением из одного района в другой»³⁵. Например, по данным заместителя председателя Алтайского крайисполкома В. С. Трещева, «в зимний период некоторые цыганские таборы выехали за пределы края в Кемеровскую, Новосибирскую и Восточно-Казахстанскую области, а с наступлением весны могут прибывать на территорию Алтайского края и кочевать по районам»³⁶.

Работа региональных властей с цыганским населением не отличалась активностью. В записке от 23 мая 1953 г. на имя первого заместителя председателя Совета Министров РСФСР А. М. Сафронова заместитель председателя Совета Министров РСФСР В. А. Маслов сообщал, что только в Ростовской, Тамбовской и Владимирской областях осуществляется трудоустройство цыган. По его словам, в некоторых регионах власти заявляли «о возможности трудового устройства небольшого количества кочующих цыган на предприятиях местной и кооперативной промышленности, в сельском хозяйстве, а также на лесных и торфяных разработках»³⁷. Однако общий лейтмотив подавляющего большинства облисполкомов и крайисполкомов сводился к тому, что такое трудоустройство невозможно из-за отсутствия жилого фонда. К тому же местные функционеры (в Архангельской, Вологодской, Калужской, Саратовской, Ярославской и других областях) ссылались на негативный опыт такой практики: «Цыгане от-

²⁷ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2906. Л. 88.

²⁸Там же. Л. 85.

²⁹Там же. Л. 86.

³⁰Там же. Л. 87.

³¹Там же. Л. 86.

³²Там же. Л. 92.

³³Там же.

³⁴Там же. Д. 2907. Л. 1.

³⁵Там же.

³⁶Там же. Л. 30.

³⁷Там же.

казываются работать на государственных и кооперативных предприятиях, выполняют отдельные работы для частных лиц, занимаются торговлей, женщины гадают»³⁸. Как следствие, никаких предложений в рамках реализации решения бюро ими представлено не было. Комплексное решение проблемы трудоустройства цыган и выделения им жилья на уровне ЦК КПСС и Совета Министров СССР было признано нецелесообразным. Рассмотрение этих вопросов в каждом отдельном случае было поручено областным и краевым исполкомам, а также советам министров автономных республик.

В середине 1950-х гг. была предпринята очередная попытка покончить с цыганским бродяжничеством. Власти вновь обратили внимание на эту проблему благодаря многочисленным обращениям цыган в центральные органы власти, а также благодаря общественному мнению, которое транслировалось посредством обращений граждан в партийные и советские инстанции и центральные газеты.

В течение 1953 г. на адрес Совета Министров РСФСР поступило несколько обращений от цыган из Баку, Тбилиси, Грозного, Пензенской и других областей. Они заявляли о решении «оставить кочующий образ жизни и [перейти] на оседлый образ жизни»³⁹. В то же время, например, на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева поступали письма, в которых корреспонденты утверждали: «...уж больно много у нас за последнее время развелось кочующих цыган»⁴⁰. В письмах говорится о бедственном положении детей: «Со взрослыми цыганами много странствует грязных, оборванных, разутых и раздетых их малолетних детишек»⁴¹. И еще один пример: «И вот на таком красивом фоне (речь идет о восстановленном после войны Воронеже. – В. Ш., Н. С., Ю. Г., Т. Н.) появляются цыганки с детьми всех возрастов. Босые, грязные, с нечесаными волосами»⁴². Почти во всех письмах можно уловить общий лейтмотив: «Пора положить конец кочевой жизни нетрудового элемента и заставить [его] вести трудовую жизнь – оседлую»⁴³.

В октябре 1956 г. сначала на общесоюзном, а затем и на республиканских уровнях были приняты новые нормативные правовые акты, в которых прописывались мероприятия по приобщению цыган к труду. В преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. отмечалось: «...в результате мер, принятых Советским государством по трудоустройству кочующих цыган, улучшению условий их жизни, повышению культурного уровня,

большинство из них перешли к трудовому оседлому образу жизни. Однако до сих пор некоторая часть цыган продолжают заниматься бродяжничеством, ведут паразитический образ жизни и нередко совершают преступления»⁴⁴. Решение проблемных вопросов было возложено на плечи республиканских исполнительных органов. С одной стороны, предлагалось разработать и реализовать мероприятия, способствующие переходу цыган к оседлости в короткий срок: обеспечение нуждающихся жильем, трудоустройство, культурно-бытовое обслуживание. С другой стороны, как и в имперский период, были предусмотрены репрессивные меры в отношении совершеннолетних цыган, которые будут «злостно уклоняться от общественно полезного труда и заниматься бродяжничеством» (п. 3). В частности, уклонистам грозила ссылка на срок до 5 лет, а также исправительно-трудовые работы. Следует пояснить, что применительно к цыганам какие-то специальные нормы в Уголовный кодекс СССР и союзных республик введены не были. В документах отмечалось, что «в положении о паспортном режиме, утвержденном Советом Министров СССР, никаких ограничений для цыган, как равно и для граждан других национальностей <...> не предусмотрено», но «лиц, систематически занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, [предписывалось] привлекать к ответственности в соответствии со ст. 209 УК РСФСР»⁴⁵.

В этот же день, 5 октября 1956 г., было принято постановление Совета Министров СССР № 1373 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Документ носил регламентирующий характер. Так, республиканским советам министров было предписано в трехмесячный срок «расселить на постоянное место жительства цыган, занимающихся бродяжничеством, трудоустроить их и организовать культурно-бытовое обслуживание» (п. 1). Министерство внутренних дел СССР обязано было провести паспортизацию трудоустроенных цыган и организовать их прописку по месту постоянного жительства (п. 3). В этом акте был дублирован и репрессивный механизм воздействия на цыган, которые будут продолжать бродяжничество. Но при всей лаконичности этот документ содержал в себе качественно новый шаг со стороны Советского государства в отношении цыганского населения: республиканские исполнительные органы обязаны были «в необходимых случаях предоставлять им денежную ссуду для жилищного строительства» (п. 2).

³⁸ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2907. Л. 1.

³⁹Там же. Д. 2906. Л. 43.

⁴⁰Там же. Л. 5.

⁴¹Там же. Л. 5 об.

⁴²Там же. Д. 7897. Л. 83.

⁴³Там же. Л. 87.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Там же. Оп. 45. Д. 2943. Л. 2.

Уже 20 октября 1956 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 685 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Оно было адресовано в первую очередь региональным органам исполнительной власти и содержало конкретные меры. Так, было предписано в короткий срок расселить и трудоустроить цыган, обеспечить их жильем, организовать обучение детей в школах, прием детей в сады и ясли. К 20 января 1957 г. все инстанции, вовлеченные в реализацию данного постановления, должны были отчитаться о результатах работы.

Решение сложных задач, поставленных Москвой, имело региональную специфику. В областях и автономных республиках европейской части РСФСР были учтены многочисленные цыганские общности. В то же время в сибирских регионах цыганских семей было меньше. Это позволило выполнить порученное поручение успешнее.

Власти высоко оценили работу, проведенную Курганским облисполкомом. Из 52 семей были трудоустроены 50, из 103 трудоспособных человек работали 83. Большая часть семей (30) были приняты в колхозы. В качестве положительного примера в отчетах фигурировал вступивший в колхоз «Урал» Грязевского района цыган П. П. Михалевский: работая на двух лошадях возчиком по подвозу кормов, он за месяц выработал 60 трудодней⁴⁶.

В Красноярском крае, по данным крайисполкома от 8 февраля 1957 г., из 68 семей были трудоустроены 60. Если в аграрной Курганской области цыган трудоустраивали преимущественно в колхозы и совхозы, то в Центральной Сибири их распределение было иным: почти 85 % цыган числились в артелях промысловой кооперации (52,6 %) и на предприятиях местной и республиканской промышленности (32,4 %)⁴⁷.

В сибирских регионах по большей части удалось решить и жилищный вопрос. На тот момент немногие имели собственные дома. Большая часть семей оказались на подселении в частных домах (от 30 % семей в Красноярском крае до 40 % семей в Курганской области). Цыгане активно включились в индивидуальное жилищное строительство. Только в Красноярском крае через Промбанк четырём семьям была выделена ссуда в размере 10 тыс. руб., кроме того, оказана помощь в закупке строительных материалов⁴⁸. На общесибирском фоне выделялся только Алтайский край, в котором на 10 января 1957 г. был один из самых высоких показателей по необеспеченности жильем:

лишь 27 семей (15,6 % по краю) были обеспечены жильем⁴⁹.

Наибольшие сложности местные органы власти встретили при реализации положения о культурно-бытовом обслуживании, которое предполагало обучение в школах, прием в детские сады и ясли. Это направление работы было оценено как крайне неудовлетворительное для всей республики. Статистика наглядно демонстрирует низкую посещаемость школ детьми. Так, в Вологодской области охват школьным образованием составил немногим более 16 % детей, в Белгородской области – 15,5 %, в Красноярском крае – 31 % детей⁵⁰. В некоторых случаях эти показатели объясняли оседанием цыган в начале календарного года и включением детей в школьное обучение во второй половине учебного года.

Следует признать, что ни в отведенный союзным руководством трехмесячный срок, ни в последующие годы окончательно решить проблему цыганского бродяжничества не удалось. В конце 1971 г. власти РСФСР были вынуждены вернуться к обсуждению этой темы. Результатом стало протокольное решение Президиума Совета Министров РСФСР от 26 ноября 1971 г. «О недостатках в трудоустройстве цыган», направленное на дальнейшее выполнение ранее принятых законодательных и нормативных актов.

Летом 1972 г. организационно-инструкторский отдел Аппарата Совета Министров РСФСР подготовил информационную справку, в которой были представлены некоторые результаты работы с цыганским населением в регионах. Авторы документа отметили положительную тенденцию большинства семей к ведению оседлого образа жизни. Но основное внимание уделялось вопросу вовлечения цыган в общественно полезный труд. В частности, указывалось на склонность цыган к временной и сезонной работам (в качестве разнорабочих, грузчиков, сторожей, пастухов и др.). Также тревогу вызывал высокий процент «тунеядствующих лиц цыганской национальности»: за первую половину 1972 г. только в Ивановской, Новгородской, Псковской, Кемеровской, Костромской областях были выявлены 432 тунеядца⁵¹. Данный контингент подпитывал сохранявшиеся в цыганской среде кочевые традиции, что выливалось в «гастроли», когда многие цыгане, несмотря на наличие жилья и постоянной прописки, под предлогом трудоустройства или розыска родственников разъезжали по стране. Такие поездки нередко оказывались в поле зрения правоохранительных органов. Так, в ведомственные сводки

⁴⁶ТАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 7898. Л. 31.

⁴⁷Там же. Л. 46.

⁴⁸Там же.

⁴⁹Там же. Л. 17.

⁵⁰Там же. Л. 26.

⁵¹Там же. Оп. 46. Д. 980. Л. 3.

попала история 17 цыганских семей в количестве 132 человек, которые в конце 1971 г., скупив в колхозах Сибири 164 лошади, выехали в Средне-Азиатский регион в целях их реализации. После продажи лошадей цыгане вернулись в центральные области РСФСР⁵².

Сезонная миграционная активность вела к всплескам национальной преступности. Этот факт отмечался практически во всех регионах РСФСР, где оказывались цыгане. Сибирь не была исключением. Так, в сообщении Кемеровского облисполкома от 26 мая 1972 г. в Совет Министров РСФСР отмечалось, что «в течение 1971 года за различные правонарушения 19 человек из числа лиц цыганской национальности органами внутренних дел привлечены к уголовной ответственности, 6 человек из привлеченных не являлись жителями Кемеровской области»⁵³.

К решению проблем на местах стали широко привлекать активистов. Они были включены в состав специальных комиссий, занимавшихся вопросами трудоустройства. Совместно с органами народного образования представители общественности вели учет детей цыганской национальности школьного возраста. Так, благодаря этому в Кемеровской области к занятиям в школах приступили 114 детей⁵⁴. Однако полностью решить эту проблему не удавалось. В Алтайском крае, например, почти треть детей школьного возраста не посещали школы. С несовершеннолетними, не работающими и не учащимися, проводилась профилактическая рабо-

та по включению в образовательный процесс или приобщению к труду через комиссии по делам несовершеннолетних при районных и городских исполкомах⁵⁵.

Фактически все вопросы, связанные с жизнью цыганских сообществ, должны были решать региональные власти. В 1974 г. вопрос о трудоустройстве цыган был снят с контроля Совета Министров РСФСР⁵⁶.

Таким образом, с XVIII в. цыгане стали неотъемлемой частью исторического ландшафта Сибири. Формирование новой дисперсной общности происходило за счет миграций из других регионов (путем самовольного переселения таборов, пенитенциарной ссылки). К середине XIX в. «сибирска рома», став неотъемлемой частью «русска рома», доминировала за Уралом. Ее представители, причисленные к разным сословиям, были вовлечены в торговлю скотом, ремесленничество и промыслы. Миграционная активность других этнических групп цыган сделала цыганский мир Сибири более пестрым. Несмотря на многочисленные попытки власти как в имперский, так и в советский период превратить их в оседлое население, цыгане полностью не отказались от традиционного образа жизни. К 1970-м гг. большая часть из них имели постоянное жилье и были трудоустроены, однако общность сохраняла некоторые традиционные черты (сезонные миграции, временная работа, низкий образовательный уровень, вовлеченность в противоправную деятельность).

Библиографические ссылки

1. Марушиакова Е, Попов В. *Studii Romani. Том VII. Избрано*. София: Парадигма; 2007. 423 с.
2. Åberg K. «These songs tell about our life, you see»: music, identity and gender in Finnish Romani music. Bern: Peter Lang GmbH; 2015. 275 p.
3. Деметер НГ, Бессонов НВ, Кутенков ВК. *История цыган. Новый взгляд*. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая; 2000. 334 с.
4. Денисов ДН. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков. В: *Цыгане в оренбургском социуме. Материалы круглого стола, посвященного Международному дню цыган*. Оренбург: Университет; 2013. с. 44–49.
5. Shaidurov VN. On the history of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017;46(4):1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.
6. Смирнова-Сеславинская МВ. Миграции цыганских групп и формирование цыганского населения Российской империи в XVII – начале XX в. *Этнографическое обозрение*. 2018;4:83–99. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.
7. Деметер НГ, Черных АВ. *Цыгане*. Москва: Наука; 2018. 614 с. (Народы и культуры).
8. Shaidurov VN. Gypsies in the Russian Empire: theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani Studies*. 2018;28(2):195–217. DOI: 10.3828/rs.2018.8.
9. Chernykh AV. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s–1930s. *Social Inclusion*. 2020; 8(2):358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765.
10. Шайдуров ВН. Евреи и цыгане Сибири: к вопросу о военных кантонистах 1830-х – 1850-х гг. *Вопросы истории*. 2021;3:143–151. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi16.
11. Sanarov VI. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society. Third Series*. 1970;49(3–4):126–136.
12. Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia*. Glasgow: Robert and Andrew Foulis; 1763. 423 p.
13. Катионов ОН. *Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв.* Новосибирск: Издательство НГПУ; 2008. 372 с.

⁵²ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 980. Л. 3.

⁵³Там же. Л. 27.

⁵⁴Там же. Л. 4–5.

⁵⁵Там же. Л. 11.

⁵⁶Там же. Л. 1.

14. Sauer M. *Voyage fait par ordre de l'Impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russie asiatique, dans la Mer Glaciale, dans la mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique*. Paris: F. Buisson; 1802. 331 p.
15. Хроленок СФ. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. В: *Очерки истории Сибири*. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт; 1970. с. 28–35 (Ученые записки. Серия историческая; выпуск 39).
16. Шайдуров ВН. Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х гг. В: Веремченко ВА, редактор. «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2021. 359 с.
17. Черных АВ, Каменских МС. Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2020;19(4):851–868. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868.

References

1. Marushiakova E, Popov V. *Studii Romani. Tom VII. Izbrano* [Romani studies. Volume VII. Selected works]. Sofiya: Paradigma; 2007. 423 p. Bulgarian.
2. Åberg K. «These songs tell about our life, you see»: music, identity and gender in Finnish Romani music. Bern: Peter Lang GmbH; 2015. 275 p.
3. Demeter NG, Bessonov NV, Kutenkov VK. *Istoriya tsygan. Novyi vzglyad* [History of the Romani people. A new vision]. Voronezh: Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 2000. 334 p. Russian.
4. Denisov DN. [Roma of Orenburg in the 60s of the 18th century – early 20th century]. In: *Tsygane v orenburgskom sotsiume. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo Mezhdunarodnomu Dnyu tsygan* [Gypsies in Orenburg society. Proceedings of the round table dedicated to the International Gypsy Day]. Orenburg: Universitet; 2013. p. 44–49. Russian.
5. Shaidurov VN. On the history of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye Gody. Russian Historical Journal*. 2017;46(4):1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.
6. Smirnova-Seslavinskaya MV. Romani groups migrations and formation of the Gypsy (Roma) population in Russian Empire in the 17th – early 20th centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;4:83–99. Russian. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.
7. Demeter NG, Chernykh AV. *Tsygane* [The Roma]. Moscow: Nauka; 2018. 614 p. (Narody i kul'tury). Russian.
8. Shaidurov VN. Gypsies in the Russian Empire: theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani studies*. 2018;28(2):195–217. DOI: 10.3828/rs.2018.8.
9. Chernykh AV. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s–1930s. *Social Inclusion*. 2020;8(2):358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765.
10. Shaidurov VN. Jews and Gypsies of Siberia: on the question of the military cantonists of the 1830s – 1850s. *Voprosy istorii*. 2021;3:143–151. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi16.
11. Sanarov VI. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society. Third Series*. 1970;49(3–4):126–136.
12. Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia*. Glasgow: Robert and Andrew Foulis; 1763. 423 p.
13. Kationov ON. *Moskovsko-Sibirskii trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII–XIX vv.* [The Moscow-Siberian tract as the main land transport communication of Siberia in the 18th–19th centuries]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU; 2008. 372 p. Russian.
14. Sauer M. *Voyage fait par ordre de l'Impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russie asiatique, dans la Mer Glaciale, dans la mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique*. Paris: F. Buisson; 1802. 331 p.
15. Hrolenok SF. [The development of the gold mining industry in Eastern Siberia in the late 19th and early 20th centuries]. In: *Ocherki istorii Sibiri* [Essays on the history of Siberia]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; 1970. p. 28–35 (Uchenye zapiski. Seriya istoricheskaya; issue 39). Russian.
16. Shaidurov VN. [Roma of the USSR and land management in the second half of the 1920s]. In: Veremenko VA, editor. «Vyzov» v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [«Challenge» in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University; 2021. 359 p. Russian.
17. Chernykh AV, Kamenskikh MS. Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s. *RUDN Journal of Russian History*. 2020;19(4):851–868. Russian. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022.
Received by editorial board 18.01.2022.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 930.26

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ АБИДНЯ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. С. РУМЯНЦЕВА¹⁾, И. А. САПРЫКИНА¹⁾, А. Н. БЕЛИЦКАЯ²⁾

¹⁾Институт археологии Российской академии наук, ул. Ульянова, 19, 117292, г. Москва, Россия

²⁾Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Проверяется гипотеза о том, что поселение киевской культуры Абидня в Могилёвской области Беларуси является местом производства предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Проведено комплексное изучение свидетельств производства, выявленных на памятнике. Проанализирована морфология тиглей, с помощью методов рентгенофлуоресцентного анализа и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализатором изучены химический состав их поверхности, остатки содержимого, исследованы планиграфия находок, которые могли быть связаны с производством (тиглей, льячек, литейных форм, бус красного глухого стекла (возможного сырья для эмалей)), отходы производства и др. Полученные данные не подтверждают выдвинутую ранее гипотезу об эмальерном производстве на этом поселении. Сделан вывод о том, что все изученные находки связаны с плавкой (переплавкой) и литьем сплавов на основе меди, содержащих цинк, олово, свинец. Среди них могли быть латунь, бронза, многокомпонентные медные сплавы.

Ключевые слова: киевская культура; восточноевропейские выемчатые эмали; поздне римское время; литейное производство; тигли; латунь; бронза; сканирующая электронная микроскопия с энергодисперсионным анализатором; рентгенофлуоресцентный анализ.

Образец цитирования:

Румянцова ОС, Сапрыкина ИА, Белицкая АН. Производственный комплекс поселения Абидня поздне римского времени: первые результаты комплексного исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;2:73–94. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-73-94>

For citation:

Rumyantseva OS, Saprykina IA, Belitskaya AN. Manufacturing complex of the Abidnya settlement of the late Roman time: first results of the interdisciplinary research. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;2: 73–94. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-73-94>

Авторы:

Ольга Сергеевна Румянцова – научный сотрудник.
Ирина Анатольевна Сапрыкина – научный сотрудник.
Анна Николаевна Белицкая – научный сотрудник.

Authors:

Olga S. Rumyantseva, researcher.
o.roumiantseva@mail.ru
Irina A. Saprykina, researcher.
dolmen200@mail.ru
Anna N. Belitskaya, researcher.
hannabelitskaya@gmail.com



Благодарность. Выражаем благодарность хранителю коллекции археологии отдела древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси О. А. Воронниковой и научному сотруднику Национального исторического музея Республики Беларусь В. Н. Тарасевич за возможность ознакомиться с материалами поселения Абидня. Также мы очень признательны А. А. Трифонову («Карл Цейсс», Москва) и Е. А. Сапрыкину (Объединенный институт ядерных исследований, Дубна) за изучение состава поверхности и содержимого тиглей из поселения Абидня. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-40093).

ВЫТВОРЧЫ КОМПЛЕКС ПАСЯЛЕННЯ АБІДНЯ ПОЗНЕРЫМСКАГА ЧАСУ: ПЕРШЫЯ ВЫНІКІ КОМПЛЕКСНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

А. С. РУМЯНЦАВА^{1*}, І. А. САПРЫКІНА^{1*}, А. М. БЯЛІЦКАЯ^{2*}

^{1*} Інстытут археалогіі Расійскай акадэміі навук, вул. Ульянава, 19, 117292, г. Масква, Расія

^{2*} Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь

Правяраецца гіпотэза аб тым, што пасяленне кіеўскай культуры Абідня ў Магілёўскай вобласці Беларусі з'яўляецца месцам вытворчасці прадметаў круга ўсходнееўрапейскіх выемкавых эмалей. Праведзена комплекснае вывучэнне выяўленых на помніку сведчанняў вытворчасці. Прааналізавана марфалогія тыглей, з дапамогай метадаў рэнтгена-флуарэсцэнтнага аналізу і сканавальнай электроннай мікраскапіі з энергадысперсійным аналізатарам даследаваны хімічны склад іх паверхні, а таксама рэшткі змесціва, вывучаны планіграфія знаходак, якія маглі быць звязаны з вытворчасцю (ліцейных форм, караляў чырвонага глухага шкла (магчымай сыравіны для эмалей)), адходы вытворчасці і інш. Робіцца выснова аб тым, што атрыманыя даныя не пацвярджаюць вылучаную раней гіпотэзу аб эмальернай вытворчасці ў гэтай мясцовасці. Усе вывучаныя знаходкі звязаны з плаўкай (пераплаўкай) і ліццём сплаваў на аснове медзі, якія змяшчаюць цынк, волава, свінец. Сярод іх маглі быць латунь, бронза, шматкампанентныя медныя сплавы.

Ключавыя словы: кіеўская культура; усходнееўрапейскія выемчатныя эмалі; познерымскі час; ліцейная вытворчасць; тыглі; латунь; бронза; сканавальная электронная мікраскапія з энергадысперсійным аналізатарам; рэнтгенафлуарэсцэнтны аналіз.

Падзяка. Выказваем падзяку захавальніку калекцыі археалогіі аддзела старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі А. А. Варатніковай і навуковаму супрацоўніку Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь В. М. Тарасевіч за магчымасць азнаёміцца з матэрыяламі пасялення Абідня. Мы таксама вельмі ўдзячны А. А. Трыфанаву («Карл Цейс», Масква) і А. А. Сапрыкіну (Аб'яднаны інстытут ядерных даследаванняў, Дубна) за вывучэнне складу паверхні і змесціва тыглей з пасялення Абідня. Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў (праект № 18-09-40093).

MANUFACTURING COMPLEX OF THE ABIDNYA SETTLEMENT OF THE LATE ROMAN TIME: FIRST RESULTS OF THE INTERDISCIPLINARY RESEARCH

O. S. RUMYANTSEVA^a, I. A. SAPRYKINA^a, A. N. BELITSKAYA^b

^aInstitute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Ul'yanov Street, Moscow 117292, Russia

^bInstitute of History, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: O. S. Rumyantseva (o.roumyantseva@mail.ru)

The Abidnya settlement of the Kievskaya archaeological culture, located in the Mogilev Region of Belarus, was earlier considered as a manufacturing centre for the Eastern European enamelled objects. An interdisciplinary research of the evidence for the production metal objects has been carried out in the course of our project. It has included the morphological analysis of the crucibles; the study of the chemical composition of their surface and content with the portable X-ray fluorescence analysis and scanning electron microscopy with energy dispersive spectroscopy; the surface distribution of the finds, which could be related to the industrial complex – crucibles, smelting lances, casting moulds, beads of red opaque glass – possible raw materials for enamelling, production wastes etc. According to the results of our study, the evidence for the enamelling

cannot be attested on the site. All the studied finds are related to the melting (remelting) and casting of the copper-based alloys, containing zinc, tin, lead. Brass, bronze and multicomponent copper alloys could have been among them.

Keywords: Kiev archaeological culture; Eastern European champlevé enamels; late Roman period; casting; crucibles; brass; bronze; scanning electron microscopy with energy dispersive spectroscopy; portable X-ray fluorescence analysis.

Acknowledgements. We are very grateful to O. A. Vorotnikova, the conservator of the archaeological collection of the department of old Belarusian culture of the Center of studies of Belarusian culture, language and literature of the National Academy of Sciences of Belarus and to V. N. Tarasevich, the research fellow of the National Historical Museum of the Republic of Belarus for the kind assistance in work with the collections from Abidnya. We are also thankful to A. A. Trifonov («Carl Zeiss», Moscow) and E. A. Saprykin (Joint Institute for Nuclear Research, Dubna) for the study of the chemical composition of the Abidnya's crucibles' surface and content. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (research project No. 18-09-40093).

Введение

Археологический комплекс около д. Адаменки в ур. Абидня Быховского района Могилёвской области хорошо известен в Беларуси и за ее пределами. Его материалы стали эталонными для характеристики материальной культуры населения Верхнего Поднепровья второй четверти I тыс. н. э. Среди происходящих из поселения Абидня материалов особенный интерес представляют находки, связанные с производственным комплексом, который изучен экспедицией Л. Д. Побоя [1, с. 424–441]. Исследователи определяли его как бронзолитейный и эмальерный комплекс, связывая с производством на памятнике украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Возможность изготовления изделий данного круга в поселении Абидня обсуждалась и позже [2, с. 199–200; 3, с. 326–327]. Высказывалось также предположение о связи с местным эмальерным производством уплощенных бус красного глухого стекла, состав которых близок составу эмалей

[1, с. 425, 436]. В то же время предложенная Л. Д. Побоя и В. Д. Наумовым интерпретация находок дискуссионна, а полная публикация комплекса до сих пор отсутствует. Это заставило нас вновь обратиться к материалам ур. Абидня и провести анализ отдельных категорий находок, прежде всего тиглей, наиболее многочисленных на поселении. В статье рассмотрены их морфология, планиграфическое распределение и химический состав остатков содержимого. Среди задач исследования – уточнение вероятного характера производства, свидетельства которого выявлены в ур. Абидня, а также его возможной связи с изготовлением украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Нами изучены материалы, хранящиеся в фондах Института истории Национальной академии наук Беларуси, Национальном историческом музее Республики Беларусь и Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси.

Археологический контекст

Поселение Абидня расположено на трех песчаных всхолмлениях высотой 2–4 м в пойме левого берега р. Адаменки, правого притока р. Днепр. Находки на планах распределения обозначены буквами А, В, С (рис. 1–3). Памятник был открыт в 1960 г. Л. Д. Побоя, который исследовал его в течение шести лет [4–10]. Значительная часть материалов введены в научный оборот Л. Д. Побоя и А. В. Ильютки [11, с. 168–184; 12–18; 19, с. 198–247]. Раскопки производились на трех участках, на каждом из них получены близкие в типологическом отношении материалы. Площадь селища длительное время распаивалась, поэтому культурный слой на возвышенных местах сильно разрушен. На пониженных участках у поймы р. Адаменки он сохранился хорошо и достигал 0,6–0,8 м. Общая площадь селища занимала 6–7 га, раскопками изучено более 1,5 га

(16 404 м²). Здесь обнаружены остатки 30 жилищ¹, 28 из них имели полуземляночную конструкцию, жилище № 3 – наземную столбовую [11, с. 171; 12, с. 102–153; 13, с. 124–142]. В плане жилые постройки квадратные или прямоугольные, площадью от 6 до 16 м². Очаги у большинства полуземлянок открытые. На поселении также изучены ямы различного назначения и очаги.

На поселении в ур. Абидня были развиты разнообразные домашние промыслы, в том числе получение железа из болотных руд, кузнечное и бронзолитейное дело. Изучены объекты, которые можно рассматривать как производственные постройки. В одной из них в скоплении шлаков и докрасна обожженной глины была найдена железная крица [19, с. 200]. На памятнике также обнаружено скопление руды.

¹Нумерация жилищ поселения в ур. Абидня в научных публикациях соответствует полевой, той, которая была дана Л. Д. Побоя в отчетах № 1–22 и 24–30 (жилище № 23 отсутствует на планах и в описаниях отчетов). Жилища № 12 и 30 построены на месте сгоревших построек № 11 и 29. Их котлованы, по определению Л. Д. Побоя, совпадали [4; 10].

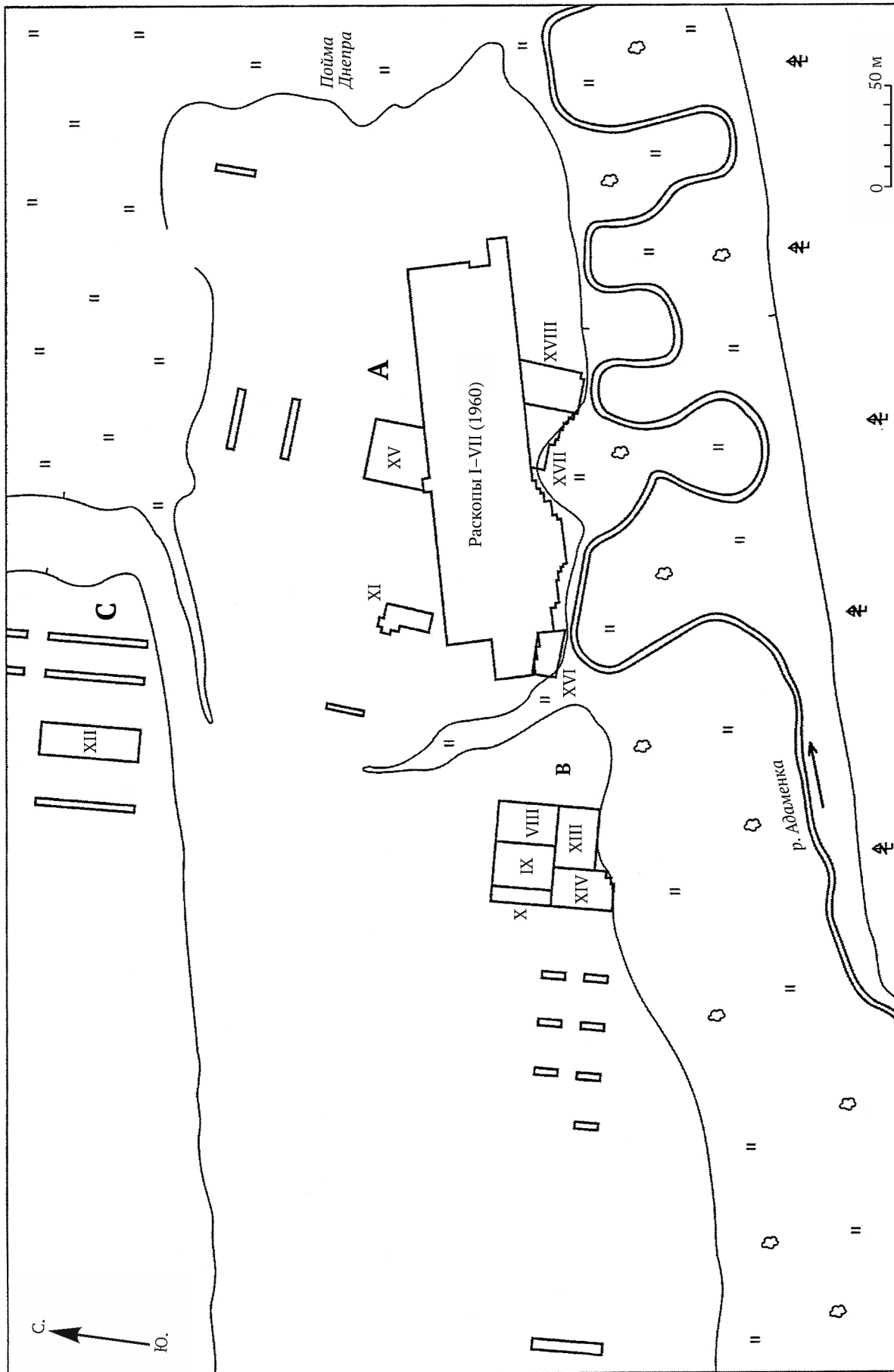


Рис. 1. Поселение Аби́дня: план участка А с обозначенными местами обнаружения предметов, связанных с обработкой цветных металлов, и утолщенных параллелепипедных бус красного грубого стекла.
Источник: [19, рис. 1]

Fig. 1. The plan of the Abidnya settlement with excavations by the expedition of L. D. Pobol' in 1960–1967.
Source: [19, fig. 1]

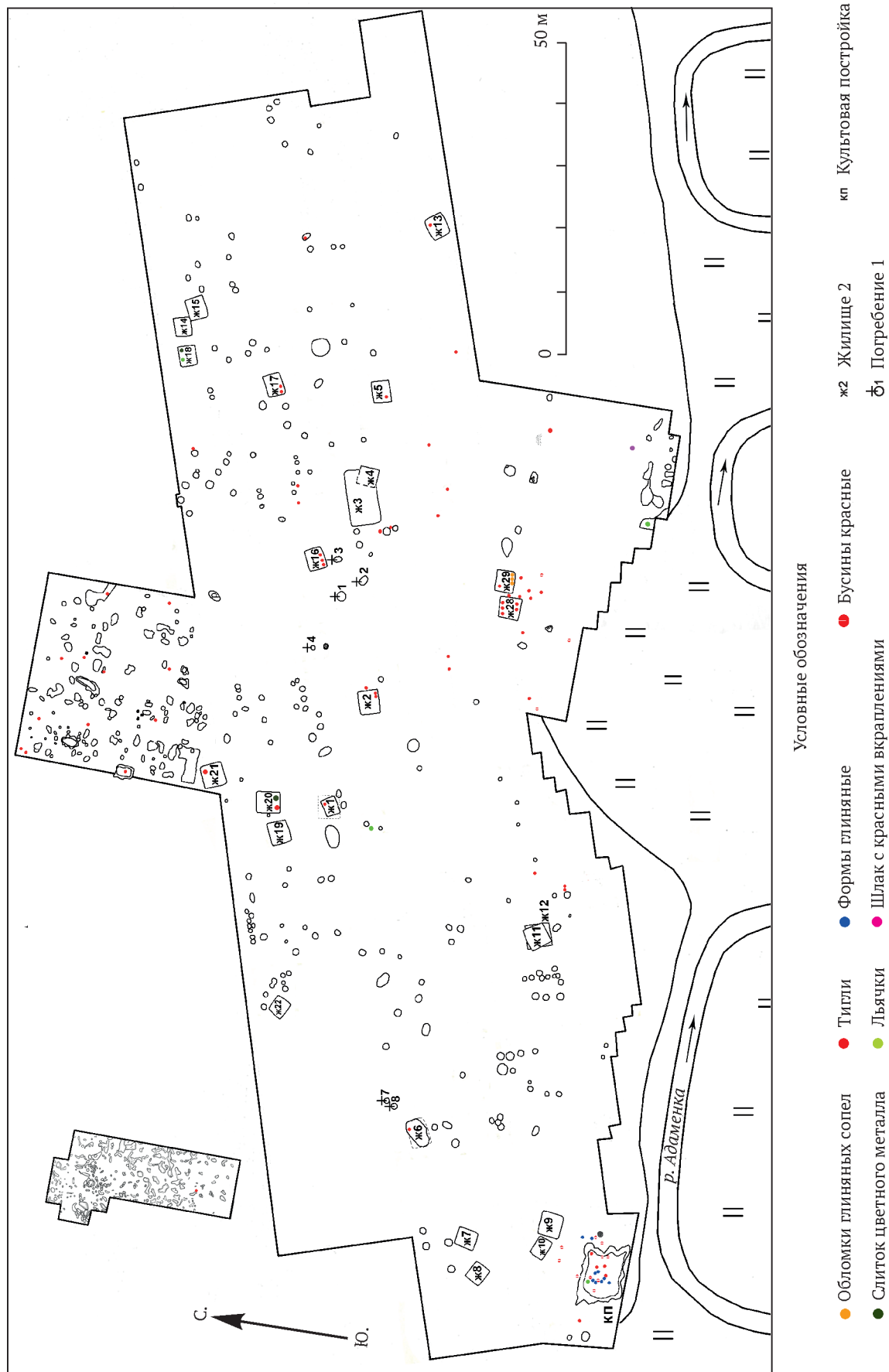
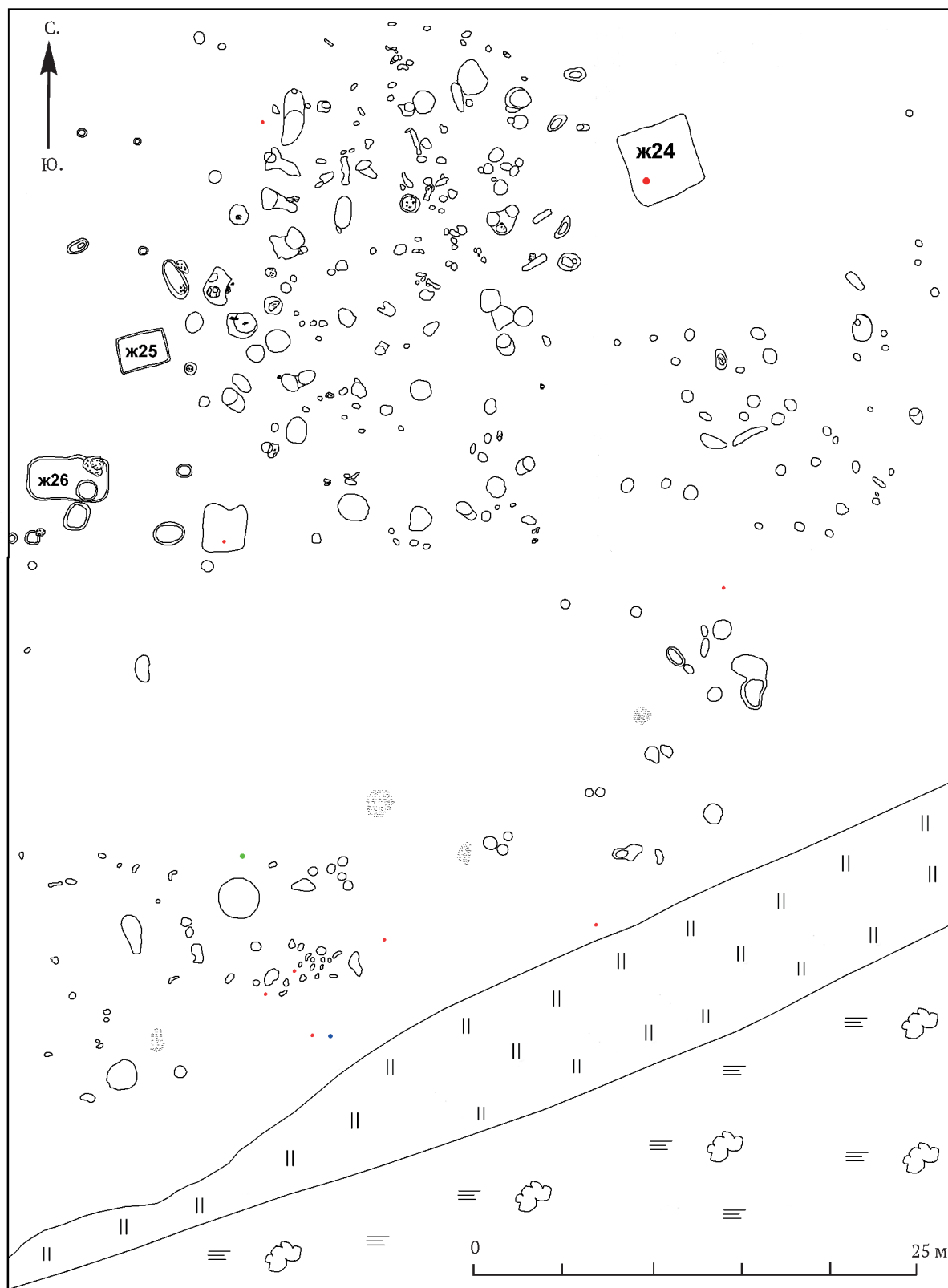


Рис. 2. Поселение Абидня: план участка А с обозначенными местами находок, связанных с обработкой цветных металлов, и уплотненных параллелепipedных бус красного стекла.

Источники: [4; 5; 9; 10]

Fig. 2. Abidnya settlement: plan of the sector A with marked places of finds related to the non-ferrous metal working, and of flattened prismatic beads of red glass.

Sources: [4; 5; 9; 10]



Условные обозначения

ж24 Жилище 24

● Тигли

● Льячки

● Формы глиняные

Рис. 3. Поселение Абидня: план участка В с обозначенными местами находок, связанных с обработкой цветных металлов.

Источники: [5–8]

Fig. 3. Abidnya settlement: plan of the sector B with marked places of finds related to the non-ferrous metal working.

Sources: [5–8]

Среди вещевого материала – предметы из глины, железа, стекла, камня и кости, а также внушительная коллекция изделий из цветного металла: многочисленные подвески, браслеты, свернутые трубочки с орнаментом. Можно полагать, что многие из них изготавливались на месте, о чем свидетельствуют предметы, связанные с бронзолитейным производством (тигли, льячки, формочки).

Л. Д. Поболь считал, что поселение около д. Адаменки существовало на протяжении примерно четырех столетий, со II по V в. н. э. Исследователь предложил отнести группу памятников, распространенных на территории Белорусского Поднепровья во второй четверти I тыс. н. э. и имеющих общие характерные черты в домостроении, погребальном обряде, изготовлении определенных

форм керамики и других изделий, к позднему этапу зарубинецкой культуры, или культуре типа ур. Абидня [11, с. 171–173]. Однако это мнение было не единственным. В. Н. Даниленко отнес материалы типа ур. Абидня к памятникам киевского типа. Его поддержали А. Г. Митрофанов, Р. В. Терпиловский [20, с. 66; 21, с. 118; 22, с. 95–97]. Р. В. Терпиловский разделил киевскую культуру на локальные варианты и включил в верхнеднепровский вариант памятники Белорусского Поднепровья, Нижнего и Среднего Посожья, нижнего течения р. Березины. В настоящее время ряд исследователей относят материалы поселения Абидня к верхнеднепровскому варианту киевской культуры, датируя их концом II (III) – началом IV в. [19, с. 242–243; 23, с. 84–85; 24, с. 290–298].

Методика аналитического исследования

Анализ сохранившегося содержимого и поверхности тиглей выполнялся с помощью метода сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализатором (СЭМ-ЭДС) и рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) (табл. 1 и 2).

Наиболее репрезентативная выборка (29 фрагментов тиглей и льячек из фондов Института истории НАН Беларуси) изучалась неразрушающим методом безэталонного РФА. Исследование выполнено с применением приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических измерений при Институте археологии РАН (аналитик – И. А. Сапрыкина). Анализ проведен с использованием портативного РФА-спектрометра Tracer 5i (Bruker, Германия) с помощью метода измерения *geoexploration*. Анализ был качественным или полуколичественным (сложная геометрия образцов не позволила получить количественные значения по содержанию металлов в тиглях и льячках). Результаты представлены в табл. 2.

Методом СЭМ-ЭДС изучены 7 образцов. Данный метод более надежен при определении легких элементов, в первую очередь натрия, который методом РФА определить не удалось. Исследование проведено на сканирующем электронном микроскопе EVO LS 10 (Carl Zeiss, Германия), оснащенном энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором Aztek X-Max (Oxford Instruments, Великобритания), в Научно-исследовательском институте глазных болезней имени Гельмгольца (аналитик – А. А. Трифонов).

Дополнительный анализ одного из образцов был выполнен на сканирующем электронном микроскопе Tescan Vega 3 (Tescan, Чехия) с детектором EDS (Oxford Instruments, Великобритания) в Лаборатории радиационной биологии Объединенного института ядерных исследований (аналитик – Е. А. Сапрыкин). Ускоряющее напряжение составило 15 кВ, энергетический диапазон – 20 кэВ.

Характеристика материалов, связанных с производством

Керамические тигли являются самой массовой находкой, связанной с производственным комплексом ур. Абидня. На поселении найдено до двух десятков целых форм и более 100 фрагментов тиглей высотой 4–7 см с толщиной стенок от 0,5–0,7 до 1,0–1,5 см [1, с. 425; 19, с. 214, рис. 14].

При работе с коллекцией нам удалось изучить 72 тигля, в том числе 4 полные формы и 68 фрагментов, выполненных из огнеупорной керамики, включая мелкие обломки сосудов неопределимой формы (рис. 4 и 5).

Среди определимых форм выделяются два типа тиглей. Первый, более многочисленный (см. рис. 4: 2, 3, 7, рис. 5: 5–7) тип представлен изделиями треугольной в поперечном сечении формы, на одном из углов которых располагается плоская вертикальная ручка, предназначенная, очевидно, для захвата ти-

гля инструментом, на некоторых из них ручка отсутствует (см. рис. 4: 4, рис. 5: 5). Изделия представлены 3 полными формами, высота которых составляет 4,5–6,5 см, ширина граней по венчику – 4,0–5,5 см. Сохранились фрагменты еще 14 изделий. Толщина стенок тиглей этой формы составляет 6–9 мм, дна – 5,5–23,0 мм. На территории Беларуси тигли подтреугольной формы в период римских влияний известны только на поселениях Абидня и Тайманово [21, рис. 22: 17, 75, рис. 51: 2; 11, рис. 60: 4, 5].

Тигли второго типа (см. рис. 4: 1, 8, 9, рис. 5: 1–4) имеют цилиндрическую форму тулова и округлое дно. Они представлены 1 целым экземпляром высотой 6,7 см и диаметром края 4,0 см, а также 5 фрагментами, толщина стенок составляет 8–9 мм, в придонной части – до 10 мм.

Форма остальных фрагментов не определяется.



Условные обозначения:

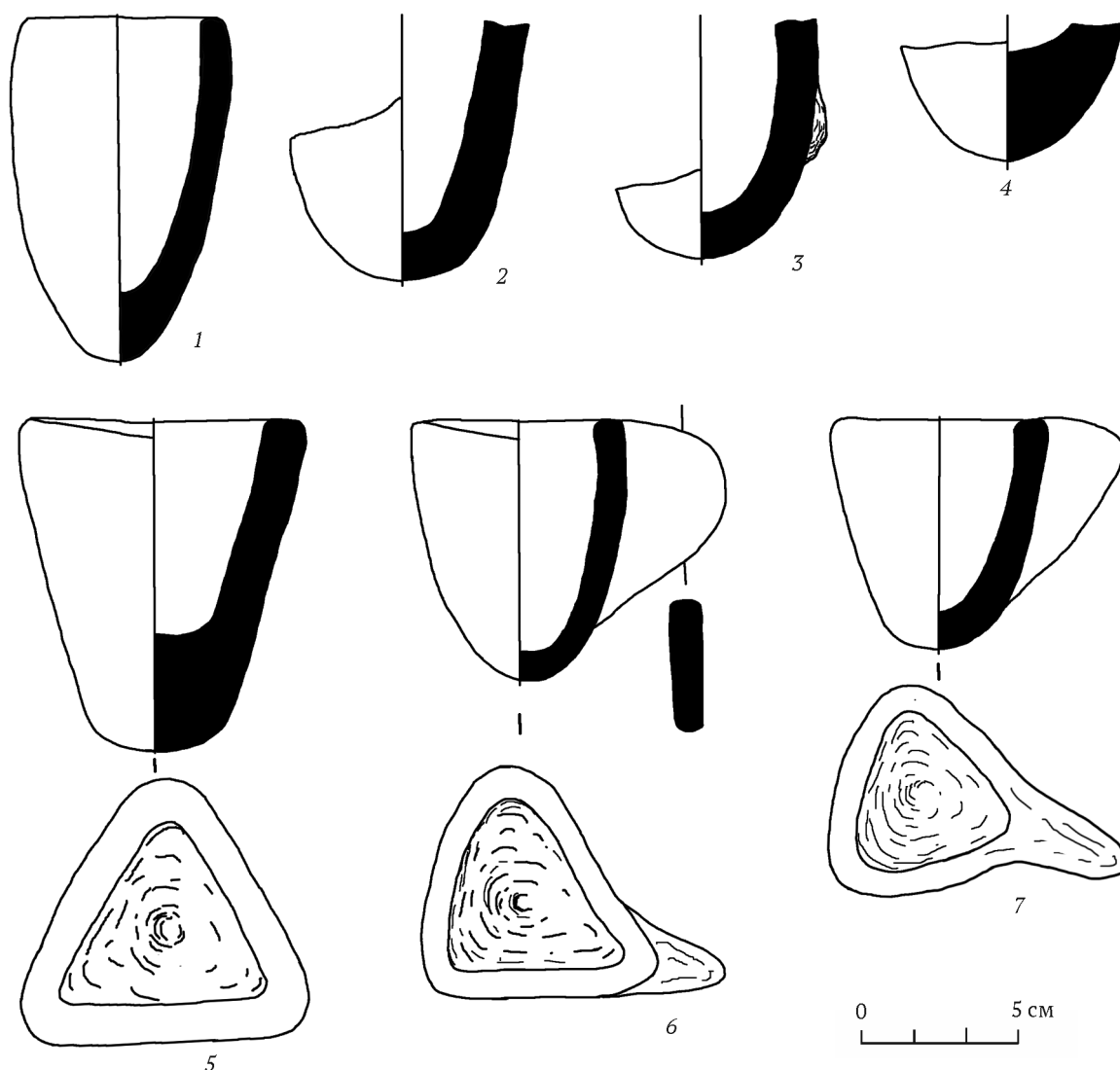
- 1 – А – 808/7; 2 – А – 808/6;
 3 – А – 808/2 (1960 г., квадрат 1761, № 2331 (?);
 4 – 1960 г., жилище № 21, глубина – 0,5 м, № 32782;
 5 – КП 4178/1467; 6 – квадрат 116 (?), № 23524;
 7 – КП 4178/81 (1960 г., жилище № 5, глубина 0,6 см);
 8 – КП 4178/1467; 9 – КП 4178/73 (1960 г., из выброса)

Места хранения:

- 1–4 – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси;
 5, 7–9 – Национальный исторический музей Республики Беларусь; 6 – Институт истории НАН Беларуси

Рис. 4. Тигли с поселения Абидня
 (фото О. С. Румянцевой, компьютерная обработка Д. В. Щепоткина)

Fig. 4. Crucibles from the Abidnya settlement
 (photo by O. S. Rumyantseva, computer processing by D. V. Shchepotkin)



Условные обозначения:

1 – А – 808/7; 2 – 1960 г., № 37; 3 – КП 4178/1467;
4 – КП 4178/78, жилище № 5; 5 – 1960 г., жилище № 21, глубина 0,5 м, № 32782;
6 – А – 808/2 (1960 г., квадрат 1761, № 2331 (?); 7 – А – 808/6

Места хранения:

1, 5–7 – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси;
2–4 – Национальный исторический музей Республики Беларусь

Рис. 5. Тигли с поселения Абидня (рисунок О. С. Румянцевой)
Fig. 5. Crucibles from the Abidnya settlement (drawing by O. S. Rumyantseva)

Л. Д. Поболь и В. Д. Наумов отмечали, что «обилие тиглей, на которых заметны следы стеклообразной массы, позволяет предполагать, что стекло для бус и эмалей варилось на месте» [1, с. 437]. Однако детальное изучение коллекции позволяет скорректировать данный тезис. Главная особенность, которая отличает подавляющее большинство обследованных тиглей, – отсутствие следов содержимого на их внутренней поверхности. При этом внешняя поверхность большинства находок несет следы воздействия огня или высоких тем-

ператур: в большинстве случаев она ошлакована и имеет черный или зеленовато-серый цвет, в редких случаях – участки красного цвета. По виду она действительно напоминает покрытие стеклообразной массой. Внутренняя поверхность тиглей в большинстве случаев чистая, следы содержимого на ней фиксируются редко. Остатки содержимого (окислы медных сплавов) зафиксированы лишь в одном из цилиндрических тиглей (см. рис. 4: 8, рис. 5: 3, табл. 1 (Абидня-9а, Абидня-9б, Абидня-9в), рис. 5: 4).

На треугольных тиглях возможные следы содержимого также читаются в единичных случаях. Лишь у 2 изделий данного типа внутренняя поверхность полностью ошлакована, имеет пористую структуру бежево-коричневого или красного оттенка (см. табл. 1 (Абидня-6)). На стенках 2 изделий изнутри зафиксирована капля (судя по цвету, медного сплава), а также натеки, не образующие сплошного слоя, внешне напоминающие медные окислы. На одном из треугольных тиглей читается натек снаружи (см. табл. 1 (Абидня-7)). Капля, по виду напоминающая медный окисел, зафиксирована в одном случае на ручке, оставшейся от треугольного тигля.

Еще 2 фрагмента неопределенной формы ошлакованы и снаружи, и изнутри.

Стекловидный слой во всех случаях очень тонкий, что характерно для керамики, испытывавшей воздействие высокой температуры. В тиглях, в которых варилось или разогревалось стекло, обычно присутствует более массивный его слой.

Помимо тиглей, на поселении зафиксированы также льячки, среди которых А. В. Ильютик выделила два типа, различающихся формой и наличием или отсутствием слива [19, с. 212].

Исследователи интерпретировали 11 изделий как обломки литейных форм. Лишь на одной находке (рис. 6) полностью сохранилась литейная полость [19, с. 215–216, рис. 13: 2].

В коллекции содержатся также 2 фрагмента кирпича с ошлакованной стекловидной поверхностью, которые могли принадлежать производственной печи. Определить вид производства, с которым они связаны, невозможно.

Среди материалов ур. Абидня присутствует еще ряд находок, которые могут свидетельствовать о бронзолитейном производстве: слитки цветного металла (жилища № 18 и 20), фрагменты глиняных сопел (жилище № 29) [10], некоторое количество так называемого лома цветного металла в широком понимании этого термина [19, с. 213]. Их на-

ходки приурочены преимущественно к заполнениям жилищ и площадкам вокруг них (см. рис. 2 и 3) [19, с. 280–281].

Анализ планиграфии находок, связанных с производством цветных металлов (слитки, тигли, льячки, формы), показал, что на изученных площадях поселения – всхолмлениях А и В (см. рис. 1), значительное их количество выявлено в заполнении жилищ (№ 1, 2, 5, 6, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 24) либо в непосредственной близости от них (см. рис. 2 и 3). Известны случаи нахождения тиглей и льячек в хозяйственных ямах. Больше всего их зафиксировано в постройке из раскопа XVI, которую Л. Д. Поболь и А. В. Ильютик интерпретировали как объект культового характера [9; 19, с. 280–281, рис. 13]. Следы постройки (см. рис. 2) обнаружены на краю террасы, в 4–5 м к югу от жилищ № 9 и 10. На уровне материка изучена яма прямоугольной формы с неровными краями (10 × 6 м), глубина которой достигала более 0,4 м. В культурном слое над ней выявлено большое количество мелких кальцинированных костей. В культурном слое над ямой и в ее заполнении найдены 7 глиняных форм, 5 тиглей и льячка, а также украшения, бусы и предметы быта. Обломок тигля и 2 фрагмента форм найдены также в культурном слое поселения около постройки.

Наиболее яркие свидетельства бронзолитейного производства, зафиксированные при анализе состава содержимого тиглей методом РФА, происходят из жилища № 28. Оно расположено рядом с сооружением № 29, из которого происходят находки глиняных сопел, связанных со специальным теплотехническим сооружением, необходимым для бронзолитейного производства. В районе этих 2 сооружений отмечена также повышенная концентрация тиглей (см. рис. 2). Сооружения № 28 и 29 представляют собой полуземлянки, исследованные на всхолмлении А в 1966 г. в раскопе XVII (см. рис. 2 и 7).

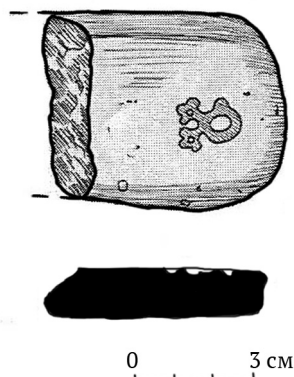


Рис. 6. Фрагмент литейной формы.
Источник: [19, рис. 13]

Fig. 6. Casting mould fragment.
Source: [19, fig. 13]

Химический состав содержимого тиглей и поверхности тиглей и кирпичей, мас. %

Table 1

Chemical composition of the surface and the content of the crucibles and bricks studied with SEM-EDS technique, wt. %

№ п/п	Шифр пробы	Номер по описи, место нахождения	Место отбора пробы	Описание пробы	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	Cu	Zn	As	Sn	Pb
1	Абидня-5	Квадрат 1116 (?), № 23524	Ошлакованная поверхность тигля (?), форма не определена	«Глазурь» красного цвета	1,80	1,13	10,75	57,68	1,09	9,19	6,39	0,28	0,52	4,04	4,06	1,42	<0,1	0,22	0,40
2	Абидня-6	КП 4178/80*, жилище № 5, глубина 0,5 м	Внутренняя поверхность треугольного тигля	Ошлакованная поверхность красного цвета	0,74	2,21	24,71	57,80	1,56	4,64	2,01	0,88	0,19	5,65	0,14	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1
3	Абидня-7	КП 4178/43*, жилище № 1, глубина 0,65 м	Внешняя поверхность тигля	Натек красного цвета	0,42	1,29	3,50	58,72	0,39	11,89	15,78	0,18	0,44	7,56	0,46	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1
4	Абидня-8	КП 4178 (?)*	Внешняя поверхность тигля, форма не определена	Натек на ошлакованной внешней поверхности	1,29	0,00	6,80	66,70	0,50	11,62	3,40	0,23	0,08	2,18	5,53	<0,1	<0,1	0,57	<0,1
5	Абидня-9а	КП 4178/1467*	Содержимое цилиндрического тигля, (участок 1)	Окисел зеленого цвета	2,50	1,77	6,99	15,57	4,78	0,21	2,44	<0,1	0,36	1,79	9,80	41,38	<0,1	<0,1	<0,1
6	Абидня-9б	КП 4178/1467*	Содержимое цилиндрического тигля, (участок 2)	Окисел зеленого цвета	4,50	1,59	4,61	22,95	3,48	0,23	2,69	<0,1	0,39	1,24	6,27	40,55	<0,1	0,09	<0,1
7	Абидня-9в	КП 4178/1467*	Содержимое цилиндрического тигля (участок 3)	Окисел зеленого цвета	0,00	0,00	7,31	10,82	14,28	0,27	5,92	0,18	0,28	1,84	30,04	14,59	0,73	1,31	0,82
8	Абидня-10	КП 4178/2196*, жилище № 4, глубина 0,4–0,5 м	Кирпич	Остеклованная поверхность	0,43	0,95	9,77	40,94	2,29	17,51	13,56	0,37	0,28	15,44	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1
9	Абидня-11	КП 4178/1498*	Кирпич	Остеклованная поверхность	0,90	1,18	8,92	53,09	0,25	12,90	9,25	0,83	0,76	13,21	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1

Примечание. Звездочкой обозначены данные, представленные по описи Национального исторического музея Республики Беларусь. Приведены средние значения, полученные по трем измерениям. Анализ проведен А. А. Трифоновым. Метод анализа – СЭМ-ЭДС.

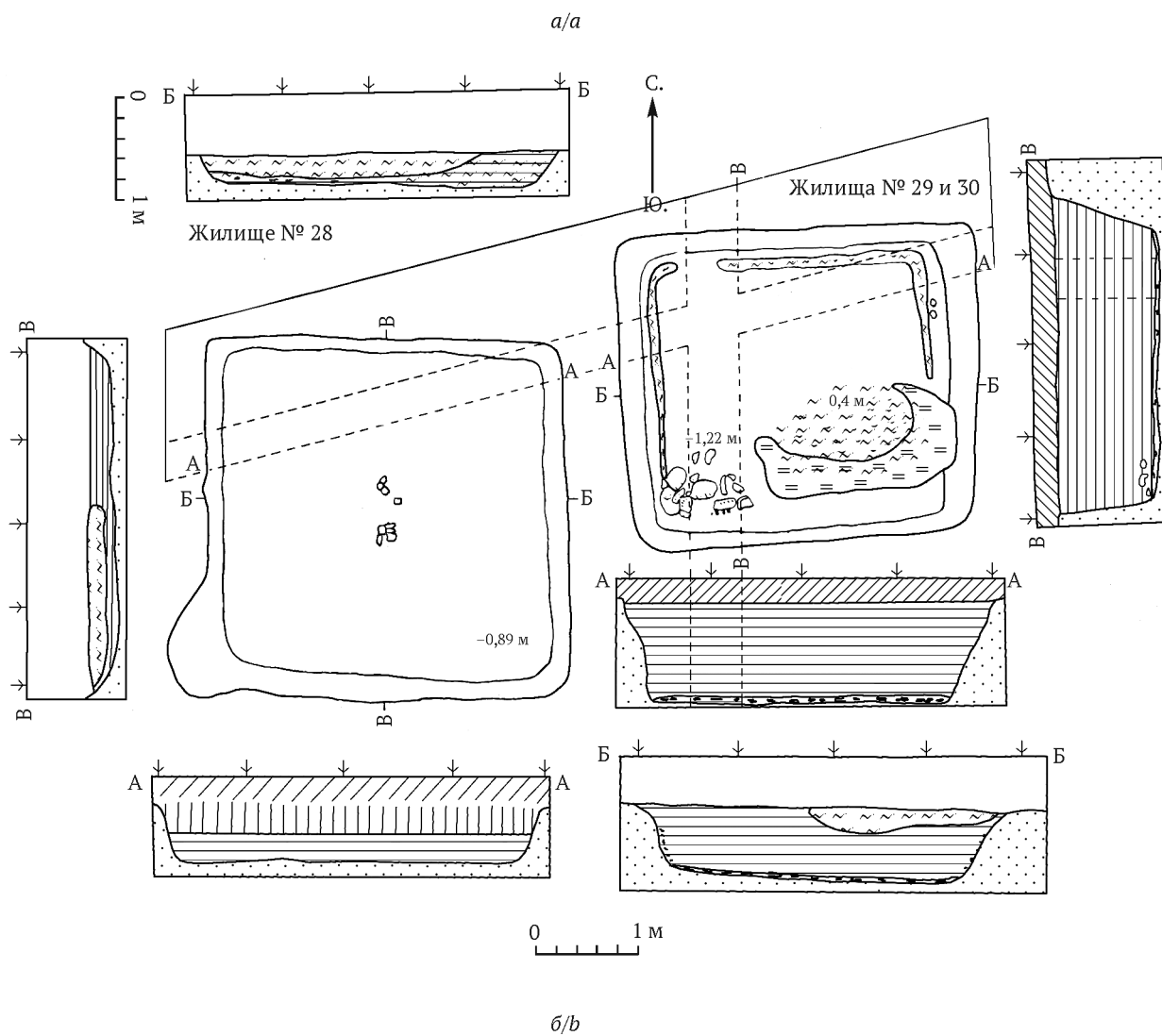


Рис. 7. Поселение Абидня: а – планы и профили жилищ № 28–30; б – фото исследованных построек № 29 и 30.

Источник: [10]

Fig. 7. Abidnya settlement: a – dwellings 28–30, plans and cross-sections;
b – dwellings 29, 30, photo.

Source: [10]

Жилище № 28 (см. рис. 7) имеет квадратную форму размером $3,5 \times 3,5$ м, основание углублено на 0,3 м. Стены ориентированы по линиям север – юг, запад – восток. В юго-западном углу имелся округлый выступ. В полевом отчете Л. Д. Побоя жилище № 28 описано очень кратко, без характеристики отопительного сооружения. Однако на рисунке профилей постройки имеется обозначение зольного пятна, которое локализовано в юго-западной части жилища [10; 13 с. 124–142]. Его толщина, исходя из представленного масштаба, была около 0,3 м. В фондах Института истории НАН Беларуси хранятся фрагменты 5 тиглей из жилища № 28. Постройка датируется арбалетовидной фибулой с подвижной ножкой (длина 5,0 см, пружина из 8 витков, сечение спинки полукруглое). Это тип A26 по типологии Е. Л. Гороховского [19, с. 223, рис. 22: 2]. Для черняховских могильников подобные застёжки были характерны для ружичанской фазы (вторая треть – третья четверть III в. н. э.) [25, с. 34–46].

Жилище № 29 (см. рис. 7) в плане почти квадратной формы, размеры составляют $3,8 \times 3,2$ м. Пол находился на глубине 0,68 м от дневной поверхности. Стены ориентированы по линиям север – юг, запад – восток. В юго-восточной четверти жилища на глубине 0,4 м размещалась глинобитная печь подковообразной формы. Толщина глины достигает 0,2 м.

Котлован жилища заполнен темно-серым гумусом, в котором найдены обломки тиглей, три обломка глиняных сопел круглой формы, обожженные камни, уголь, куски шлака, крицы, глиняной обмазки, обожженной глины, фрагменты лепной керамики, кости животных [13, с. 124–142].

По версии Л. Д. Побоя, постройки № 29 и 30 (см. рис. 7) объединял один котлован. Полуземлянка № 30 имела в плане квадратную форму, размеры в верхней части составляли $3,4 \times 3,3$ м, на дне – $3,0 \times 2,7$ м. Дно основания жилища находилось на глубине 1,22 м. Стены ориентированы по линиям север – юг, запад – восток. На дне котлована зафиксирована прослойка угля и золы мощностью от 2 до 5 см. Ниже находился желтый мелкозернистый материковый песок. В юго-западном углу на уровне пола располагался очаг из камней ($0,96 \times 0,7$ м). Камни сильно обожжены. Еще два камня были обнаружены отдельно у северо-восточной стены на дне [13, с. 124–142]. Возможно, два жилища (№ 29 и 30), находящихся в одном котловане, представляли собой один производственный комплекс с очагом и горновой печью на останце.

Большое количество обломков тиглей найдено также в культурном слое вдали от каких-либо объектов, что, возможно, объясняется их утратой в результате многовековой хозяйственной деятельности.

Проблема выявления признаков эмальерного производства на памятнике

Сложность выявления свидетельств эмальерного производства связана с тем, что его признаки в большинстве случаев неотличимы от признаков обработки цветных металлов, в первую очередь литейного производства [26, р. 184–185], которые очень представительны в ур. Абидня. К специфическим признакам именно эмальерного производства принято относить следующие находки. Самым очевидным признаком считаются глиняные формы для отливки изделий тех типов, которые эмальировались. Именно коллекции подобных форм являются одним из основных источников по изучению локального производства на территории римской Британии [26, р. 184–185].

Единственная форма из ур. Абидня с хорошо сохранившейся литейной полостью предназначалась для отливки небольшой подвески (см. рис. 6). Глубина полости изделия составляет 2 мм, высота – 1,6 см [19, с. 215–216, рис. 13: 2]. Наличие двух щитков с отростками на концах сближает данное украшение по стилистике с изделиями круга восточноевропейских выемчатых эмалей, однако точных аналогий ему среди вещей с эмальями нам неизвестно. Круглые поля в центре щитков вряд ли можно рассматривать как поля для эмалевых вставок, так как они слишком малы: их диаметр составляет

2 мм [19, с. 216], а минимальный размер эмалевого поля дисковидной формы на изделиях в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей достигает обычно не менее 4,5–5,0 мм. Поля малого размера характерны для украшений ранней стадии развития стиля [27, с. 118–120], однако они отличаются по форме и иначе оформлены. Возможно, данная подвеска предназначалась для убора круга восточноевропейских выемчатых эмалей, однако факт ее изготовления в ур. Абидня не подтверждает производство здесь изделий с эмалевыми вставками.

Помимо форм, свидетельством эмальерного производства могут выступать полуфабрикаты эмалей в виде небольших брусков или полосок стекла, в первую очередь красного цвета. Серия таких находок происходит из Британии. В качестве полуфабрикатов для эмальирования на территории римских провинций могла использоваться также мозаичная смальта [26, р. 184–186].

Полуфабрикатов эмалей, аналогичных находкам из Британии [26, fig. 17: 13], на поселении Абидня также не обнаружено. Однако учеными неоднократно высказывалась гипотеза о том, что в случае с изделиями круга восточноевропейских выемчатых эмалей эту роль могли выполнять уплощенные параллелепипедные бусы красного глухого стекла [28].

Как показало исследование состава стекла бус данного типа и эмалей Брянского клада, они действительно имеют идентичный состав, нехарактерный для бус, но типичный для эмалей как восточноевропейских, так и провинциально-римских [29; 30]. В свете современных представлений об организации стеклоделательного производства вряд ли можно говорить о варке такого стекла в ур. Абидня, как предполагали Л. Д. Поболь и В. Д. Наумов [1]. Близость состава эмалей днепровских и параллелепипедных бус из данного региона эмалям римской Британии позволяет говорить об импортном характере подобного стекла в Поднепровье [29]. Однако не исключено, что бусы могли использоваться здесь как товарная форма полуфабрикатов для эмальерного производства, являясь одновременно украшениями и сырьем для эмалей [29]. Вдали от стеклоделательных (эмальерных) центров они могли использоваться для изготовления эмалевого порошка, которым затем заполнялись эмалевые гнезда.

Поселение Абидня является безусловным лидером по количеству находок параллелепипедных бус-кирпичиков красного непрозрачного стекла: на памятнике зафиксированы 26 экземпляров украшений данного типа [31]. Чаще всего данные бусы ассоциируют с типом 104 по типологии Е. М. Алексеевой [32, с. 69–70, табл. 33] или типом 111 по типологии М. Темпельманн-Мончиньской [33, s. 35–36], хотя и отличаются от них по форме. В то же время изученная раскопками площадь в ур. Абидня сильно превышает размер участков, исследованных на других памятниках киевской культуры. Проведенный нами анализ показал, что бусы этого типа из ур. Абидня по составу также идентичны эмалевым вставкам. В данном контексте особенно интересен факт совстречаемости подобных бус с предметами, связанными с литейным производством, в постройке культового характера в Абидне. По-

мимо форм, тиглей и льячки, из нее происходят 5 из 26 найденных на памятнике бус-кирпичиков, еще 5 экз. таких бус найдены в культурном слое около постройки, 3 бусины данного типа были найдены в слое недалеко от жилищ № 28 и 29. Данными о местах находки остальных бус-кирпичиков мы не располагаем. Есть большой соблазн связать зону высокой концентрации находок, связанных с литейным производством, и бус-кирпичиков (предполагаемого сырья для эмалей) в культовой постройке с наличием в поселении Абидня эмальерного производства. Однако достаточных оснований для этого нет. Из данного сооружения происходят и другие разнообразные находки (лунница с эмальями, железная булавка, нож, серп, кресало, миниатюрные сосуды, около 10 глиняных пряслиц), в том числе бусы синего и желтого стекла, не имеющие отношения к эмальерному производству. Таким образом, контекст данной находки неоднозначен, а точное назначение постройки не установлено: признаки, которые могли бы указывать на ее производственное назначение, на основании имеющихся данных не выделяются.

Среди материалов ур. Абидня отсутствуют также другие категории находок, которые могли бы указывать на факт местного эмальерного производства: матрицы, заготовки изделий с эмальями, их бракованные экземпляры и др. Особую сложность представляет собой выявление тиглей, которые могли использоваться именно в эмальерном производстве. Исследование огнеупоров с остатками цветного стекла, обнаруженных на территории Британии, показало, что ни один из них не мог быть связан с данным видом ремесла [26].

Для уточнения особенностей производственного комплекса, существовавшего на поселении Абидня, был изучен химический состав остатков внутренне-го заполнения тиглей.

Результаты изучения состава содержимого и поверхности тиглей и их обсуждение

Исследование химического состава поверхности тиглей и их содержимого не позволило выявить на них следы эмалей. Все измерения либо подтверждают наличие бронзолитейного производства, либо отражают состав глины, из которой изготовлены тигли.

В 6 образцах исследованной выборки, изученных методом РФА (см. табл. 2, образцы 1–6), были зафиксированы концентрации элементов, которые позволяют относительно надежно идентифицировать тип металла или сплава, плавившегося в тиглях: это медь, двойная и тройная латуни. Максимальные значения по содержанию следов цинкосодержащих сплавов зафиксированы в тиглях из сооружения

№ 28. Состав 23 образцов типичен для керамического теста (см. табл. 2, образцы № 7–29). Ни один из результатов анализов не отражает состав, близкий тому, что характерен для эмали.

Методом СЭМ-ЭДС в одном случае исследовано содержимое тигля (см. рис. 4: 8, рис. 5: 3), в другом – образец внутренней ошлакованной поверхности, в двух – состав натеков на их внешней поверхности, еще в одном – поверхность (также ошлакованная) сильно перегоревшего керамического изделия неопределенной формы (вероятнее всего, также фрагмент тигля). В трех случаях (внутренняя поверхность, натек на внешней поверхности, фрагмент изделия) были отобраны образцы остеклованной

поверхности красного цвета (см. рис. 4: 6), чтобы проверить, могли ли изучаемые огнеупорные сосуды быть связаны с эмалирным производством. Проанализирован также состав остеклованной поверхности кирпичей (см. табл. 1).

Основной состав исследованных кирпичей и поверхности тиглей очень схож на качественном уровне. Различия в содержании и соотношении некоторых элементов, очевидно, являются следствием различий в составе глины. О возможном назначении тиглей позволяют судить следы меди в двух образцах (внутренняя поверхность одного из треугольных тиглей и натеки на внешней поверхности другого (см. табл. 1 (Абидня-6, Абидня-7)), меди и цинка в пропорции примерно 1 : 4 с незначительной примесью олова и свинца (поверхность изделия неопределенной формы (см. рис. 4: 6, табл. 1 (Абидня-5)) и меди с примесью олова (натек на внешней поверхности тигля (см. табл. 1 (Абидня-8))). Перечисленные элементы ожидаемо отсутствуют в образцах кирпичей, в то время как все остальные компоненты присутствуют в составе и тиглей, и кирпичей – в данном случае последние выполняют роль своего рода контрольных образцов ошлакованной керамики (см. табл. 1 (Абидня-10, Абидня-11)).

К близким результатам пришли ранее Л. Д. Поболь и В. Д. Наумов, которые также проанализировали натеки на тиглях, обнаружив в составе стекловидного вещества на них, «кроме кремнезема, глинозема, щелочей натрия и калия, окиси марганца и др., еще и закись меди до 5 %, железа 2–3 % и следы окислов свинца и олова» [1, с. 437]. Авторы исследования расценили наличие перечисленных компонентов как доказательство того, что «в этих тиглях варилось стекло, подобное исследованным красным эмалям и бусине». Однако все перечисленные элементы содержатся как в красном стекле (эмали), так и в керамике со следами медных сплавов на поверхности. Такой набор элементов может быть в равной степени связан как с эмалирным производством, так и с обработкой цветного металла. Однако при этом их соотношения будут различаться. Исследователи не опубликовали анализ состава поверхности проанализированного ими тигля, однако его удалось найти в отчете Л. Д. Поболя [4]. Высокие содержания в исследованном материале алюминия, калия и кальция (табл. 3) не типичны для стекла или эмали, отражая состав керамики. Содержание свинца, наоборот, нехарактерно низко для красной непрозрачной эмали, зафиксированной в том числе самими авторами в эмали лунниц и бусине из ур. Абидня [1, табл. 2].

Особый интерес представляет один из сохранившихся цилиндрических тиглей (см. рис. 4: 8, рис. 5: 3). На внешней стороне он имеет ярко вы-

раженные следы воздействия высоких температур (так называемой черной глазури). Специфический зеленый цвет остатков внутреннего содержимого тигля позволяет атрибутировать их как результат плавки (переплавки) меди или сплавов на ее основе [34, р. 67–68]. Для материалов поселения Абидня исследуемый тигель – исключительный случай, большинство находок имеют чистую внутреннюю поверхность.

Анализ остатков содержимого данного тигля показал наличие в них меди (6,27–30,29 %) и высокое содержание наиболее летучего из металлов – цинка (0,81–41,72 %) (см. табл. 1 (Абидня-9а, Абидня-9в)). На одном из анализируемых участков зафиксированы также незначительные концентрации олова (до 1,54 %), мышьяка (до 1,02 %), свинца (до 0,91 %). Дополнительное изучение этого образца, выполненное методом СЭМ-ЭДС в Лаборатории радиационной биологии Объединенного института ядерных исследований, позволило зафиксировать во всех 19 точках анализа наличие меди и цинка, в некоторых также свинца. Результаты нормализованного пересчета представлены в табл. 4. Олово и мышьяк в данном случае не фиксировались.

Судя по результатам проведенных анализов, тигли использовались для производства многокомпонентных сплавов (Cu – Sn – Pb – Zn) или свинцовой латуни (Cu – Zn – Pb). Анализ состава металла изделий, найденных в ур. Абидня, показал, что при их изготовлении применялись латуни [1, с. 433–434]. Изделия различного назначения, изготовленные из подобных сплавов, были широко распространены в Восточной Европе [35; 36, с. 280–281; 37, р. 46–47].

Столь высокая концентрация цинка в образце отходов производства, значительно превышающая его содержание в латунях как римского периода, так и более позднего времени [38, р. 211; 39; 40, р. 1085; 41, р. 907, fig. 6; 42, р. 703, fig. 1], объясняется, вероятно, его свойством испаряться в процессе плавки, активно взаимодействуя с материалом тигля и буквально впитываясь в него, что ведет к увеличению содержания Zn как в материале самого тигля, так и в образующихся в нем шлаках при его пропорциональном уменьшении в получаемом сплаве. Это подтверждается как лабораторными исследованиями, так и результатами экспериментов [43, р. 84–85], что позволяет использовать присутствие цинка на стенках тиглей как маркер плавки цинкосодержащих сплавов. Такие находки известны и на территории Восточной Европы. В качестве примера можно привести тигли-лячки с городища дьякова типа Отмичи на Верхней Волге (середина I тыс. н. э.). На их ошлакованной внутренней поверхности методом РФА было выявлено до 73,6 % цинка [36, с. 283; 44, с. 264–265, № 38–51].

Химический состав ошлакованной поверхности тиглей и льячек,
изученный методом РФА, мас. %

Table 2

Chemical composition of the surface of the crucibles and smelting landles,
studied with X-ray fluorescence analysis, wt. %

№ п/п	Номер анализа	Паспорт	Наименова- ние	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe	Ni	Cu	Zn	Ba	Pb	Sn	As
1	2341	№ 30210	Фрагмент тигля	–	–	–	–	–	–	–	0,25	3,20	0,007 9	3,0000	0,062 7	0,135 7	0,012 9	0,042 9	–
2	2357	№ 96, жили- ще № 28	Фрагмент тигля	–	–	–	–	–	–	–	0,13	0,01	–	0,139 1	0,827 8	0,150 6	0,012 1	0,009 9	–
3	2358	№ 106, жили- ще № 28	Фрагмент тигля	–	–	–	–	–	–	–	0,25	3,50	0,004 2	0,363 7	0,023 6	0,125 4	0,002 1	0,005 1	–
4	2369	№ 64	Фрагмент тигля	–	12,90	55,10	1,07	4,60	2,94	0,77	0,30	4,30	0,003 9	0,140 1	0,040 8	0,090 3	–	–	0,000 4
5	2376	№ 13111	Фрагмент тигля	–	6,70	50,40	1,25	4,70	4,34	0,42	0,23	2,30	0,002 7	0,236 0	0,036 8	0,072 2	0,001 0	–	0,001 4
6	2379	№ 103, жили- ще № 28	Фрагмент тигля	–	10,70	47,90	1,62	3,90	2,38	0,76	0,15	3,70	0,003 9	–	0,555 9	–	0,017 7	–	–
7	2324	№ 29277	Фрагмент тигля	–	5,20	48,40	0,65	5,40	3,22	0,29	0,22	2,00	0,003 5	0,010 0	0,006 7	–	0	–	–
8	2325	№ 1948	Фрагмент тигля	–	5,40	22,00	0,70	1,10	0,80	0,43	0,21	3,30	0,006 3	0,003 3	0,012 2	0,046 7	0,003	–	–
9	2327	№ 6373	Фрагмент тигля	–	8,70	40,50	1,47	3,80	2,10	0,61	0,13	3,30	0,003 8	0,007 2	0,023 4	–	–	–	0,000 6
10	2328	№ 32764	Фрагмент тигля	–	8,90	37,50	5,04	2,60	5,32	0,74	0,23	3,00	0,004 6	0,002 5	0,009 0	–	–	–	–
11	2329	№ 24154	Фрагмент тигля	–	12,50	55,40	0,88	2,90	1,68	0,72	0,27	4,00	0,003 9	0,007 7	0,023 7	0,106 2	–	–	–
12	2330	Без номера	Фрагмент тигля	–	9,50	49,00	2,52	6,40	5,88	–	0,14	3,90	0,003 8	0,009 2	0,045 3	0,084 9	–	–	–
13	2331	№ 26109	Фрагмент тигля	–	7,70	59,10	3,67	7,00	4,48	0,54	0,08	8,70	0,005 5	0,007 9	0,003 1	–	–	–	–

Окончание табл. 2
Ending table 2

№ п/п	Номер анализа	Паспорт	Наименование	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe	Ni	Cu	Zn	Ba	Pb	Sn	As
14	2332	Без номера	Фрагмент тигля	–	8,60	53,90	11,23	1,90	3,78	0,99	0,19	4,00	0,0022	0,0098	0,0217	0,1022	–	–	0,0004
15	2334	Без номера	Фрагмент тигля	–	16,40	56,50	1,17	3,60	2,52	0,87	0,20	4,80	0,0056	0,0063	0,0091	0,0861	–	–	0,0010
16	2335	№ 28255	Фрагмент тигля	–	5,10	69,00	1,69	12,60	4,48	0,18	0,12	5,60	0,0073	0,0059	0,0032	0,0838	–	–	0,0007
17	2337	№ 24151	Фрагмент тигля	–	7,30	30,60	3,44	2,10	–	0,65	0,28	4,70	0,0048	0,0126	0,0323	–	0,0010	–	–
18	2338	№ 26120	Фрагмент тигля	–	15,60	51,50	1,77	4,60	3,36	0,85	0,34	5,10	0,0065	0,0150	0,0388	0,1069	0,0055	–	–
19	2339	№ 29164	Фрагмент тигля	–	9,50	46,00	1,04	4,00	2,66	0,50	0,23	2,80	0,0040	0,0114	0,0208	0,1085	–	–	–
20	2348	№ 32778	Фрагмент тигля	–	13,80	35,80	8,25	5,00	4,76	1,05	0,25	4,80	0,0054	0,0143	0,0244	0,0867	–	–	–
21	2349	Жилище № 6	Фрагмент тигля	1,70	9,60	43,30	0,79	2,90	2,24	0,60	0,22	3,70	0,0061	0,0121	0,0252	0,1028	0,0013	–	–
22	2351	№ 2223	Льячка	–	20,20	64,70	1,02	3,20	1,33	1,23	0,16	4,20	0,0045	0,0020	0,0374	0,1366	0,0040	–	0,0019
23	2353	№ 23695	Фрагмент тигля	–	9,70	40,40	6,65	3,80	4,20	0,93	0,23	4,80	0,0043	0,0196	0,0693	0,1140	0,0009	–	–
24	2359	№ 8	Льячка	–	4,40	23,30	0,10	0,83	2,94	0,51	–	2,10	0,0043	0,0269	0,0088	–	0,0027	–	0,0009
25	2362	№ 12	Фрагмент тигля	–	12,00	58,60	1,29	4,30	4,34	0,65	0,29	4,30	0,0035	0,0578	0,0063	0,1012	0,0018	–	–
26	2363	№ 101, жилище № 28	Фрагмент тигля	–	10,00	45,80	1,32	5,20	4,20	0,54	0,21	3,10	0,0038	0,0326	0,0386	0,1100	0,0013	–	–
27	2364	Без номера, жилище № 28	Фрагмент тигля	–	7,30	33,60	0,81	2,10	1,68	0,39	0,16	2,70	0,0048	0,0232	0,0360	0,1293	0,0018	–	–
28	2378	№ 98, жилище № 28	Фрагмент тигля	–	11,90	44,20	4,12	4,20	2,94	0,83	0,22	4,80	0,0044	0,0079	0,0694	0,1145	0,0012	–	–
29	2380	№ 62	Фрагмент тигля	–	16,00	54,90	0,68	4,60	3,64	0,72	0,21	5,10	0,005	0,0107	0,0738	0,0854	–	–	0,0006

Примечание. Протерком указаны значения ниже предела обнаружения. Анализ проведен И. А. Сапрыкиной.

Таблица 3

Анализ состава натека на тигле, мас. %

Table 3

Chemical composition of the crucible surface, wt. %

Элемент	Содержание	Элемент	Содержание
Cu	2,00	As	–
Pb	0,05	Mn	0,50
Sn	0,05	Au	–
Fe	2,00	Ge	–
Zn	–	In	–
Ag	–	Ti	0,20
Sb	–	Cd	–
Bi	–	Na	0,20
Mg	2,50	Ca	30,00
Si	46,00	Ni	–
Al	55,00	K	10,00
Co	–	–	–

Примечание. Количественный спектральный анализ проведен В. Д. Наумовым в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Инвентарный номер исследованной находки – АД 1960/20287.

Таблица 4

Концентрация меди, цинка, железа и свинца в содержимом тигля КП 4178/1467 (Абидня-9), мас. %

Table 4

Copper, zinc, iron and lead concentration in a crucible from Abidnya, wt. %

Номер спектра	Cu		Zn		Fe		Pb	
	Условное значение	Нормализованное значение	Условное значение	Нормализованное значение	Условное значение	Нормализованное значение	Условное значение	Нормализованное значение
1	13,62	57,20	4,22	37,93	1,32	4,88	–	–
2	8,29	64,89	1,24	21,28	1,56	9,60	0,52	4,23
3	21,47	70,83	2,67	24,01	1,81	5,17	–	–
4	24,97	66,55	4,37	31,35	0,86	2,10	–	–
5	10,31	64,70	1,77	28,42	0,38	2,10	0,64	4,78
6	23,3	61,18	5,26	34,03	2,10	4,80	–	–
7	17,01	64,53	2,74	25,76	1,82	5,68	0,95	4,04
8	8,08	64,99	1,44	29,69	0,77	5,32	–	–
9	28,99	64,03	5,90	34,18	0,87	1,79	–	–
10	21,08	47,68	9,99	48,22	0,52	1,07	1,07	3,04
11	16,89	44,50	8,85	53,63	0,77	1,87	–	–
12	26,31	50,09	9,73	45,66	0,66	1,14	1,29	3,11
13	25,11	58,11	5,84	36,71	0,79	1,62	1,24	3,55
14	13,50	59,14	3,14	38,54	0,58	2,32	–	–
15	16,45	60,01	3,66	37,84	0,64	2,14	–	–
16	4,41	9,32	35,52	90,68	–	–	–	–
17	7,99	29,78	10,87	67,60	0,77	2,62	–	–
18	22,51	60,94	5,32	36,05	1,23	3,01	–	–
19	7,50	52,26	2,78	42,97	0,78	4,77	–	–

Примечание. Анализ проведен Е. А. Сапрыкиным. Метод анализа – СЭМ-ЭДС.

Найденные на поселении Абидня тигли характеризуются чистой внутренней поверхностью. Однако, как показали исследования большой серии тиглей, использованная в литейном ремесле керамика может иметь чистую внутреннюю поверхность, а их форма не соотносится напрямую с определенным типом сплава [45, fig. 3].

Сегодня, основываясь на результатах исследований, достоверно можно говорить о работе на

поселении Абидня с цинкосодержащими сплавами – двойными и тройными латунями, многокомпонентными сплавами. Представленная номенклатура в целом сопоставима с наиболее распространенными в III–V вв. типами сплавов [36]. Конкретное назначение тиглей разных форм (цилиндрических и треугольных) нуждается в дальнейшем исследовании.

Заключение

Материалы раскопок поселения Абидня не дают оснований говорить о существовании на памятнике эмалирного производства. Проведенные исследования не выявили остатки красного стекла ни на треугольных, ни на цилиндрических абиденских тиглях. Подтверждается присутствие здесь лишь литейного производства. Местные ремесленники плавил медные сплавы, содержащие цинк, свинец и олово, что является типичным признаком литейного ремесла изучаемой эпохи как в Восточной Европе, так и на

территории Римской империи. При этом необходимо подчеркнуть, что отсутствие признаков эмалирования еще не дает основания однозначно говорить об отсутствии здесь данного вида производства. Эмалирование относится к ремеслам, материальные следы которых крайне сложно выявить археологически, так как основные характеризующие его признаки связаны с литейным производством. Основной перспективой исследования является детальное изучение свидетельств литейного производства на памятнике.

Библиографические ссылки

1. Поболь ЛД, Наумов ВД. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня. В: Завалеев НЕ, редактор. *Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967 г.)*. Минск: [б. и.]; 1967. с. 424–441.
2. Stawiarska T. *Katalog paciorkow szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich*. Wrocław: PAN; 1987. 147 s.
3. Bitner-Wróblewska A, Stawiarska T. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. In: Bitner-Wróblewska A, Iwanowska G, editors. *Bałtowie i ich sąsiedzi*. Warszawa: PMA, 2009. s. 303–352.
4. Поболь ЛД. *Отчет об археологических раскопках в 1960 г. на могильнике и селище около поселка Адаменка Быховского района Могилёвской области БССР*. Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1960. Д. 109.
5. Поболь ЛД. *Альбом. К отчету об археологических раскопках и обследованиях в Могилёвской и Гомельской областях в 1962 г.* Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1962а. Д. 125.6.
6. Поболь ЛД. *Коллекционная опись археологических материалов из урочища Абидня Могилёвской области, БССР*. Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1962б. Д. 127.
7. Поболь ЛД. *Отчет об археологических раскопках и обследованиях в Верхнем Поднепровье (территория БССР) в 1962 г.* Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1962в. Д. 151.
8. Поболь ЛД. *Отчет об археологических исследованиях на территории БССР в 1964 г.* Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1964. Д. 238.
9. Поболь ЛД. *Отчет о раскопках и разведках археологических памятников в Белорусском Поднепровье в 1965 г.* Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1965. Д. 253.
10. Поболь ЛД. *Отчет об археологических раскопках и разведках в Могилёвском Поднепровье в 1966 г.* Минск: Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси; 1966. Д. 287.
11. Поболь ЛД. Поздний этап зарубинецкой культуры. В: Исаенко ВФ, Митрофанов АГ, Штыхов ГВ, редакторы. *Очерки по археологии Белоруссии. Часть I. Каменный и бронзовый века*. Минск: Наука и техника; 1970. с. 168–183.
12. Поболь ЛД, Ильютюк АВ. Жилища второй четверти I тыс. н. э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.). *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2001;3:102–153.
13. Поболь ЛД, Ильютюк АВ. Жилища второй четверти I тыс. н. э. из Абидни (по материалам раскопок 1962, 1965, 1966 гг.). *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2002;5:124–142.
14. Поболь ЛД, Ильютюк АВ. Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5. В: Лопатин НВ, редактор. *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э.* Москва: Институт археологии РАН; 2002. с. 54–74 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 4).
15. Поболь ЛД, Ильютюк АВ. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2003;8:61–70.
16. Ильютюк АВ, Поболь ЛД. Пряслица второй четверти I тыс. н. э. с селища Абидня. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2005;9:106–111.
17. Ильютюк АВ, Поболь ЛД. Керамика Абидни. В: Ляўко ВМ, редактор. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 14*. Мінск: Беларуская навука; 2007. с. 18–36.
18. Ильютюк АВ, Поболь ЛД. Бусы с поселения Абидня (Белорусское Поднепровье). *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2010;25:244–251.
19. Ильютюк АВ. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника. В: Левко ОН, Белевец ВГ, редакторы. *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2016. с. 198–247.

20. Даниленко ВМ. Пізньюзарубінецькі пам'ятки київського типу. *Археологія*. 1976;19:65–92.
21. Митрофанов АГ. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника; 1978. 160 с.
22. Терпиловский РВ. Локальные варианты киевской культуры. В: *Тезисы докладов советской делегации на VI Международном конгрессе славянской археологии*. Москва: Наука; 1990. с. 95–97.
23. Терпиловский РВ, Абашина НС. *Памятники киевской культуры (свод археологических источников)*. Киев: Наукова думка; 1992. 224 с.
24. Мядзведзеў АМ. Кіеўская культура. У: Шадыра ВІ, Вяргей ВС, рэдактары. *Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняя Сярэднявечча*. Мінск: Беларуская навука; 1999. с. 290–298.
25. Гороховский ЕЛ. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. В: Рыбаков БА, редактор. *Труды V Международного конгресса археологов-славистов; 18–25 сентября 1985 г.; Киев, Украина. Том 4*. Киев: Наукова думка; 1988. с. 34–46.
26. Bayley J. Roman enamels and enameling. In: Bayley J, Freestone I, Jackson C, editors. *Glass of the Roman world*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books; 2015. p. 178–189.
27. Обломский АМ, Терпиловский РВ. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского). В: Обломский АМ, редактор. *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2007. с. 113–141 (Раннеславянский мир; выпуск 10).
28. Ахмедов ИР, Обломский АМ, Радюш ОА. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация). *Российская археология*. 2015;2:146–166.
29. Румянцева ОС, Трифонов АА, Ханин ДА. Химический состав эмалевых вставок и бус. В: Обломский АМ, редактор. *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)*. Москва: Институт археологии РАН; 2018. с. 194–215 (Раннеславянский мир; выпуск 18).
30. Henderson J. Chemical and structural analysis of Roman enamels from Britain. In: Pernichka E, Wagner GA, editors. *Archaeometry'90*. Basel: Birkhauser Verlag; 1991. p. 285–294.
31. Ильютюк АВ, Поболь ЛД. Бусы с поселения Абидня (Белорусское Поднепровье). *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 2010;25:244–251.
32. Алексеева ЕМ. Античные бусы Северного Причерноморья. *Свод археологических источников*. 1978;Г1-12/2.
33. Tempelmann-Maczyńska M. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabner; 1985. 339 p.
34. Charles JA. Determinative mineralogy in the early development of metals. *Journal of the Historical Metallurgy Society*. 1994;28(2):66–68.
35. Барцева ТБ, Вознесенская ГА, Черных ЕН. *Металл черняховской культуры*. Москва: Наука; 1972. 106 с.
36. Сапрыкина ИА. Цинкосодеждающие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э.: «индекс романизации». В: Чернецов АВ, редактор. *Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева*. Москва: Институт археологии РАН; 2018. с. 277–287.
37. Morton V. *Brass from the past: Brass made, used and traded from prehistoric times to 1800*. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd.; 2019. 341 p.
38. Picon M, Le Nezet-Celestin M, Desbat A. Un type particulier des grands recipients en terre réfractaire utilisés pour la fabrication du lait par la cémentation. In: Rivet L, compiler. *Actes du congrès de Rouen; 25–28 mai 1995; Rouen, France*. Rouen: Société Française d'Étude de la Céramique Antique en Gaule; 1995. p. 207–216.
39. Bayley J. The production of brass in antiquity with particular reference to roman Britain. In: Craddock PT, editor. *2000 years of zinc and brass*. London: British Museum; 1998. p. 7–26.
40. Rehren Th. Small Size, Large scale. Roman brass production in Germania Inferior. *Journal of Archeological Science*. 1999;26:1083–1087.
41. Dungworth D. Roman copper alloys: analysis of artefacts from Northern Britain. *Journal of Archaeological Science*. 1997;24:901–910.
42. Pollard AM, Bray P, Gosden C, Wilson A, Hamerow H. Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification on metal flow and recycling. *Antiquity*. 2015;89:697–713. DOI: 10.15184/aqu.2015.20.
43. Dungworth D. A note on the analysis of crucibles and moulds. *Journal of the Historical Metallurgy Society*. 2000;34(2):83–86.
44. Сапрыкина ИА. *Каталог исследованных изделий из цветного металла городища Отмичи. Городище Отмичи*. Москва: Институт археологии РАН; 2008. с. 245–265 (Раннеславянский мир; выпуск 11).
45. Saage R, Wärmländer SKTS. Metal residues in 5th c. BCE – 13th c. CE Estonian tools for non-ferrous metal casting. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018;19:35–51.

References

1. Pobol' LD, Naumov VD. [About some items of material culture of the settlement of Abidnya]. In: Zavaleev NE, editor. *Doklady k XI konferentsii molodykh uchenykh Belorusskoi SSR (noyabr' 1967 g.)* [Reports to the 11th Conference of Young Scientists of the Byelorussian SSR (November 1967)]. Minsk: [n. l.]; 1967. p. 424–441. Russian.
2. Stawiarska T. *Katalog paciorkow szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich*. Wrocław: PAN; 1987. 147 s.
3. Bitner-Wróblewska A, Stawiarska T. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. In: Bitner-Wróblewska A, Iwanowska G, editors. *Bałtowie i ich sąsiedzi*. Warszawa: PMA, 2009. s. 303–352.

4. Pobol' LD. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 1960 g. na mogil'nike i selishche okolo poselka Adamenka Bykhovskogo raiona Mogilevskoi oblasti BSSR* [Report on archaeological excavations in 1960 at the burial ground and settlement near the village of Adamenka, Bykhovsky district, Mogilev region of the BSSR]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1960. c. 109. Russian.
5. Pobol' LD. *Al'bom. K otchetu ob arkheologicheskikh raskopkakh i obsledovaniyakh v Mogilevskoi i Gomel'skoi oblastiakh v 1962 g.* [Album. To the report on archaeological excavations and surveys in Mogilev and Gomel regions in 1962]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1962a. c. 125. 6. Russian.
6. Pobol' LD. *Kollektsionnaya opis' arkheologicheskikh materialov iz urochishcha Abidnya Mogilevskoi oblasti, BSSR* [Collection inventory of archaeological materials from the Abidnya tract of the Mogilev region, BSSR]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1962b. c. 127. Russian.
7. Pobol' LD. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i obsledovaniyakh v Verkhnem Podneprov'e (territoriya BSSR) v 1962 g.* [Report on archaeological excavations and surveys in the Upper Dnieper region (territory of the BSSR) in 1962]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1962v. c. 151. Russian.
8. Pobol' LD. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii BSSR v 1964 g.* [Report on archaeological research on the territory of the BSSR in 1964]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1964. c. 238. Russian.
9. Pobol' LD. *Otchet o raskopkakh i razvedkakh arkheologicheskikh pamyatnikov v Belorusskom Podneprov'e v 1965 g.* [Report on excavations and exploration of archaeological sites in the Belarusian Dnieper region in 1965]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1965. c. 253. Russian.
10. Pobol' LD. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh v Mogilevskom Podneprov'e v 1966 g.* [Report on archaeological excavations and explorations in the Mogilev Dnieper region in 1966]. Minsk: Archive of Archaeological Scientific Documentation of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1966. c. 287. Russian.
11. Pobol' LD. [Late stage of Zarubintsy culture]. In: Isaenko VF, Mitrofanov AG, Shtykhov GV, editors. *Ocherki po arkheologii Belorussii. Chast' I. Kamenniy i bronzovyy vek* [Essays on the archeology of Belarus. Part I. Stone and Bronze Ages]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1970. p. 168–183. Russian.
12. Pobol' LD, Il'yutik AV. [Dwellings of the second quarter of the 1st millennium AD e. from the settlement of Abidnya (based on excavations in 1960)]. *Materials on the archaeology of Belarus*. 2001;3:102–153. Russian.
13. Pobol' LD, Il'yutik AV. [Dwellings of the second quarter of the 1st millennium AD e. from Abidni (based on excavations in 1962, 1965, 1966)]. *Materials on the archaeology of Belarus*. 2002;5:124–142. Russian.
14. Pobol' LD, Il'yutik AV. [Settlement of Abidnya. Buildings 1, 2, 4, 5]. In: Lopatin NV, editor. *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–V vekakh n. e.* [Upper Dnieper and Podvinye in the 3rd–5th centuries AD e.]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2002. p. 54–74 (Early Slavic world. Archeology of the Slavs and their neighbours; issue 4). Russian.
15. Pobol' LD, Il'yutik AV. [Abidnya burial ground in the Upper Dnieper region]. *Materials on the archaeology of Belarus*. 2003;8:61–70. Russian.
16. Il'yutik AV, Pobol' LD. [Whorl of the second quarter of the 1st millennium AD e. from the village of Abidnya]. *Materials on the archaeology of Belarus*. 2005;9:106–111. Russian.
17. Il'yutik AV, Pobol' LD. [Ceramics of Abidnya]. In: Ljawko VM, editor. *Matjeryjaly pa arheologii Belarusi. Vypusk 14* [Materials on the archeology of Belarus. Issue 14]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. p. 18–36. Russian.
18. Il'yutik AV, Pobol' LD. [Beads from the settlement of Abidnya (Belarusian Dnieper)]. *Gistarychna-arhealogichny zbornik*. 2010;25:244–251. Russian.
19. Il'yutik AV. [Abidnya. Ware complex of the settlement and the burial ground]. In: Levko ON, Belevets VG, editors. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period. Kniga 1* [Slavs on the territory of Belarus in the pre-state period. Book 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2016. p. 198–247. Russian.
20. Danylenko VM. [Late Zarubintsy monuments of Kyiv type]. *Arheologija*. 1976;19:65–92. Ukrainian.
21. Mitrofanov AG. *Zheleznyi vek Srednei Belorussii (VII–VI vv. do n. e. – VIII v. n. e.)* [Iron Age of Central Belarus (VII–VI centuries BC – VIII century AD)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1978. 160 p. Russian.
22. Terpilovskii RV. [Local variants of Kiev culture]. In: *Tezisy dokladov sovetskoy delegatsii na VI Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoj arheologii*. Moscow: Nauka; 1990. p. 95–97. Russian.
23. Terpilovskij RV, Abashina NS. *Pamyatniki kievskoi kul'tury (svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Monuments of Kiev culture (a set of archaeological sources)]. Kyiv: Naukova dumka; 1992. 224 p. Russian.
24. Mjadzvedzew AM. [Kiev culture]. In: Shadyra VI, Vjargej VS, editors. *Arheologija Belarusi. Tom 2. Zhalezny vek i rannjaj Sjarjednavechcha* [Archeology of Belarus. Volume 2. The Iron Age and the Early Middle Ages]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 290–298. Belarusian.
25. Gorokhovskii EL. [Chronology of Chernyakhiv cemeteries of forest-steppe Ukraine]. In: Rybakov BA, editor. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov; 18–25 sentyabrya 1985 g.; Kiev, Ukraina. Tom 4* [Proceedings of the 5th International congress of Slavic archaeologists; 1985 September 18–25; Kiev, Ukraine. Volume 4]. Kyiv: Naukova dumka; 1988. p. 34–46. Russian.
26. Bayley J. Roman enamels and enameling. In: Bayley J, Freestone I, Jackson C, editors. *Glass of the Roman world*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books; 2015. p. 178–189.
27. Oblomskii AM, Terpilovskii RV. [Items of clothing with carved enamels in the forest-steppe zone of Eastern Europe (addition to the arches of G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. In: Oblomskii AM, editor. *Pamyatniki kievskoi kul'tury v lesostepnoi zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.)* [Monuments of Kiev culture in the forest-steppe zone of Russia (3rd – beginning of 5th century AD)]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2007. p. 113–141 (Early Slavic world; issue 10).

28. Akhmedov IR, Oblomskii AM, Radyush OA. Bryansk hoard of items with champlevé enamels (preliminary publication). *Rossiiskaya arkheologiya*. 2015;2:146–166. Russian.
29. Rummyantseva OS, Trifonov AA, Khanin DA. [Chemical composition of enamels and beads]. In: Oblomskii AM, editor. *Bryanskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'yu vostochnoevropeiskogo stilya (III v. n. e.)* [Bryansk hoard with champleve enamels in the Eastern European style (3rd century AD)]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 194–215 (Early Slavic world; issue 18). Russian.
30. Henderson J. Chemical and structural analysis of Roman enamels from Britain. In: Pernichka E, Wagner GA, editors. *Archaeometry'90*. Basel: Birkhauser Verlag; 1991. p. 285–294.
31. Il'yutik AV, Pobol' LD. [Beads from the settlement of Abidnya (Belarusian Dnieper)]. *Gistarychna-arhealagichny zbornik*. 2010;25:244–251. Russian.
32. Alekseeva EM. [Antique beads of the Northern Black Sea coast]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. 1978;G1-12/2. Russian.
33. Tempelmann-Maczyńska M. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabner; 1985. 339 p.
34. Charles JA. Determinative mineralogy in the early development of metals. *Journal of the Historical Metallurgy Society*. 1994;28(2):66–68.
35. Bartseva TB, Voznesenskaya GA, Chernykh EN. *Metall chernyakhovskoi kul'tury* [Metal of Chernyakhov culture]. Moscow: Science; 1972. 106 p. Russian.
36. Saprykina IA. [Zinc-containing alloys in non-ferrous metalworking of the forest and forest-steppe zone of the end of the 1st millennium BC e. – the first half of the I millennium BC e.: «index of romanization»]. In: Chernetsov AV, editor. *Zemli rodnoi minuvshaya sud'ba... K yubileyu A. E. Leont'eva* [Native lands past destiny... To the anniversary of A. E. Leontiev]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 277–287. Russian.
37. Morton V. *Brass from the past: brass made, used and traded from prehistoric times to 1800*. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd.; 2019. 341 p.
38. Picon M, Le Nezet-Celestin M, Desbat A. Un type particulier des grands recipients en terre réfractaire utilisés pour la fabrication du lait par la cémentation. In: Rivet L, compiler. *Actes du congrès de Rouen; 25–28 mai 1995; Rouen, France*. Rouen: Société Française d'Étude de la Céramique Antique en Gaule; 1995. p. 207–216.
39. Bayley J. The production of brass in antiquity with particular reference to Roman Britain. In: Craddock PT, editor. *2000 years of zinc and brass*. London: British Museum; 1998. p. 7–26.
40. Rehren Th. Small size, large scale. Roman brass production in Germania Inferior. *Journal of Archeological Science*. 1999;26:1083–1087.
41. Dungworth D. Roman copper alloys: analysis of artefacts from Northern Britain. *Journal of Archeological Science*. 1997;24:901–910.
42. Pollard AM, Bray P, Gosden C, Wilson A, Hamerow H. Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification on metal flow and recycling. *Antiquity*. 2015;89:697–713. DOI: 10.15184/aqy.2015.20.
43. Dungworth D. A note on the analysis of crucibles and moulds. *Journal of the Historical Metallurgy Society*. 2000;34(2): 83–86.
44. Saprykina IA. *Katalog issledovannykh izdelii iz tsvetnogo metalla gorodishcha Otmichi. Gorodishche Otmichi* [Catalog of researched products from non-ferrous metal of the Otmichi settlement. Otmichi settlement]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 245–265 (Early Slavic world; issue 11). Russian.
45. Saage R, Wärmländer SKTS. Metal residues in 5th c. BCE – 13th c. CE Estonian tools for non-ferrous metal casting. *Journal of Archeological Science: Reports*. 2018;19:35–51.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Шумейко М. Ф., Яновская В. В., Яновский О. А. **Неизвестный В. И. Пичета**. Минск : БГУ, 2021. 436 с.

Шумейка М. Ф., Яноўская В. В., Яноўскі А. А. **Невядомы В. І. Пічэта**. Мінск : БДУ, 2021. 436 с. (на рус.).

Shumeiko M. F., Yanovskaya V. V., Yanovskiy O. A. **Unknown V. I. Picheta**. Minsk : Belarus. State Univ., 2021. 436 p. (in Rus.).

Совсем недавно мы отметили 100-летие флага на высшего образования и поистине национального бренда нашей страны – Белорусского государственного университета. В юбилейный день, 30 октября 2021 г., на устах многих жителей республики звучало имя первого ректора БГУ Владимира Ивановича Пичеты – всемирно известного историка-слависта, одного из инициаторов создания Института белорусской культуры, Белорусской академии наук и Института славяноведения АН СССР, основателя и первого руководителя кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета, одного из первых белорусских академиков, академика АН СССР, единственного в истории Беларуси заслуженного профессора БССР.

Первые статьи о жизни и деятельности В. И. Пичеты опубликованы после его смерти в июне 1947 г. Затем появилось много работ, посвященных ученому: сборник «Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты» (1978), «Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель» (1978), «Академик В. И. Пичета. Страницы жизни» (1981), книга «Памяць і слава. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта» (2011) и др. Творчество историка исследуется в статьях Э. Г. Иоффе, О. А. Яновского, М. Ф. Шумейко, Е. В. Барановой, а также в кандидатских диссертациях Э. Г. Иоффе «В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV – первая половина XVII века)» (1974)

и Е. В. Барановой «Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918–1930 гг.)» (2009).

К сожалению, долгие годы неисследованным оставалось рукописное наследие ученого. Именно поэтому с таким большим интересом белорусские историки и представители научной общественности встретили выход в свет книги «Неизвестный В. И. Пичета» (составители – М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский).

Выход рецензируемого издания – результат плодотворной совместной работы ученых БГУ и коллектива Архива Российской академии наук. Сотрудники архива сделали все возможное, чтобы находившиеся у них рукописи выдающегося историка были оцифрованы и переданы белорусским специалистам.

Данная книга подписана к печати 29 сентября 2021 г., за месяц до столетия БГУ. Этот юбилей подтолкнул составителей издания к новому осмыслению научного и творческого наследия В. И. Пичеты. Почти все материалы рецензируемой книги издаются впервые и будут полезны как исследователям-историкам, так и читателям, интересующимся историей науки и высшего образования в БССР и СССР.

Объективное изучение рукописного наследия академика В. И. Пичеты позволяет расширить представление о диапазоне научных интересов этого незаурядного ученого, которого в 1940-х гг. многие советские и зарубежные историки, в том числе его коллеги и ученики, считали гордостью советской науки.

Монография В. И. Пичеты «Обзор деятельности 1-го западного комитета», имеющая неоценимое научное значение для современной белорусской и российской историографии, дополнена своеобразным творческим фоном – десятками писем, адресованных ученому известными советскими

историками, учениками, аспирантами, друзьями и коллегами. Эти письма дают возможность отразить политические условия, в которых В. И. Пичета проводил исследования, оказавшиеся не востребованными в силу новых установок в контексте написания истории СССР.

Нельзя не согласиться с мнением составителей книги: «Рукопись В. И. Пичеты не потеряла свою актуальность для белорусской историографии не только в силу определенной недосказанности и разногласия мнений о самом восстании 1830–1831 гг., его характере, а следовательно, и о той политике, которую проводили власти Российской империи на территории Беларуси и Литвы. Она дает представление о сложном пути развития белорусской историографии (и о судьбах отдельных историков) на этапе ее становления. На этом этапе как никогда следовало учитывать влияние политического фактора, а также официальной интерпретации любой научной проблемы со стороны советских властей разного уровня полномочий» (с. 6).

Принципиально важно, что составители рецензируемого издания констатируют, что их интересует вопрос, насколько концептуальные подходы В. И. Пичеты вписывались в белорусскую историографию 1930-х гг., насколько он как профессионал старой школы оставался верен ее парадигмам и концепциям. Авторы анализируют статью В. И. Пичеты «Гістарыяграфія гісторыі Беларусі XIX – пачатку XX ст. у працах 1920–1990-х гг.», в которой первый этап развития историографии (1918 г. – 1930-е гг.) охарактеризован как переход от ограниченного концептуального плюрализма к установлению марксистско-ленинско-сталинской методологии.

В данной книге отмечается, что «автор статьи М. О. Бич без сомнения рассматривает В. И. Пичету как одного из основоположников белорусской историографии, относя к его научным интересам проблемы историографии, развития классовых противоречий, сельского, рабочего, национального и оппозиционного движения» (с. 8). На наш взгляд, это предложение написано верно, но имеет две неточности. Автором данной статьи является не М. О. Бич, а М. П. Костюк. И вместо слова «сельского» должно быть написано «крестьянского».

Составители книги акцентируют внимание читателей на том, что В. И. Пичета четко определяет время и цели восстания на территории Беларуси: «Восстание в Белоруссии 1831 года, естественно, явилось протестом против той русификаторской политики, которую русское правительство осуществляло в Белоруссии» (с. 6). Анализируя мероприятия внутренней политики властей в отношении Беларуси и Литвы, М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская и О. А. Яновский правомерно ссылаются на неоднократно высказан-

ную мысль ученого: «...многие моменты были уже продуманы, заранее подготовлены, а восстание явилось лишь катализатором для их реализации, а не исходным моментом» (с. 9).

Мы считаем правильным, что при передаче текста составители придерживались правил современной орфографии. Весьма важно, что пометы и исправления, сделанные женой В. И. Пичеты Александрой Петровной, отражены в подстрочной сноске с указанием ее инициалов в скобках. Большинство приводимых В. И. Пичетой цитат сверены с опубликованными источниками.

Хотелось бы повторить строки из предисловия к разделу «Письма В. И. Пичеты, его коллег и учеников»: «Если публикация неизданной рукописи Владимира Ивановича Пичеты позволяет заинтересованному читателю и специалисту-историку прикоснуться к результату многолетнего напряженного творческого труда исследователя, то публикуемые письма его коллег-ученых и учеников как бы раскрывают некоторые обстоятельства тех лет, в течение которых создавался западный комитет. А это конец 1920-х – 1940-е гг. Чуть ли не в каждом письме ощущается неподдельное восхищение научным талантом Владимира Ивановича, забота о его сбережении на благо истории. Одновременно читатель погружается в политическую атмосферу творческих и просто человеческих отношений, характерных для круга Пичеты» (с. 238).

Особый интерес у читателей вызовет раздел «Тексты В. И. Пичеты, которые удалось прочесть», содержащий приветствие ученого, приуроченное к юбилею Якуба Коласа, от 3 декабря 1942 г., письмо секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову от 3 декабря 1942 г., письмо в Президиум АН БССР от 12 мая 1943 г., письмо академику Н. М. Никольскому от 30 ноября 1944 г. и др.

Раздел «Корреспонденты В. И. Пичеты» содержит письма, адресованные ученому. Это письма бывшего профессора БГУ А. Н. Вознесенского, профессора БГУ, академика АН БССР М. О. Гредингера и его жены М. И. Гредингер, академика АН СССР Б. Д. Грекова, белорусского историка Д. И. Довгялло, бывшего профессора БГУ Д. А. Жаринова, директора Института истории АН БССР Н. М. Никольского, одного из первых профессоров БГУ, академика АН БССР В. Н. Перцева, профессора БГУ, заведующего кафедрой истории народов СССР А. А. Савича, заведующего общим отделом БГУ Д. И. Серко, одного из первых профессоров БГУ, основателя белорусской научной школы педагогики и психологии И. М. Соловьёва, историка-слависта, академика АН СССР М. Н. Тихомирова, одной из первых аспиранток ученого К. Н. Товстолес-Шионок, одного из основателей белорусского советского искусствоведения Н. Н. Щекотихина, одного из первых профессоров

БГУ, экономиста и статистика В. В. Якунина, а также дарственные надписи академика АН СССР и АН БССР А. М. Панкратовой.

Рецензируемая книга хорошо оформлена и иллюстрирована множеством черно-белых и цветных фотографий. Но, к сожалению, на некоторых страницах допущены неточности.

Так, на с. 7–8 указано: «В послевоенный период изучением роли Комитета западных губерний в решении крестьянского вопроса занимались К. И. Керножицкий, М. Б. Фридман, В. В. Чепко». Это утверждение не в полной мере соответствует истине, так как К. И. Керножицкий умер 28 января 1942 г.

В сноске 224 (с. 313) утверждается, что Т. С. Горбунов был секретарем ЦК КП(б)Б в 1940–50-х гг. В действительности же этот ответственный пост он занимал в 1941–1947 и в 1950–60-х гг.

В сноске 261 (с. 326) указано, что заместитель директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б

М. А. Поташ умер после 1949 г. На самом деле его не стало после 1955 г.

В сноске 414 (с. 379) не указано, что С. Н. Валк был доктором исторических наук и профессором.

В сноске 429 (с. 381) составители рецензируемой книги забыли указать, что А. М. Деборин был академиком АН СССР (с 1929 г.).

В заключение отметим, что составители книги «Неизвестный В. И. Пичета» провели колоссальную исследовательскую работу, создав невероятно ценное, необходимое как специалистам, так и всем интересующимся историей Беларуси и России издание. Без преувеличения считаем его подготовку настоящим научным подвигом. Сожалеем только об одном: уникальная книга вышла в свет тиражом всего в 150 экз. Надеемся, что она будет переиздана в значительно большем количестве.

Э. Г. Иоффе¹

¹Эммануил Григорьевич Иоффе – доктор исторических наук, профессор; независимый исследователь (Минск, Беларусь).
Эмануїл Рыгоравіч Іофе – доктар гістарычных навук, прафесар; незалежны даследчык (Мінск, Беларусь).
Emanuil G. Ioffe, doctor of science (history), full professor; independent researcher (Minsk, Belarus).
E-mail: mach1939@mail.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST



**Петр Иванович
БРИГАДИН**

**Пётр Іванавіч
БРЫГАДЗІН**

**Pjotr Ivanavich
BRYGADZIN**

Вядомы беларускі гісторык, дзяржаўны дзеяч, дырэктар Інстытута бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар Пётр Іванавіч Бригадзін пайшоў з жыцця 12 снежня 2021 г.

П. І. Бригадзін нарадзіўся 24 жніўня 1949 г. у в. Моладава Іванаўскага раёна тагачаснай Пінскай вобласці БССР. У сям'і было чацвёрта дзяцей, якія ўжо з маленства прывучаліся да працы. Кожны меў свае абавязкі і дапамагаў бацькам. Здаралася, што не заставалася часу для падрыхтоўкі да школьных заняткаў. Але прыроджаны талент, працавітасць і імкненне да ведаў садзейнічалі таму, што ўсе дзеці атрымалі адукацыю ў БДУ.

Малая радзіма сям'і Бригадзіных была насычана гістарычнымі сведчаннямі, падштурхоўвала да пошуку інфармацыі пра сваю спадчыну. Пасля заканчэння Моладаўскай сярэдняй школы ў 1966 г. П. І. Бригадзін паступіў на гістарычны факультэт БДУ, які скончыў у 1971 г. Два гады служыў

у Савецкай арміі ў Брэсце, быў камандзірам узвода, сакратаром камітэта камсамола палка.

Пасля вайскавай службы Пётр Іванавіч вярнуўся ва ўніверсітэт ужо з багатым жыццёвым вопытам. Сваю працоўную дзейнасць ён пачаў загадчыкам кабінета кафедры гісторыі КПСС гуманітарных факультэтаў БДУ. З 1977 г. П. І. Бригадзін выкладаў на кафедры гісторыі КПСС БДУ і адначасова ўзначальваў камітэт камсамола ўніверсітэта. Любоў да працы і ўменне размяркоўваць свой час дазвалялі паспяхова сумяшчаць насычаную арганізацыйна-педагагічную дзейнасць з вучобай у аспірантуры. У 1978 г. пад навуковым кіраўніцтвам прафесара М. Я. Шкляра малады вучоны абараніў кандыдацкую дысертацыю «Камсамол Беларусі – актыўны памочнік партыі ў культурным будаўніцтве (1966–1970 гг.)». Менавіта ў гэты час заклаліся асновы навуковага светапогляду Пятра Іванавіча. Вялікі ўплыў на яго аказала дзейнасць Г. М. Ліўшыца, Ф. М. Нячая, М. П. Палетыкі, П. З. Савачкіна,

У. М. Сікорскага. Творчая атмасфера і багаты навукова-педагагічны патэнцыял БДУ спрыялі таму, што, папрацаваўшы пэўны час на пасадзе загадчыка аддзела прапаганды і культурна-масавай работы ЦК ЛКСМБ, у 1982 г. Пётр Іванавіч вярнуўся ў БДУ на пасаду намесніка сакратара парткама з правамі райкама КПБ.

Змены, якія адбываліся ў СССР у сярэдзіне 1980-х гг., патрабавалі ініцыятыўных і дынамічных кіраўнікоў. П. І. Брыгадзін заняў пасаду інструктара аддзела навукі і навучальных устаноў ЦК КПБ. У 1988 г., у бурлівы і складаны для краіны перыяд, Пётр Іванавіч становіцца прарэктарам па вучэбнай рабоце БДУ. У гэты перыяд назіраецца імклівы росквіт беларускай гістарычнай навукі, у першую чаргу даследаванняў па айчыннай гісторыі. У 1994 г. кафедра гісторыі Беларусі гістарычнага факультэта БДУ была рэарганізавана. У выніку з'явіліся кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў (загадчыкам стаў П. А. Лойка) і кафедра гісторыі Беларусі новага і навейшага часу, якую ўзначаліў П. І. Брыгадзін.

Пётр Іванавіч не супыняў і асабістага навукова-педагагічнага росту. Станаўленне незалежнай Беларусі, праблемы фарміравання партыйных і грамадскіх структур патрабавалі ўважлівага вывучэння гістарычнай спадчыны. У 1995 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю «Эсэры ў Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.)», а ў 1996 г. яму было прысвоена вучонае званне прафесара.

На мяжы XX–XXI стст. склаліся магчымасці для максімальнага раскрыцця арганізацыйнага і творчага патэнцыялу П. І. Брыгадіна: у 1996–2000 гг. ён займаў пасаду першага прарэктара БДУ, рэктара Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, з 21 ліпеня 2000 г. – рэктара Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Затым, 19 кастрычніка 2001 г., Пётр Іванавіч быў прызначаны міністрам адукацыі. Перыяд яго знаходжання на гэтай пасадзе адзначыўся рэформамі. Дастаткова ўгадаць, што менавіта пры яго непасрэдным удзеле была распрацавана і пачала рэалізоўвацца рэформа па пераходзе на 10-бальную шкалу ацэнкі ведаў у сярэдняй школе, вышэйшых навучальных і іншых адукацыйных установах Беларусі.

З 2003 г. Пётр Іванавіч займаў пасаду дырэктара Дзяржаўнага інстытута кіравання і сацыяльных тэхналогій БДУ (ДзіКСТ БДУ). Менавіта дзякуючы намаганням П. І. Брыгадіна ўстанова стала карыстацца высокім аўтарытэтам. Ён з энтузіязмам займаўся ўсімі кірункамі дзейнасці: гаспадарчымі справамі, будаўніцтвам і рамонтам карпусоў, падборам прафесарска-выкладчыцкага складу, які па некаторых спецыяльнасцях толькі пачынаў фарміравацца, часта сустракаўся з прадстаўнікамі бізнесу, студэнтамі

і абітурыентамі. Інстытут атрымаў правы юрыдычнай асобы, у яго структуры былі створаны новыя цэнтры і ўпраўленні. У 2004 г. тут працавалі ўжо 9 кафедр, навучаліся 1500 студэнтаў, у 2006 г. іх колькасць узрасла да 2500 чалавек. У 2016–2017 гг. Пётр Іванавіч займаў таксама пасаду загадчыка кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ. У 2018 г. ДзіКСТ БДУ быў аб'яднаны з Інстытутам бізнесу і менеджменту тэхналогій БДУ, у выніку чаго быў створаны Інстытут бізнесу БДУ, які адразу стаў адной з вядучых навучальных устаноў эканамічнага профілю ў краіне. Кіраваць установай было даручана П. І. Брыгадзіну, з чым ён паспяхова спраўляўся. Аб гэтым сведчаць цудоўная матэрыяльна-тэхнічная база інстытута і поспехі яго выпускнікоў.

На працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў Пётр Іванавіч у розны час з'яўляўся членам Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Парламенцкага сходу Саюза Беларусі і Расіі, Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь.

Разам з працай па кіраванні ДзіКСТ БДУ, а пасля Інстытутам бізнесу БДУ П. І. Брыгадзін не пакідаў і даследчыцкай дзейнасці. Ужо ў 2003 г. у суаўтарстве з прафесарам У. Ф. Ладысевым выйшла яго вядомая праца «Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.)». Навуковыя інтарэсы Пятра Іванавіча знаходзіліся ў сферы гісторыі Беларусі XIX–XX стст., палітычнай гісторыі нашай краіны, праблем дзяржаўнага кіравання, аднак ён з цікавасцю прымаў удзел у дыскусіях на іншыя тэмы развіцця айчыннай гістарычнай навукі. Пры яго дзейным удзеле пачаўся выхад у свет новага пакалення падручнікаў па гісторыі Беларусі для студэнтаў універсітэтаў. Значны вопыт даследчай і кіраўнічай дзейнасці П. І. Брыгадіна паўплываў на тое, што амаль два дзесяцігоддзі ён ўзначальваў савет па абароне доктарскіх дысертацый пры БДУ.

П. І. Брыгадзін стаў аўтарам каля 100 навуковых прац па гісторыі Беларусі, тэорыі кіравання, сацыялогіі, у тым ліку аўтарам і суаўтарам 10 манаграфій, 12 падручнікаў і навучальных дапаможнікаў, падрыхтаваў 6 дактароў і 7 кандыдатаў навук. Па шляху бацькі пайшлі і два сыны Пятра Іванавіча. Сын Дзяніс абараніў дысертацыю «Злачыннасць у Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.», з'яўляецца аўтарам шматлікіх прац па гісторыі Беларусі і юрыспрудэнцыі.

Дзейнасць П. І. Брыгадіна адзначана суайчыннікамі і кіраўніцтвам краіны. Ён узнагароджаны медалём «За працоўную доблесць» (1981), Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь (1998), Ганаровай граматай Нацыянальнага сходу Рэспублікі

Беларусь (2001), удастоены званняў «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (1998) і «Заслужаны раб-ботнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (1999).

Пётр Іванавіч Брыгадзін ва ўсіх адносінах з’яўляўся шматграннай асобай. Ён быў не толькі выдатным навукоўцам, але і шчырым чалавекам, цудоўным бацькам і дзедам, надзейным сябрам, спагадлівым кіраўніком, паважаным выкладчыкам, надзейным дарадцам. Яго вылучалі мэтанакіраванасць, добразычлівасць, якія гарманічна спалучаліся з патрабавальнасцю і прынцыповасцю.

Навуковая супольнасць БДУ, рэдакцыйная калегія выдання «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», калегі, сябры і студэнты глыбока смуткуюць з нагоды смерці Пятра Іванавіча. Жалобнае развітанне з ім адбылося ў холе будынка рэктарата БДУ 14 снежня 2021 г. Пахаваны Пётр Іванавіч Брыгадзін на Заходніх могілках Мінска.

*І. І. Янушэвіч¹, А. Г. Кахановіч²,
В. С. Макарэвіч³, С. Н. Ходзін⁴*

¹Іван Іванавіч Янушэвіч – кандыдат гістарычных навук, доцент; прарэктар па выхавальнай рабоце і сацыяльным вопросам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Іван Іванавіч Янушэвіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; прарэктар па выхавальнай рабоце і сацыяльных пытаннях Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ivan I. Yanushevich, PhD (history), docent; vice-rector for social and educational work, Belarusian State University.

E-mail: yanush@bsu.by

²Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Генадзьевіч Кахановіч – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: kohanovsky@bsu.by

³Виталий Сергеевич Макарович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Сяргеевіч Макарэвіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і най-вейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitaly S. Makarevich, PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: makarevs@bsu.by

⁴Сергей Николаевич Ходин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Ходзін – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: skhodzin@mail.ru



**Юрий Евгеньевич
ИВОНИН**

**Юрый Яўген'евіч
ІВОНІН**

**Yurii Evgen'evich
IVONIN**

В конце декабря 2021 г. ушел из жизни медиевист с мировым именем, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Юрий Евгеньевич Ивонин.

Родился Ю. Е. Ивонин 26 августа 1947 г. в Брандербурге в семье военнослужащего, проходившего службу в группе советских войск в Германии. Само место рождения предопределило его прекрасное владение немецким языком и глубокий интерес к Германии и ее роли в судьбе стран Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени.

В 1969 г. Юрий Евгеньевич окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Спустя несколько лет ему удалось поступить в аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1974 г. Ю. Е. Ивонин успешно завершил обучение, защитив кандидатскую диссертацию «Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии» под руководством классика советской медиевистики, профессора В. В. Штокмар.

После окончания аспирантуры молодой ученый был направлен в БГУ, где проработал до 1987 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков. Этот период (13 лет) был очень плодотворным и для него, и для кафедры. В 1980–1981 гг. в течение 10 месяцев Ю. Е. Ивонин проходил научную стажировку в Лейпцигском университете. В 1984 г. он защитил докторскую диссертацию «Англия и Священная Римская империя в системе международных отношений конца XV – первой половины XVI в.». Это была первая докторская диссертация по медиевистике, подготовленная и защищенная ученым из БГУ. В своем исследовании Ю. Е. Ивонин доказал, что англоимперские отношения на протяжении всего изучаемого периода имели системное, общеевропейское значение.

В сентябре 1985 г. во многом благодаря инициативе Юрия Евгеньевича и его широким личным связям в сообществе советских медиевистов на кафедре истории древнего мира и средних веков был проведен научный colloquium «Международные связи в средневековой Европе». В нем участвовали ведущие российские исследователи того времени: Н. И. Басовская, В. Г. Безрогов, Т. П. Гусарова, А. П. Черных, О. И. Варьяш.

В 1987 г. увидело свет издание «И живы памятью столетий. Очерки о руководителях народных движений в средневековой Европе», вышедшее под редакцией Ю. Е. Ивонина и Н. А. Гусаковой. Сборник, собравший на своих страницах очерки, написанные ведущими советскими медиевистами, получил высокую оценку научного сообщества. «Медиевисты не избалованы популярными изданиями, – писал в своей рецензии известный советский российский медиевист П. Ю. Уваров. – Изыскания историков остаются достоянием академической или вузовской науки. Книги научно-популярной серии читают в основном представители интеллигенции, а существующий большой интерес публики к истории средних веков удовлетворяется беллетристикой, кинофильмами и телесериалами главным образом западного происхождения... Поэтому появление сборника очерков “И живы памятью столетий” не может не обрадовать. Авторы, историки Минска, Москвы и Ленинграда, получили наконец возможность напрямую обратиться к самой широкой аудитории»¹.

В том же году Юрий Евгеньевич перешел на работу в Запорожский государственный университет, где стал деканом исторического факультета, ведущим кафедрой всеобщей истории, получил звание профессора (1989).

В Минске в издательстве «Университетское» были опубликованы его первые монографии: «У истоков

¹Уваров П. Ю. [Рецензия] // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 243–246. Рец. на кн.: И живы памятью столетий. Очерки о руководителях народных движений в средневековой Европе / под ред. Ю. Е. Ивонина и Н. А. Гусаковой. Минск, 1987. С. 243.

европейской дипломатии нового времени» (1984) и «Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох» (1989). Они положили начало целой серии книг и публикаций, приведших в итоге к созданию фундаментального трехтомника «Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806 гг.», изданного в Смоленске.

В одном из интервью, возвращаясь к периоду своей историко-исследовательской и педагогической деятельности времен Советского Союза, профессор подчеркнул: «Я как старался быть объективным исследователем, так им и остался. Просто теперь не надо подкреплять свои идеи и выводы ссылками на произведения классиков марксизма-ленинизма. Конечно, в СССР история как наука была часто идеологизирована. Но это и понятно, ведь в нашей стране осуществлялась попытка создания социально справедливого государства»².

С 1995 г. Ю. Е. Ивонин работал в Смоленском государственном университете заведующим кафедрой всеобщей истории и международных отношений. В 2008 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Все годы своей работы в Украине и России профессор поддерживал тесные связи с медиевистами БГУ. Он выступал с докладами почти на всех науч-

ных конференциях, посвященных памяти академиков Н. М. Никольского и В. Н. Перцева, в большинстве из них входил в оргкомитет. Ю. Е. Ивонин продолжал привлекать историков БГУ к работе над совместными изданиями («Очерки истории христианской церкви в Европе», «Проблемы государственно-политического развития в истории стран Европы» и др.). Его верным спутником в жизни и науке стала выпускница БГУ, доктор исторических наук, профессор Л. И. Ивонина.

Исследования Юрия Евгеньевича в сфере медиевистики и истории международных отношений оказали большое влияние на изучение этой проблематики в Беларуси. Развитием его концепции об итальянских войнах как первом общеевропейском конфликте стала вышедшая несколько месяцев назад объемная монография белорусского ученого Д. В. Мазарчука о первой итальянской войне³. В немалой степени под влиянием результатов исследований профессора Ю. Е. Ивонина хронологический диапазон университетского курса истории международных отношений расширился с середины XVII в. до позднего Средневековья.

Светлая память о Юрии Евгеньевиче навсегда сохранится у коллег и учеников. Его вклад в развитие белорусской медиевистики уникален.

И. О. Евтухов⁴, В. А. Федосик⁵

²Цит. по: Евтухов И. О. Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск : БГУ, 2015. С. 117.

³Мазарчук Д. В. Первая итальянская война и межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в. Минск : Беларус. навука, 2021. 278 с.

⁴Игорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ігар Арэставіч Еўтухоў – доктар гістарычных навук; прафесар кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ihar A. Yeutukhou, doctor of science (history); professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: ewtuhow@tut.by

<https://orcid.org/0000-0003-3670-4694>

⁵Виктор Анатольевич Федосик – доктор исторических наук, профессор; независимый исследователь (Минск, Беларусь).

Віктар Анатольевіч Федосік – доктар гістарычных навук, прафесар; незалежны даследчык (Мінск, Беларусь).

Victar A. Fiadosik, doctor of science (history), full professor; independent researcher (Minsk, Belarus).

E-mail: v.fedosik@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Лукашевич А. М.</i> Непредсказуемая стабильность: губернаторский корпус в Белорусско-Литовском крае при Павле I в 1796–1801 гг.	7
<i>Антонович З. В.</i> Архивы органов епархиального управления христианских конфессий на белорусских землях в конце XVIII – начале XX в.	20
<i>Гужаловский А. А.</i> Больше не табу: либерализация сексуальной культуры в БССР периода хрущевской оттепели.....	30

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Метель О. В.</i> Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг.	40
<i>Крих С. Б.</i> «Проигравший» учебник: А. И. Немировский и преподавание истории Древнего мира в советской школе.....	51

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Шайдуrow В. Н., Сапронова Н. А., Гончаров Ю. М., Новогородский Т. А.</i> Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.).....	60
---	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Румянцева О. С., Сапрыкина И. А., Белицкая А. Н.</i> Производственный комплекс поселения Абидня позднеримского времени: первые результаты комплексного исследования	73
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Иоффе Э. Г.</i> Шумейко М. Ф., Яновская В. В., Яновский О. А. Неизвестный В. И. Пичета	95
---	----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Петр Иванович Бригадин 	98
Юрий Евгеньевич Ивонин 	101

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі.....	5
------------------	---

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Лукашэвіч А. М. Непрадказальная стабільнасць: губернатарскі корпус у Беларуска-Літоўскім краі пры Паўле I у 1796–1801 гг.	7
Антановіч З. В. Архівы органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.	20
Гужалоўскі А. А. Больш не табу: лібералізацыя сексуальнай культуры ў БССР перыяду хрушчоўскай адлігі	30

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

Мяцель В. В. Інстытут навуковага атэізму і развіццё рэлігіязнаўчых даследаванняў у СССР у 1960–80-я гг.	40
Крых С. Б. Падручнік, які «праіграў»: А. І. Неміроўскі і выкладанне гісторыі Старажытнага свету ў савецкай школе	51

ЭТНАЛОГІЯ

Шайдураў У. М., Сапронова Н. А., Ганчароў Ю. М., Навагродскі Т. А. Цыганы ў Сібіры (канец XVIII ст. – XX ст.)	60
---	----

АРХЕАЛОГІЯ

Румянцава А. С., Сапрыкіна І. А., Бяліцкая А. М. Вытворчы комплекс пасялення Абідня познерымскага часу: першыя вынікі комплекснага даследавання	73
---	----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

Іофе Э. Р. Шумейка М. Ф., Яноўская В. В., Яноўскі А. А. Невядомы В. І. Пічэта	95
---	----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Пётр Іванавіч Брыгадзін 	98
Юрый Яўгеньевіч Івонін 	101

CONTENTS

Editorial.....	5
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Lukashevich A. M.</i> Unpredictable stability: the governor's case in the Belarusian-Lithuanian Region under Paul I in 1796–1801	7
<i>Antonovich Z. V.</i> Archives of dioeces bodies of Christian confessions in Belarus in the late 18 th – early 20 th century	20
<i>Huzhalouski A. A.</i> No longer taboo: liberalisation of sexual culture in Soviet Belarus during Khrushchev's thaw.....	30
HISTORIOGRAPHY	
<i>Metel O. V.</i> The Institute of the Scientific Atheism and the transformation of the field of religious studies in the USSR in the 1960–80s	40
<i>Krikh S. B.</i> «Loser» textbook: A. I. Nemirovskii and the teaching of the history of the Ancient world in the Soviet school	51
ETHNOLOGY	
<i>Shaidurov V. N., Sapronova N. A., Goncharov Yu. M., Novogrodski T. A.</i> Gypsies in Siberia (end of the 18 th – 20 th century)	60
ARCHAEOLOGY	
<i>Rumyantseva O. S., Saprykina I. A., Belitskaya A. N.</i> Manufacturing complex of the Abidnya settlement of the late Roman time: first results of the interdisciplinary research	73
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Ioffe E. G.</i> Shumeiko M. F., Yanovskaya V. V., Yanovskiy O. A. Unknown V. I. Picheta	95
TO THE MEMORY OF SCIENTIST	
Pjotr Ivanavich Brygadzin	98
Yurii Evgen'evich Ivonin	101

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 2. 2022**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 2. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.04.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 3244.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *A. Y. Leschinskaya*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 29.04.2022.
Edition 100 copies. Order number 3244.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastychnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022